

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 8

2 • 2026

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included: in Scopus base (since 2025); in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-66-20

e-mail: ioad@yandex.ru

© History and Archives, 2026

«История и архивы»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГУ)

Научный журнал «История и архивы» индексируется в Scopus (с 2025 г.); включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки),
- 5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки).

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
Тел: 8-495-250-66-20; электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubnicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP), Saratov, Russian Federation

S.V. Karpenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoj, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

- O.V. Pavlenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S. Petkova*, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria
- N.V. Rostislavleva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.S. Senin*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- M.F. Shumeiko*, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus
- A.K. Sorokin*, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation
- P.P. Shkarenkov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T. Shirai*, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan
- F.G. Taratorkin*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- Yu. Tonai*, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

- T.I. Khorkhordina*, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)
- P.N. Lebedev*, Cand. of Sci (History), associate professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека, Ташкент, Республика Узбекистан

С.В. Карпенко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет имени св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сецин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

- Хорхордина Т.И.*, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)
- Халилова Л.А.*, кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)
- Лебедев П.Н.*, кандидат исторических наук, доцент (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

В.А. Карташов

- «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО)
Часть 2: Религиозные практики «странствия» и судебные преследования 12

Всеобщая история

Т.Ю. Спирина

- «Deus ex machina»: к вопросу о связи между культами Асклепия и Гликона 27

А.Н. Малькова

- Нищие и бродяги в нарративных источниках средневековой Исландии: опыт компаративного анализа материала исландских саг и свода законов «Серый гусь» 42

Д.А. Перепехин

- Дискуссии по проблемам европейской безопасности на переговорах площадках в Швейцарии: 1945–1991 гг. 60

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Д.Е. Евсюков

- Сказки переписчиков второй подворной переписи 1678 г. как исторический источник: Старооскольский и Яблоновский уезды 74

А.Г. Мирзоян

- Британская пресса о подготовке миссии У. Ренсимена в Чехословакию (июль–август 1938 г.) 89

О.В. Татарников

- Отечественная историография советского телевидения: достижения, проблемы и перспективы исследований 103

Н.В. Елисеева

- Мемуары политических и государственных деятелей современной России как фактор формирования исторического нарратива 122

Персональная история

А.В. Попов

- Зигзаги судьбы советского комсомольца
и американского социолога Джорджа Фишера 139

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

Л.Н. Мазур

- «Чтобы помнили...»: деятельность государственных архивов
по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне ... 160

А.А. Павлов

- Путь на восток: эвакуация документов
Государственного архива Калининской области
в годы Великой Отечественной войны 179

В фондах отечественных и зарубежных архивов

А.С. Нилогов

- Родословная семьи Алексея Лукьяновича Смирнова –
прадеда В.И. Ульянова (Ленина):
по фондам Государственного архива Астраханской области 194

У книжной полки

А.К. Чапанов

- Сравнительный анализ
современных документальных публикаций
по истории Ингушетии (2022–2024 гг.) 220

А.С. Сенин

- Важный евроазиатский маршрут:
о сборнике документов «Улан-Баторская железная дорога:
История и современность»
(М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 512 с.) 233

In Memoriam

А.А. Чернобаев

- Мой друг Евгений Старостин 244

CONTENTS

Russian History

V. Kartashov

- “Going on a pilgrimage” and “fleeing from the antichrist”:
the Old Believers-Wanderers of the Saratov province
in the second half of the 19th century
(based on the GASO archival materials).
*Part 2. Religious practices of “wandering”
and the judicial persecution* 12

World History

T. Spirina

- “Deus ex machina”: re-evaluating the relationship
between the cults of Asclepius and Glykon 27

A. Malkova

- Beggars and vagrants in the narrative sources
of Medieval Iceland: a comparative research
of the Icelandic sagas’ material and the “Grágás” law code 42

D. Perepekhin

- Discussions on European security issues
at the negotiating venues in Switzerland (1945–1991) 60

Historiography, Source Study, Methods of Historical Research

D. Evsyukov

- Reports of the census takers
of the second household census of 1678 as a historical source:
the Starooskol and Yablonov counties 74

A. Mirzoyan

- The British press on the preparation of W. Runciman’s mission
to Czechoslovakia (July–August 1938) 89

O. Tatarnikov

- Russian historiography of Soviet television:
achievements, problems and research prospects 103

N. Eliseeva

- Memoirs of political and state figures of contemporary Russia
as a factor in the formation of historical narratives 122

Personal Histories

A. Popov

- Twists of fate of George Fisher,
a Soviet Komsomol member and an American sociologist. 139

Archives Administration and Records Management: History, Theory, Procedures

L. Mazur

- “So that they remember...”: the activities of state archives
in preserving the people’s memory of the Great Patriotic War 160

A. Pavlov

- The way to the East: evacuation of the documents
from the State Archives of the Kalinin region
during the Great Patriotic War 179

In the Funds of Russian and Foreign Archives

A. Nilogov

- The genealogy of Aleksei Lukyanovich Smirnov –
the great-grandfather of V.I. Ulyanov (Lenin).
According to the funds of the State Archives
of the Astrakhan Region 194

Book Reviews

A. Chapanov

- Comparative analysis of modern documentary publications
on the history of Ingushetia (2022–2024) 220

A. Senin

- An important Eurasian root: Review of the collection
of documents “Ulan-Batorskaya zheleznaya doroga.
Istoriya i sovremennost’” [The Ulaanbaatar Railway.
History and modernity]
(Moscow: Kuchkovo Pole: Museon, 2024. 512 p.) 233

In Memoriam

A. Chernobaev

- My friend Evgeny Starostin 244

Отечественная история

УДК 271.2(470.44)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

«Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в.

(по архивным материалам ГАСО).

Часть 2: Религиозные практики «странствия» и судебные преследования

Владислав А. Карташов

*Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, ya.qwe987@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории согласия старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье в позднеимперский период (вторая половина XIX – начало XX в.). Приводится общая характеристика данной религиозной группы, их учения и истории существования, анализируются особенности тематической историографии. Подчеркивается уникальность феномена странничества в религиозном ландшафте провинции Российской империи: бегуны проповедовали радикальные эсхатологические идеи, однако в то же время сохраняли определенную включенность в социальные структуры внешнего мира. В фокусе внимания – целостная история старообрядцев-странников в Саратовском Поволжье, проникших на его территорию в 60-е годы XIX в. Активная проповедь странников вызвала рост последователей среди саратовских крестьян, однако специфический образ жизни странников, вдохновленный учением о «победе от антихриста», неизбежно привлекал к себе внимание местной администрации и священников. Обращение к ранее неопубликованным архивным материалам ГАСО показывает, что странническое согласие подвергалось преследованию за бродяжничество, незаконное укрывательство единоверцев, а также тайные похороны умерших, исчезновение которых вызывало озабоченность у полиции. В заключении статьи сформулированы выводы о неоднозначности интерпретации социальных и религиозных практик странников: несмотря на итоги следственных процессов, подобные случаи давали почву для различных негативных слухов о старообрядцах.

Ключевые слова: старообрядцы-странники, следственные процессы, эсхатология, религиозные практики, Саратовская губерния, Государственный архив Саратовской области

Статья поступила в редакцию 12 октября 2025 г.;

принята к публикации 19 января 2026 г.

Для цитирования: *Карташов В.А.* «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО). Часть 2: Религиозные практики «странствия» и судебные преследования // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 12–26. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

“Going on a pilgrimage” and “fleeing from the antichrist”:
the Old Believers-Wanderers of the Saratov province
in the second half of the 19th century
(based on the GASO archival materials).
*Part 2. Religious practices of “wandering”
and the judicial persecution*

Vladislav A. Kartashov

*Saratov State University, Saratov, Russia,
ya.qwe987@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the Old Believers-Wanderers consent in the Saratov Volga region in the late imperial period (the second half of the 19th century – the early 20th century). The paper provides a general description of this religious group, their teachings and history of existence, and analyzes the features of thematic historiography. The uniqueness of the wandering phenomenon in the religious landscape of the Russian Empire province is emphasized: the wanderers preached radical eschatological ideas, but, at the same time, maintained a certain involvement in the social structures of the outside world. The publication focuses on the holistic history of the Old Believers-Wanderers in the Saratov Volga region, who penetrated its territory in the 1860s. The active preaching of the Wanderers caused an increase in the followers among the Saratov peasants, but the specific way of life of the Wanderers, inspired by the teaching about the “escape from the Antichrist”, inevitably attracted the attention of the local administration and the priests. An appeal to the previously unpublished archival materials of the State Archives of the Saratov Region (GASO) shows that the wandering community was persecuted for vagrancy, illegal harboring of fellow believers, and the secret burials of the dead, whose disappearance was of concern to the police. The article ends with formulating conclusions on ambiguity in the interpretation

of the Wanderers' social and religious practices: despite the results of the investigative processes, such cases gave rise to various negative rumors about the Old Believers.

Keywords: Old Believers-Wanderers, trials, eschatology, religious practices, Saratov province, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted for publication 12.10.2025;
accepted for publication 19.01.2026.

For citation: Kartashov, V.A. (2026), “‘Going on a pilgrimage’ and ‘fleeing from the antichrist’: the Old Believers-Wanderers of the Saratov province in the second half of the 19th century (based on the GASO archival materials). Part 2. Religious practices of ‘wandering’ and the judicial persecution”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 12–26, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-12-26

Введение

Вторая половина XIX – начало XX в. стали особым временем для старообрядчества, когда наметилась постепенная тенденция реабилитации «раскольников» и их инкорпорации в гражданское общество. Однако юридическая оценка религиозных групп по-прежнему продолжалась в духе категорий большей или меньшей «вредности». Поэтому новая система касалась прежде всего «законопослушных» староверов, не вызывающих подозрения со стороны властей. Хотя по-прежнему, вплоть до законов 1905 г., имели свою силу ограничения в «религиозных правах»: к примеру, количество молелен у старообрядцев было строго регламентировано, открытая демонстрация религиозных практик раскольников строго запрещалась [Ардабацкий 2019, с. 72]. И все же, несмотря на это, представители разных групп старообрядчества активно интегрировались в социокультурное пространство российской провинции, порой даже стремились занимать позиции в имперской политической системе.

Гораздо сложнее ситуация обстояла со странниками (или бегунами) – течением, занимавшим особую нишу в мире старообрядчества. Декларируемые ими идеи протестного характера, отторжение всего «мирского» и стремление к «исповеданию» собственной веры неизбежно вели к противостоянию властям [Мальцев 2000, с. 64]. Изоляционизм, на который накладывались приписываемые сведения о религиозном «изуверстве» бегунов, способствовал формированию почти демонизированного облика, хотя и на следственной практике, как можно будет увидеть, это чаще всего опровергалось. Сложно сказать, как утверждает современный историк

И. Кузинер, находилось ли их положение в контексте гражданско-правовой легализации в это время в некоей «серой зоне» [Кузинер 2021б, с. 34]. Вместе с судебной системой к началу нового века постепенно менялись взгляды и на существовавшие классификации раскола и сект, основанные на степени их «вредности», что понимали и многие эксперты. Так, Н. Ивановский в рассуждениях о бегунах-«лучинковцах» высказывал подобное мнение о возможной связи сектантов с изуверством: «Статья 203-я, указывая означенные признаки, имела в виду определенные секты скопцов и хлыстов, – первых как требующих физического изуродования, последних как проповедующих свободную «духовную» любовь в форме свального ли греха, или в других цинических видах. К ним могли быть относимы и другие по названию секты, если в них усматривались такие же признаки. Тогда и эксперту требовалось только назвать секту и установить ее доктрину, имея в виду обнаруженные по данному делу признаки в учении и обрядах вообще. За последнее десятилетие кассационный сенат, – разъяснитель законов, – становится на другую, исключительно корректную точку зрения, требуя по каждому делу самых фактов изуверства, или гнусности. ...Теперь не видится надобности стесняться названием секты и излагать всю ее доктрину, иногда очень сложную и недостаточно ясную и последовательную, – есть факты на лицо, стоит только осветить их. Но с другой стороны теперь нельзя довольствоваться изложением только доктрины названной той или другой секты, воспользовавшись книгами и приведя из них выписки, самое же дело пробегать только слегка»¹. Иначе говоря, в следственном делопроизводстве ориентировались на конкретные существовавшие прецеденты, где фигурировала та или иная секта, и на достоверные факты деструктивных действий.

Данная публикация является второй частью исследования по сообществу старообрядцев-странников в Саратовской губернии пореформенного периода: первая его часть была посвящена общей картине истории и развитию странничества в Российской империи, а также его появлению в пределах Саратова; были проанализированы локальная география странников и предпосылки для возможности их проповеди².

¹ *Ивановский Н.И.* Верхотурские бегуны противостатейники (судебная экспертиза) // Миссионерское обозрение. 1903. № 4. С. 450–462.

² *Карташов В.А.* «Уход на богомолье» и «бегство от антихриста»: старообрядцы-странники Саратовской губернии во второй половине XIX в. (по архивным материалам ГАСО). Ч. 1: Основные вехи истории странников и их появление в Саратовском Поволжье // История и архивы. 2026. Т. 8. № 1. С. 28–40.

*Саратовские странники
и первое столкновение с властями*

Первое прямое столкновение староверов-странников с полицией в Саратовском Поволжье, как отметил протоиерей Василий Еланский, произошло лишь в 1874 г., когда до органов правопорядка дошли сведения об отлучке двух девиц из села Ваулино Камышинского уезда. Среди православного населения стал распространяться слух, будто «новые раскольники» переманивают к себе молодых женщин и отправляют своим «куда-то на Кавказ»³. В связи с этим «гражданским начальством предписано было местной полиции перехватывать все письма с Кавказа, адресованные на имя кого-либо из Бабановских крестьян»⁴. В результате на следующий год в селе Ахмат «были захвачены три подпольницы с книгами, рукописными тетрадями и цветниками...»⁵. Арестованные приставом крестьянки оказались «безпачпортными»: старуха «с двумя молодыми девицами». В итоге, правда, им повезло избежать дальнейших судебных разбирательств: «По отсылке г. приставом отзыва золотовского духовенства о зловредном содержании отобранных у “странниц” книг, камышинский товарищ прокурора сначала не счел было нужным преследовать этих “подпольщиц” законным порядком и распорядился об освобождении их из-под ареста, но потом, когда передал дело о них судебному следователю для производства следствия, то “подпольниц” и след простыл»⁶.

Со временем, правда, обнаруженная саратовскими священниками и полицией «подпольная секта» не могла не вызывать озабоченности у администрации. И их преследование имело ощутимые отличия от давления на других староверов. Помимо собственно духовных преступлений в виде распространения «зловредной ереси», сам по себе *modus operandi* странников воплощал явную социальную аномалию. Отсюда неизбежно их жизненный уклад криминализировался в свете действующего имперского законодательства, в первую очередь статей Уложения об уголовных наказаниях. Бегунам вменялись многочисленные нарушения административно-гражданского характера: сюда относились бродяжничество, незаконное содержание людей, отказ от документов и от воинской повинности, неуплата налогов. Несмотря на конспиративную

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895: Рукопись Щеглова С.А. «Летопись села Золотого». Л. 69.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 65.

деятельность жилых «странноприимцев», дисциплинарные нарушения часто оказывались под прицелом полицейского надзора.

Регулярно странники попадали под административную ответственность за бродяжничество – перемещение без «письменных видов», т. е. паспортов: как в случае с женщинами-«подпольницами» из Ваулина в 1875 г. Обвинения сектантов в бродяжничестве и незаконных «сборищах» являются своеобразным маркером странников в документах, даже если фигуранты дел именуются общими терминами. К примеру, очевидно, что «подпольщиками» были раскольники из села Лапоть Камышинского уезда, которые по метрическим книгам числились православными. В 1889 г. священники жаловались, что лидеры местного раскола «...приняли другие меры к отвлечению православных от церкви, а именно: отыскивают по сторонам разных безбилетных бродяг и безнравственных дев и привозят их в с. Лапоть с какими-то лицевыми книгами, цветниками и разными раскольническими рукописными тетрадами; на день укрывают их в своих домах, а по ночам делают многочисленные сборища, на которых эти бродяги учат не подчиняться уставам Св. Церкви и ее священнослужителям; кроме того произносят хулы на Св. Церковь и тем совращают православных в раскол»⁷.

В ответ полиция развернула активные меры по пресечению деятельности странников, а также преследованию их лидеров. Так, в епархиальных ведомостях сообщалось, что в 1880 г. в Камышинском уезде местным урядником были частично арестованы подпольнические наставники, после чего «видя над собою беду неминуемую, остальные... разбежались в более безопасные места»⁸. Любопытно, что некоторые из них вновь являлись уроженцами Ярославской губернии, которых до этого присылал сюда лично Никита Семенов. Это лишний раз подтверждает, что внутри страннического сообщества были хорошо отлажены связи и коммуникация с неофитами. И несмотря на противодействие полиции, активная проповедь странничества продолжалась, что видно по следственным документам. Как показало время, местные власти и духовенство стали обеспокоены не только пришлыми людьми без паспортов, но и отлучками проживавших в селах Камышинского уезда крестьян.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6902. Л. 1 об.

⁸ Отчет Саратовского православного церковного Братства Св. Креста за 1880 год (продолжение) // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 3. С. 22.

*«Таинственные» пропажи
и «уход на богомолье» у странников*

Уже в 1860–1870-е гг. XIX в. местные власти и духовенство Камышинского уезда столкнулись с происшествиями, дававшими повод для серьезного волнения. Выяснилось, что крестьяне из сел и деревень Золотовской волости стали массово пропадать в неизвестном направлении, о чем упоминал Василий Еланский: «Слухи о таинственных исчезновениях то той то другой личности из того или другого села и деревни стали появляться все чаще и чаще...»⁹. Свидетельства о пропажах были найдены Еланским в документальных бумагах волостных правлений:

«Так в 1870 году пропали без вести: дер. Ревиной девица Федотья Ионова... д. Н. Банновкикр. Михаил А. ...Ардюков 40 л., дер. Студенки девица Прасковья Алексеева Лобанова, 29 л. ...в 1871 г. в с. Банном кр. женка Дарья Дмитриева Занозина 22 л.; в 1872 г. д. Дубовки у кр. Федора Кириллова Тарасова жена Марфа Егорова (нашлись); в 1873 г. с. Ваулина кр. Федул Иванов Смольяников объявил, что он вместе с женою своею Анной Антиповой 60 л. в январе отправился в Саратов, где жена его с верхнего базара. На котором они были за покупкой вещей для домашнего обихода, неизвестно куда пропала; в 1875 дер. Ревинойкр. Осип Петров Игнатьев заявил, что мать его Авдотья Тимофеева 63 л. ушла в Ваулино для свидания с золовкой откуда и пропала бесследно; дер. Кубасовойкр. Василий Константинов Воротилов заявил, что в начале года мать его Христиния Леонтьева, 70 л., неизвестно куда из дома вышла, а через 1,5 недели спустя скрылся и пропал без вести и отец его Константин Антонов, 70 лет; в 1876 г. в д. Кубасовой неизвестно куда из жительства скрылась кр. вдова Анна Семенова Кубасова, 70 л., в мае месяце; 22 декабря из д. Ревиной пропал кр. Семен Павлов Пермяков, 55 л., в ноябре из той же деревни кр. Дмитрий Васильев Кондаков, 26 л., ночью из избы кр-ки Прасковьи Степановой Кондаковой – больной – вышел и пропал; 29 дек. У кр. д. Ревиной Демида Зиновьева Семенова в Золтом будто бы без вести пропала его дочь Акулина 9 лет. В 1878 г. в декабре д. Ревинойкр. Иван Евграфов Колотухин заявил о пропаже без вести жены своей – больной – Пелагии Васильевой 35 л.; в 1879 г. в д. Ревиной безвестно пропал в феврале кр. Алексей Дорофеев Карюкин, 64 л.; той же деревни кр. Семен Гаврилов Карюкин заявил, что несколько больная жена его Елена Семенова, 30 л., отправившись к сестре своей в Ваулино

⁹ Краткий очерк подпольнической секты в пределах волостей Золотовской, Ахматской и Синеньской // Саратовские епархиальные ведомости. Отдел. неоф. 1882. № 27. С. 189.

29 марта, неизвестно куда скрылась и пропала; в мае месяце тоже несколько нездоровый д. Ревинной кр. Арефий Григорьев Епифанов 82 л. вышел из избы в апреле и пропал; в марте месяце свящ. села Ваулина о. Альбанскомукр. д. Мазалей Стефан Зверев заявил, что он повез свою сноху на богомолье в Ахмате, где она вошла в один неизвестный ему дом и пропала ...Всего с 1870 г. по 1879 г., за 7 лет ... пропало без вести 6 лиц м. п. и 12 ж. п., в том числе из одной деревни 9 человек»¹⁰.

Эти же исчезновения продолжались и в 1880–1890-е гг., причем в тех же населенных пунктах: многие подобные случаи отразились в следственных документах: в сентябре 1886 г. ситуация с исчезновением повторилась в Ваулино, где «при проверке душ ...не оказалось следующих лиц: ...у крестьянина Гаврила Иванова Куклева – отца Ивана Иванова 67 лет, у крестьянки Вассы Феодосьевой Смольяниновой – мужа Тихона Егорова 43 лет, отставного солдата Кондрата Иванова Смольянинова детей: Ирины 15 лет и Василия 9 лет; деревни Кубасовой: у крестьянина Афанасия Иванова Клинова – родной матери его Вассы Герасимовой 62 лет, у вдовы Матроны Ивановой Кубасовой – свекора Григория Иванова Кубасова 76 лет; деревни Ревинной: у крестьянина Карпа Федосьева Избякова матери вдовы ФеклыКондратовой 63 лет, у крестьянина Трофима Алексеева Третьякова – жены Ксении Максимовой 62 лет, у крестьянина Алексея Никифорова Крезина – родного отца его Никифора Иванова 64 лет и у крестьянина Никифора Иванова 64 лет и у крестьянина Никифора Терентьева Корюкина дочери Феодосии 6 лет; при чем причт присовокупляет, что означенные лица неизвестно где проживают и живы ли оные или умершие – ему неизвестно»¹¹.

Родственники, однако, не давали внятного ответа на задаваемые им вопросы, куда делись их же дети и их старые родители. По мнению односельчан, все исчезнувшие принадлежали к секте «подпольников». Похожая ситуация проявляется в тех же местах и два года спустя, когда «не оказалось» еще нескольких людей: «У крестьян с. Ваулина Гаврила Куклева – дочери Анастасии 2 лет, деревни Ревинной Ивана Кевлева – сына Ивана 3 лет, у Никифора Третьякова – отца Арсения Алексеева 57 лет, у Ивана Колотухина – жены Пелагии Васильевой 45 лет, у Силы Крутова – отца Гаврилы Васильева 70 лет, у Григория Васильева – матери Агриппины Нефедовой 75 лет, у Алексея Кальянова – сына Петра 11 лет, деревни Утехиной крестьянина Ивана Коняхина»¹². По протоколам с опросами

¹⁰ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895. Л. 67.

¹¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6527: Дело об обнаружении подпольной раскольнической секты в деревне Ваулиной Камышинского уезда. Л. 3.

¹² Там же. Л. 1.

родных, исчезнувшие скрылись на «богомолье». Согласно мнению полицейских, «все означенные лица... принадлежат к секте подпольщиков и скрылись под предлогом отбытия на богомолье»¹³. По материалам последующих следственных дел становится видно, что вернулся на место только крестьянин деревни Утехиной Иван Коняхин, бывший, по его словам, на заработках за Волгой¹⁴. Длительное отсутствие вышеназванных лиц подтвердило версию принадлежности к «подпольной секте, у каковых сектантов принято вообще за правило хоронить умерших тайно ночью не на местных кладбищах, а в таких местах, которые были бы никому неизвестны»¹⁵.

Пожалуй, явно бросающаяся в глаза деталь приведенных списков: подавляющее число из них, за редким исключением, является людьми преклонного возраста либо детьми. Это же прослеживается по спискам священников: среди рапортов о нарушении религиозной дисциплины отмечалось множество случаев «самочинных» погребений и просто исчезновений, о которых ничего не было известно. И вновь фигурируют «немошные старики и старухи» и «малолетние дети»: любопытно, что здесь повторяются многие фамилии из ранних списков. По мнению священников, те «без посторонней помощи не могли скрыться да вдобавок так, что и домашние не знают куда»¹⁶. Некоторые крестьяне, как Иван Избяков, полагали, что их родители отправились странствовать, однако умерли в пути и были погребены «по обряду старообрядцев страннической секты»¹⁷. Эта формулировка, конечно, не отражает реального ответа старообрядца, однако ясно, что имелись в виду «тайные похороны». Крестьянин Федор Миронов также сообщал, что его отец, 66 лет, ушел постом 1889 г. в неизвестном направлении, а позднее получил сведение от неизвестных странников, что «тот умер и погребен по обряду старообрядческой подпольной секты»¹⁸. Православные жители твердо полагали, что пропавшие дети и старики умерли в этих же местах и были похоронены тайно от всех.

Совершенно аналогичный сюжет был зафиксирован в селе Ахмат, где местный крестьянин Григорий Комов, «будучи право-

¹³ Там же. Л. 1 об.

¹⁴ Там же. Д. 6899: Донесение Камышинского исправника о сектантах-подпольниках, скрывшихся на богомолье. Л. 4.

¹⁵ Там же. Д. 6764: Дело о розыске семей с. Ваулино Камышинского уезда, образовавших секту подпольников. Л. 2.

¹⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4090: Расследование по донесению духовенства с. Ваулина Камышинского уезда о совершении раскольниковских обрядов крестьянами этого села. Л. 34 об.

¹⁷ Там же. Л. 39.

¹⁸ Там же. Л. 40.

славным», 5 ноября 1885 г. «похоронил свою жену Татиану по обряду подпольнической секты, и чтобы скрыть свое преступление, заявил духовенству, что жена его ушла странствовать»¹⁹. То же самое Комов повторил и на дознании, что он не хоронил своей жены, которая «около 10 числа ноября месяца 1885 г. из дома его самовольно скрылась ночью неизвестно куда для спасения своей души, о чем она нередко и прежде сего говорила, представив свидетелей из своих соседей Ивана Григорьева Карпова и Ивана Никитина Карпова...»²⁰. Однако приходской священник с. Ахмат настаивал на том, что Комов похоронил свою жену, ссылаясь на особенности мировоззрения «подпольников»: «...свойство подпольнической секты, между прочим, состоит в том, чтобы о смерти своих никому не открывать из посторонних, иначе души не пустят в рай; и чтобы замаскировать все это, у них по секте сложилась поговорка “ушла странствовать”, спасающая их от преследования гражданской власти, так как принадлежащие к этой секте ни за что не согласятся объявить, что то или другое умершее лицо действительно умерло»²¹.

Наиболее массовый случай исчезновений произошел в д. Обольяниновка Камышинского уезда, где с 1 октября 1893 г. по 1 февраля 1894 г. «исчезли» 58 человек разного возраста. Местный пристав полагал, что все они умерли и были тайно захоронены «по обряду подпольнической секты»²². Однако по дознанию большинство родственников этих лиц сообщало, что те «ушли странствовать». И лишь восемь человек признались, что их дети умерли от дифтерита, а погребены на местном кладбище без отпевания приходским священником²³. Местные власти не могли точно установить факт смерти крестьян, поскольку «...умирающие люди хоронятся неизвестно где и отмечаются по книгам безвестно отсутствующими, родственники же умершего, какого бы возраста последний не был, объясняют, что он не умер, а ушел странствовать»²⁴. Тем не менее не было сомнений в смерти пропавших. Стоит полагать, как и в вышеописанных случаях, умершими были старики и дети, чья кончина была вызвана заболеваниями: в данном случае прошедшая в Обольяниновке

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 6528: Дело об обнаружении подпольной раскольничьей секты в с. Ахмате Камышинского уезда. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 3 об.

²² Там же. Д. 7415: Переписка с Саратовской духовной консисторией об исчезновении 58 жителей с. Обольяниновки Камышинского уезда, принадлежащих к секте подпольщиков. Л. 3 об.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Л. 4.

эпидемия дифтерита²⁵. Выявить точное число «подпольников» и время появления их в Обольяниновке для властей оказалось затруднительно. Православные жители деревни сообщали лишь о 28 людях, что явно не отражало полной картины²⁶. Причина этого заключалась в сектантской конспирации: «...сектанты-подпольники, состоя по сведениям приходского духовенства в числе православного населения, исполняют все православные обряды: ходят в церковь, принимают у себя духовенство с разными церковными требами, и только после смерти кого-либо из подпольников обнаруживается, что умерший принадлежал к этой секте, так как умершие предаются земле не по православному обряду и неизвестно где»²⁷. Кроме того, во время полицейских досмотров было выяснено, что у «подпольников»-бегунов существовала собственная «тайная» молельня, которая «со всеми в ней принадлежностями, ризами и богослужебными книгами, приставом опечатана»²⁸.

Обобщая изложенные факты, можно сделать вывод, что оборот «уход на богомолье» у странников мог иметь несколько значений. Он мог подразумевать вполне реальный побег с места проживания, который по заповеди страннических учителей должны совершать все крестившиеся «истинно-православные». Как верно отмечено Е. Дутчак, часто решение «странствовать» было связано с личной мотивацией верующего и перекликалось с православными практиками обета и паломничества [Дутчак 2007, с. 119]. Обычай «странствий» подтверждает и Еланский со ссылкой на местных крестьян, что пропавшие «укрываются от власти и прелести антихристовой у подпольников... преимущественно на мельницах и в садах, в построенных там избах, где, по переkreщении их подпольниками, и сливуют у них под названием рабов и рабынь Божьих; другие из них утверждают, что этих пропавших без вести лиц подпольники отправляют одних вверх, других вниз по Волге; но куда, до последнего времени хорошо не было известно»²⁹. Перехваченные полицией письма, с которыми ознакомился отец Василий, содержали переписку саратовских странников с их единоверцами из Ярославской губернии, которые активно вдохновляли на практику «побега» и указывали на возможные «пристанища», где можно было укрыться от «антихристовой прелести». В одном из писем содержалась подобная заповедь, в которой присутствует явное указание на необходимость странствия: «Любезные наши, посмотрите на прежние

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 3–3 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 407. Оп. 2. Д. 895. Л. 67.

святые, где добротели своя исправиша, все в отхождении в дальние страны и великими скорбями дни своя проводиша и тако от сего света отыдоша и к Богу приидоша; также и мученицы великими страданиями от сего света отыдоша. О любезные наши, я хоть на чужой стороне пребываю, а дух мой присно с вами, я бы и лично с вами со всеми желала повидаться, если велит Господь до весны дожить и там устроить своими судьбами коль ему надо, по воле Его святой, и за сим простите нас...»³⁰. По сведениям из переписки оказалось возможным выявить «приюты» странников, простирившиеся «от пределов Вологодской и Пермской губернии, по Оке, Каме и Волге, вплоть до Персидской и Турецкой границ на Кавказе»³¹.

В приведенных случаях «таинственных исчезновений» подобные сформулированные ответы выражали речевую поведенческую стратегию, используемую старообрядцами для сокрытия факта смерти людей и места их погребения. Практики тайного захоронения своих братьев, являющиеся частью страннического обихода, маскировались от полицейских и священников метафорой «странничества». Упорные попытки скрыть и тела, и знания об усопших единоплеменников основывались на представлениях бегунов, которые отмечали и собирали информации о них: «объявлять о смерти считается величайшим грехом»³².

Чаще всего власти догадывались, что случилось с отсутствующими «подпольниками». Это могло обернуться административными последствиями для близких и родственников умерших, поскольку самочинное погребение без «должного христианского» обряда было явным нарушением религиозной дисциплины. Как уже было замечено, основные группы исчезнувших лиц – старики и дети, то есть те, кто более всего находится в зоне риска. Высокая смертность среди сельских старообрядцев-странников, видимо, была нередким явлением. Этому во многом способствовал их специфический образ жизни, основанный на отказе от цивилизации, испорченной «антихристом».

Казалось бы, подобные исчезновения создавали отличную почву для всевозможных слухов о том, что якобы могло произойти с сектантами. Правда, в следственных документах практически нет указаний о «насильственном» характере этих смертей, которые, как можно увидеть далее, циркулировали в народной среде. Отметим, что местные власти лишь констатировали пропажу людей, связываемую с возможными тайными захоронениями. Однако следователи не нашли фактов, дабы осудить «подпольников»

³⁰ Там же. Л. 68.

³¹ Там же. Л. 69.

³² Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7415. Л. 4.

по 203-й статье Уложения о наказаниях, по которой обычно судили скопцов: т. е. те не были связаны с «изуверским посягательством» на собственную и чужую жизнь. Пожалуй, лишь в одном из следственных дел появляется тема ритуального убийства, сообщение о котором поступило из с. Синенькие Саратовского уезда. Так, земский начальник доложил в полицию, что двое местных крестьян, Петр Парфенов и Петр Болдырев, заточили своих жен в подполье «с целью лишения их жизни чрез удушение»: обе супружеские пары были в преклонном возрасте³³. По слухам местных, оба принадлежали к секте «подпольщиков», которых в селе насчитывалось до 30 дворов. Однако все последующие обыски и досмотры в домах крестьян не выявили никаких намеков на «убийство»: ни тайников, ни следов мнимого погребения не было обнаружено. Полицейским пришлось признать, что «...эта секта не соединена ни со свирепым изуверством, ни с фанатичным посягательством на жизнь...»³⁴.

Общий вердикт по итогам следствия был следующий: «Верование этой секты заключается между прочим в том, что лица, состоящие в оной, тайно в своих домах, совершают моление Богу, читая при этом священные молитвы по книге Златоуст на церковно-славянском наречии и в православную церковь не ходят; самым же главным религиозным обычаем считается совершенно скрытные от своей семьи странствования ради душевного спасения и богомолья. Этот обычай исполняется преимущественно в преклонном, старческом возрасте, когда сектант, возрастав и устроив свою семью и хозяйство, отрешается от мирских забот, возлагая таковые на детей, а сам отправляется в безвестное странствование ради Христа, для спасения души; для чего уходит из своего дома скрытно от своей семьи и неизвестно куда. Эти странствующие паспортов не берут и подолгу, а иногда и совсем не возвращаются домой, проживая в других селениях, и там умирая. ...Существование этого обычая известно многим старожилам; но факт скрытия кого-либо из сектантов в подполье с целью лишения тем или другим способом лишения (так в документе. – В. К.) жизни не только не получил подтверждения, но напротив... совершенно отвергается...»³⁵.

³³ Там же. Ф. 135. Оп. 1. Д. 4318: Переписка со следственными и полицейскими органами об обнаружении секты «подпольщиков» в с. Синеньких Саратовского у. Л. 2.

³⁴ Там же. Л. 7.

³⁵ Там же. Л. 7 об.

Заключение

Полиция регулярно преследовала старообрядцев-странников за бродяжничество и незаконные «сборища». Но более всего волостные начальства и приставы были обеспокоены бесследными исчезновениями крестьян из «подпольнической» секты. Эти «пропажи» были связаны с их ключевыми практиками, вдохновенными доктринальными особенностями: в первую очередь, это, собственно, реальный «побег» с места жительства, совершаемый крестившимися старообрядцами. Кроме того, бегуны практиковали в своем обиходе погребения, совершаемые в «тайных» местах, порой даже в хозяйственных пристройках [Пулькин 2020, с. 217]. В числе захороненных, как правило, отмечаются больные, старики и дети, т. е. по факту те, кто физически не мог воплотить предсмертный подвиг «странствия», дабы умереть по «отхождению в дальние страны».

Регулярные исчезновения приверженцев «странничества» открывали поле для создания разнородных слухов. Опыт следственного делопроизводства над саратовскими староверами-странниками категорически опровергает возможность насильственной смерти над странниками, не находя тому вещественных доказательств. Несмотря на это, как показывает история, вера в бытование ритуального убийства у странников оказалась довольно устойчивой и стала своеобразным нарративом [Кузинер 2021а, с. 68]. Однако этот сюжет является предметом отдельного исследования.

Литература

- Ардабацкий 2019 – *Ардабацкий Е.Н.* Старообрядчество в российском законодательстве конца XIX – начала XX в. (исторические справки). Саратов: Техно-Декор, 2019. 188 с.
- Дутчак 2007 – *Дутчак Е.Е.* Из “Вавилона” в “Беловодье”: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. 412 с.
- Кузинер 2021а – *Кузинер И.Э.* Красная смерть Кабанкина: старообрядцы-странники и русское ритуальное убийство в поздней имперской России // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 60–87.
- Кузинер 2021б – *Кузинер И.Э.* Милленаристы, капиталисты, кооператоры: поздней имперский и раннесоветский опыт старообрядцев-странников // *Ab Imperio*, № 2. 2021. С. 25–59.
- Мальцев 2000 – *Мальцев А.И.* Краткая формула исповедания веры у староверов-странников // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы научной конференции / ред. В.И. Осипов, Е.И. Соколова. Т. 5. М.: Музей истории и культуры старообрядчества, С. 62–69.

Пулькин 2020 – Пулькин М. Старообрядцы-странники во второй половине XIX – начале XX в. (на основе отчетов каргопольских миссионеров) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 3 (38). С. 207–222.

References

- Ardabatskii, E.N. (2019), *Staroobryadchestvo v rossiiskom zakonodatel'stve kontsa XIX – nachala XX v. (istoricheskie spravki)* [Old Believers in Russian legislation of the last of the 19th – the beginning of the 20th century (historical references)], Tekhno-Dekor, Saratov, Russia.
- Dutchak, E.E. (2007), *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodye": adaptive capacity of the taiga communities of Old Believers-Wanderers (the second half of the 19th century – the beginning of the 21st century)], Izdatel'stvo Tomskogo univrsiteta, Tomsk, Russia.
- Kuziner, I.E. (2021), "The red death' of Kabankin: the Wanderers and the Russian ritual murder in the late Romanov's Empire", *Antropologicheskii forum*, no. 49, pp. 60–87.
- Kuziner, I.E. (2021), "Millenarians, capitalists, cooperators: the late Imperial and early Soviet experience of the Old Believers-Wanderers", *Ab Imperio*, no. 2, pp. 25–59.
- Maltsev, A.I. (2000), "The short formula of the profession of faith of the Old Believers-Wanderers", in Osipov, V.I. and Sokolova, E.I., eds., *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'»: materialy nauchnoi konferentsii* [Old Believers: History, culture, and modernity. Proceedings of a Scientific Conference], vol. 5, Muzei istorii i kul'tury staroobryadchestva, Moscow, Russia, pp. 62–69.
- Pul'kin, M. (2020), "Old Believers-Wanderers in the second half of the 19th – the beginning of the 20th century (on the basis of the Kargopol missionaries' reports)", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 38, no. 3, pp. 207–222.

Информация об авторе

Владислав А. Карташов, аспирант, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380

Information about the author

Vladislav A. Kartashov, postgraduate student, Saratov State University, Saratov, Russia; 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; ya.qwe987@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0002-5417-3380

Всеобщая история

УДК 2-545

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-27-41

«Deus ex machina»: к вопросу о связи между культурами Асклепия и Гликона

Татьяна Ю. Спирина

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия;
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
spirina-ty@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается культ Гликона, возникший во II в. н. э. в Малой Азии. Автор анализирует устоявшийся в научной литературе тезис о том, что Гликон по характеру иконографии и культовой практики был новым воплощением бога-врачевателя Асклепия. Цель исследования – выявить подлинные истоки и специфику данного религиозного феномена. На основе сопоставительного анализа литературных данных с археологическими и нумизматическими материалами делается следующий вывод: лечебные практики, связанные с почитанием Гликона, а также его иконография, не только не находят параллелей в культе Асклепия, но часто ему прямо противоречат. Доказывается, что ключевые элементы имеют более явные аналоги в восточных, сиро-фригийских верованиях. Таким образом, синкретизм Гликона проявлялся в том, что образ, имя и символика Асклепия служили инструментом легитимации местных малоазийских верований и магических практик. Это было сделано для увеличения популярности божества как среди местного населения, так и среди эллинизированной элиты, почитавшей общегреческого бога-целителя. Таким образом, в статье подвергается сомнению единообразный подход «Гликон – новый Асклепий» и демонстрируются механизмы религиозного синкретизма в Малой Азии.

Ключевые слова: Гликон, Асклепий, синкретизм, Лукиан, религиозная медицина, Абонутейх

Статья поступила в редакцию 14 июня 2025 г.;
принята к публикации 26 января 2025 г.

Для цитирования: Спирина Т.Ю. «Deus ex machina»: к вопросу о связи между культурами Асклепия и Гликона // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 27–41. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-27-41

“Deus ex machina”: re-evaluating the relationship between the cults of Asclepius and Glykon

Tatyana Yu. Spirina

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, spirina-ty@yandex.ru*

Abstract. The article examines the cult of Glykon, which emerged in the 2nd century AD in Asia Minor. The author analyzes the established scholarly thesis that Glykon, by the nature of his iconography and cult practices, was a new incarnation of the healing god Asclepius. The aim of the study is to identify the genuine origins and the specific nature of this cult. Based on a comparative analysis of the literary data and the archaeological and numismatic evidence, the following conclusion is drawn: the healing practices within the Glykon cult, as well as its iconography, do not only find any parallels in the cult of Asclepius but often directly contradict it. It is proven that the key elements of the cult have more obvious analogies in Eastern, Syro-Phrygian cults. Thus, the Glykon cult was a syncretic phenomenon in which the image, name, and symbolism of Asclepius were used to legitimize the local Anatolian beliefs and magical practices. This was done to appeal to both the local population and the Hellenized elite, who revered the pan-Hellenic healing god. Consequently, the article challenges the uniform approach of “Glykon as the new Asclepius” and demonstrates the mechanisms of religious syncretism in Asia Minor.

Keywords: Glykon, Asclepius, syncretism, Lucian, religious medicine, Abonoteichos

The article was submitted for publication 14.06.2025;
accepted for publication 26.01.2026.

For citation: Spirina, T.Yu. (2026), “ ‘Deus ex machina’: re-evaluating the relationship between the cults of Asclepius and Glykon”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 27–41, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-27-41

Введение

В конце I – II вв. н. э. римское общество, в том числе под влиянием восточных культов, вновь начинает испытывать повышенный интерес к религии, древним мистериям, всевозможным чудесам и сверхъестественным явлениям. Одновременно с распространением и развитием научных знаний, подъем переживает и античная медицина. Таким образом, религия, магия и врачевание оказывались тесно связаны между собой [Petsalis-Diomidis 2010, p. 52].

Одним из проявлений этой взаимосвязи стал возникший во II в. культ Гликона, представлявшего собой воплощение Асклепия в виде божества с телом змеи и человеческой головой. Основное упоминание о культе принадлежит греческому сатирику Лукиану. В своем произведении «Александр, или Лжепророк» Лукиан утверждает, что культ Гликона был успешной мистификацией, созданной Александром из Абонутейха. В историографии данный культ остается поводом для дискуссий. С одной стороны, поскольку свидетельства о Гликоне в литературной традиции сохранились только в одном, довольно пристрастном источнике, подобная ситуация порождает скептическое отношение к его значимости [Petsalis-Diomidis 2010, p. 43]. С другой стороны, обширный корпус культовых рельефов и нумизматических свидетельств с изображением божества свидетельствует о широком распространении и устойчивом влиянии рассматриваемого культа на протяжении почти двух столетий.

Сложившаяся научная традиция интерпретирует Гликона как «новую ипостась» Асклепия [Migliorati 2020, p. 4], т. е. один из вариантов традиционного почитания бога исцеления с привнесением новых культовых элементов. В подтверждение этой точки зрения исследователи приводят следующие параллели:

- иконография и символика обоих божеств (использование образа змеи – священного животного бога-врачевателя и др.);
- наличие медицинского вмешательства (в обоих культах важное место занимает исцеление человека, обратившегося за помощью к божеству).

Более того, ряд исследователей считают, что культ бога-змея оказал большое влияние и на сам традиционный культ Асклепия, связывая наличие яйца в скульптурных изображениях Асклепия с Гликоном [Van der Ploeg 2018, p. 211] и признанием его в качестве ипостаси бога исцеления.

Однако подробный анализ сохранившихся посвячительных надписей, культовых рельефов и нумизматических свидетельств с изображением божества показывает неубедительность данной научной концепции. Ведь вне поля зрения исследователей остаются

следующие вопросы: насколько глубокой была связь между культурами Асклепия и Гликона? Какие культовые элементы были заимствованы и с какой целью? Данным вопросам и посвящена настоящая статья.

Исцеление больных. Медицина, магия, религия?

Врачевание было центральным элементом почитания Асклепия, поэтому и в культе Гликона («нового Асклепия») оно сохраняло свое первостепенное значение. Ряд исследователей связывают успешные исцеления с выдающимися медицинскими знаниями Александра, предполагаемого создателя Гликона [Jones 1986, p. 135; Victor 1997, S. 59; Migliorati 2020, p. 4]. Так, например, У. Виктор замечает: если даже такой непримиримый враг Александра, как Лукиан, не уделяет особого внимания методам лечения и даже признает за Александром «знание многих полезных лекарств» (Luk. Alex. 22), вероятно, медицинские познания «пророка» были действительно глубокими и обширными [Victor 1997, S. 59].

На первый взгляд данная точка зрения представляется не лишенной оснований. Второй век – время расцвета не только различных культов и мистических учений, но и повышенного интереса к искусству врачевания, в том числе к практикам сакральной медицины. Поэтому уровень медицинских знаний общества в ту эпоху был достаточно высоким. В качестве примера можно привести Элия Аристида (117–181 гг.), современника Лукиана и Александра, римского оратора и писателя, значительную часть своей жизни лечившегося от снедавшей его болезни и проводившего много времени в Пергамском Асклепейоне. В его «Священных речах», своеобразном дневнике снов, можно увидеть, насколько сильно медицина проникла в повседневную жизнь римского общества: даже в своих сновидениях автор мыслит гиппократовскими теориями, подробно описывает хирургические операции и знает основные хирургические инструменты, рассуждает о полезных свойствах тех или иных растений и т. д. [Horstmanshoff 2004, p. 337]. Кроме того, и сам Лукиан упоминает об обучении Александра у человека, по крайней мере, выдававшего себя за врача (Luk. Alex. 22), а в окружении лжепророка так или иначе находятся врачи. Даже после смерти Александра одним из претендентов на владение прорицалищем оказывается некий Пет, «по роду занятий врач» (Luk. Alex. 59-60).

Учитывая тесную связь между рациональной и сакральной медициной, а также между врачевателями и богом Асклепием [Пролыгина 2018, с. 43], Александр мог не только получить хотя бы

начальное медицинское образование¹, но и как минимум быть знакомым с теми рекомендациями, которые получали больные, приходившие за исцелением в святилище Асклепия². Таким образом, в созданном им культе Гликона вполне логично ожидать применение методов рациональной, Гиппократовой медицины и способов лечения, которые были традиционными для Асклепия (верховая езда, хождение босиком, холодные ванны, различного рода диеты и т. д.).

Александр действительно дает врачебные советы; пришедшим к богу больным он предписывает вести определенный образ жизни, придерживаться диеты, рекомендует целебную мазь собственного изобретения (Luk. Alex. 22, 25, 33), т. е. вполне стандартные процедуры для медицины и гигиены того времени, а самое главное – находящие параллели с традиционными способами лечения для посетителей Асклепейонов. Однако если проанализировать способы лечения, которые Гликон предлагал своим почитателям, все окажется не так однозначно.

Например человеку, страдавшему от боли в желудке, Гликон предписывает съесть свиную ногу (Luk. Alex. 25), другому, страдающему от боли в боку – намазаться китмидой, якобы целебным, укрепляющим снадобьем, изготовленным из козьего жира (Luk. Alex. 22, 53). Здесь обнаруживается первое противоречие: предписанные новым воплощением Асклепия средства оказываются прямо противоположны тому, что действительно использовалось в Асклепейонах в ходе лечения³.

¹ Впрочем, как справедливо замечает Ф. Штегер, о качестве медицинского образования, полученного Александром, нужно судить с большой осторожностью. См.: *Steger F. Der Neue Asklepios Glykon // Medizinhistorisches Journal. 2005. No. 40. S. 10–11.* Также нельзя не учитывать и уровень медицинских знаний самого автора произведения – Лукиана. Вопрос остается дискуссионным, и некоторые исследователи обращают внимание на то, что Лукиан не был глубоким знатоком медицины и его представления о ней носят достаточно поверхностный характер. См.: *Langholf V., Haase W.H. Lukian und die Medizin: Zu einer tragischen Katharsis bei den Abderiten // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt / ed. by W. Haase, H. Temporini. Berlin: De Gruyter, 1996. S. 2794, 2834.*

² Особенно учитывая, что на это время приходится расцвет одного из известнейших святилищ Асклепия в Малой Азии – Пергамского Асклепейона.

³ Разумеется, общий сатирический характер повествования распространяется и на те лекарства, методы и способы лечения, которые описывает Лукиан. Поэтому нельзя исключать, что сам автор иронически относится к различного рода культам и способам лечения, практикуемым в святилищах

Во-первых, и перед тем, как вступить в само святилище бога врачевания, и в процессе лечения больной зачастую должен был воздержаться от употребления определенных видов мяса (IvP III 161A, стк. 13). В большинстве случаев речь идет о запрете на употребление в пищу мяса козы, однако Элий Аристид упоминает также воздержание от говядины, свинины и иногда даже рыбы (Aristid. XLIX. 34-37). Конечно, запрет есть козье мясо был вероятнее всего связан с религиозными причинами: в мифологической традиции именно коза вскормила Асклепия своим молоком [Aho 2013, p. 75] и относилась к одному из священных животных бога-врачевателя. Воздержание от мясной пищи также имеет под собой не только религиозные, но и медицинские основания⁴. В указанном контексте рекомендация Гликона выглядит противоречивой и нелогичной; во-первых, лекарство приготовлено из жира, т. е. из убитого животного, являвшегося священным для культа Асклепия. Во-вторых, прописанное средство могло лишь усугубить тот недуг, за исцелением которого пришел почитатель Гликона.

Среди еще более противоречивых средств – надпись на двери, призванная отвлечь болезнь во время моровой язвы. Такие ритуалы характерны для магических апотропейных обрядов и редко встречаются в культах греческих богов. Подобные обряды подвергались сильному осуждению со стороны интеллектуальной элиты, в том числе врачей: например, в своих произведениях Гиппократ⁵ критикует магические и псевдорелигиозные практики [Sherwin-White 1978, p. 354] с их подражанием храмовым очищениям, изготовлением амулетов и гаданиями самого разного рода: «Действительно, делающие подобные дела разве не враждебны по отношению к богам?» (Hippocr. Demorbo, IV. *Пер. В.И. Руднева*). Подобные практики в культе Асклепия также не фиксируются ни литературной традицией, ни данными археологии

богов – и таким описанием «пародирует» методы лечения в Асклепейонах. Однако у Лукиана нет враждебности к самим богам: его критика направлена скорее на человеческие суеверия относительно богов и их влияния. Кроме того, Лукиан достаточно точен в передаче деталей, и многое из описываемых им явлений находит свое подтверждение в археологических, нумизматических или эпиграфических источниках. См.: *Jones C.P. Culture and society in Lucian. Harvard, 1986. P. 45.*

⁴ Уже Гиппократ признает рациональность подобного запрета и пишет, что мясо, на которое Асклепий положил запрет всем входящим в святилище, в наибольшей степени расстраивает желудок (Hippocr. Demorbo, II).

⁵ См.: *Hippocr. De his quae advirgines spectant. I.*

или эпитафии – вероятно, и само божество вряд ли могло одобрить такие методы, практикуемые от его имени.

Вызывает вопросы и религиозная составляющая лечения: при описании культа Гликона нигде не упоминается традиционный способ лечения Асклепия – инкубация, то есть процесс видения и толкования священных сновидений⁶. Возможно, это связано с присутствием бога непосредственно во плоти и его готовностью давать прорицания даже днем, отвечая на вопросы об исцелении (Luk. Alex. 19, 22). Однако подобные предсказания имеют совсем нехарактерную для культа Асклепия черту. Лукиан упоминает о том, что Александр переписывал оракулы для умерших пациентов и предсказывал им скорую смерть (Luk. Alex. 19, 28). Ни известные нам надписи, ни художественные произведения не фиксируют подобные предсказания или обещания со стороны Асклепия⁷. Он излечивает больных, которые просят его об исцелении, но практически никогда не становится виновником их недугов, не фигурирует как божество карающее, насылающее болезнь или смерть за проступки⁸, а напротив, помогает человеку избежать и того и другого.

Обобщая вышесказанное: те методы лечения, которые использовались в культе Гликона, не были характерными ни для рациональной медицины того времени, ни для сакральной медицины Асклепейонов. По своему характеру они обнаруживают большее сходство с так называемой «народной медициной» – совокупностью

⁶ Кроме того, Гликон никогда не совершает исцеление на месте или просто божественным образом – а только дает рекомендации по лечению, в отличие от Асклепия, нередко являвшего чудеса исцеления. См.: *Herzog R. Die Wunderheilungen von Epidaurus: ein Beitrag zur Geschichte der Medizin und der Religion. Leipzig, 1931. S. 44.* Интересен также и тот факт, что Гликон охотно отправляет для прорицаний в известные в Малой Азии святилища Аполлона (Кларос, Дидимы и т. д.), но ни разу – в Асклепейон.

⁷ Ведь Асклепий в греко-римском мире воспринимался исключительно как бог-целитель, бог-спаситель, бог человеколюбивый и защищающий. См.: *Межерницкая С.И. Культ Асклепия и психология античного общества II в. н. э. // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира. 2004. № 3. С. 373–394; Pleket H.W. Religious history as the history of mentality: The “believer” as servant of The Deity in the Greek world // ed. by H.S. Versnel. Faith, hope and worship. Aspects of religious mentality in the Ancient World. Leiden: Brill, 1981. P. 181–184.*

⁸ На одной из эпидаврских стел с посвящениями Асклепию говорится, что афинянка, изучив несколько рассказов об исцелениях, размещенных на стенах Эпидаврского святилища, сочла их невероятными. Тем не менее бог исцелил женщину, но при условии, что она пожертвует серебряную свинью в память о своей глупости. Подробнее см.: *Herzog R. Op. cit. S. 125–126.*

локальных, эмпирико-магических практик⁹. Таким образом, используя только имя Асклепия, Александр в культе Гликона на самом деле применяет методы, знакомые и понятные вовсе не греческому, а скорее, местному населению¹⁰ – в том числе характерные магические обряды. Справедливость данного предположения подтверждается более суровым, карательным образом Гликона по сравнению с Асклепием: по всей видимости, подобное представление о божестве, сулящем суровое, иногда даже смертельное наказание, оставалось привычным как для местного населения провинций в Малой Азии, так и для народов восточных провинций римской империи¹¹. Такая особенность может быть связана с тем, что даже в рассматриваемый период традиционный культ Асклепия достаточно тяжело проникал в Пафлагонию и во многом смешивался с почитанием других, локальных божеств. Распространялась ли подобная тенденция – использование местных черт под именем Асклепия – на облик бога-целителя, его культовые символы?

Иконография и символика Гликона: Асклепий или восточные культы?

Относительно культовых символов и атрибутов, считающихся заимствованными Александром из культа Асклепия, исследователи уделяют особое внимание двум аспектам: изображение Гликона

⁹ Это подтверждается археологическими данными, в частности – миниатюрными (около 6,8 см) бронзовыми статуэтками Гликона, найденными в Афинах. Судя по их небольшому размеру, они использовались в качестве амулетов, которые носили на теле для защиты от болезней или несчастий. См.: *Robert L. Le serpent Glycon d'Abônouteichos à Athènes et Artémis d'Éphèse à Rome // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1981. No. 3. P. 516.*

¹⁰ По всей видимости, неслучайно Лукиан упоминает, что «вся Вифиния, Галатия и Фракия стали стекаться к Александру» (Luk. Alex. 18).

¹¹ Аналогичную ситуацию можно наблюдать в синкретических слияниях Асклепия с культами местных малоазийских богов, например – лунного божества Мена, чей культ был распространен во Фригии, Лидии, Писидии и Памфилии. Лунный бог также занимался исцелением от болезней, но в большинстве случаев само божество и выступало источником этой болезни. Болезнь могла служить наказанием для последователей культа за какой-либо проступок или оскорбление, преступление, совершенное против общины и т. д. Подробнее см.: *Спирина Т.Ю. Мен и Асклепий: проблемы синкретизма // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2025. Т. 16. Вып. 6 (152).*

в виде змеи¹², неизменного символа Асклепия [Sarefield 2018, p. 155], и инсценированное Александром рождение Гликона из яйца, которое исследователи, основываясь на известных нам примерах скульптур, также ассоциируют с культом Асклепия [Steger 2005, S. 16; Van der Ploeg 2018, pp. 124–125]. Однако и здесь возможно влияние не столько греческих, сколько восточных культов, получивших на тот момент весьма широкое распространение по всей Римской империи, в том числе в Малой Азии.

В греко-римском мире змея действительно имеет важное культовое значение, в том числе при основании новых святилищ Асклепия [Petridou 2014, p. 292]. Бог-целитель почти всегда изображается в полностью человеческом облике, а змея является его атрибутом (обвивается вокруг посоха или находится рядом)¹³. Изображение же Гликона сильно отличается от этого типа как в скульптуре, нумизматических изображениях, так и в художественных описаниях Лукиана. Гликон представляет собой гибридное существо: длинное, извивающееся тело змеи с человеческой головой; лицо обрамлено длинными вьющимися волосами; на некоторых изображениях видны также уши и небольшая острая борода.

Нехарактерным для культа Асклепия является и сама история с появлением Гликона – для основания святилища обычно характерен мифологический топос, связанный с «переносом» или явлением змеи, персонифицирующей как посланник бога [Petridou 2014, p. 292]. Здесь же происходит иное – рождение «Нового Асклепия» из яйца. Встречающийся мотив яйца на статуях Асклепия и Гигиен позволяет ряду исследователей говорить о связи между богами и даже ассоциировать дальнейшие скульптурные изображения Асклепия с яйцом в руке именно как проявление синкретизма Асклепия и Гликона [Grimm 1989, p. 189; Van der Ploeg 2018, p. 124].

Тем не менее данное утверждение не представляется бесспорным. Яйцо в руке Асклепия (по аналогии с похожими типами статуй Гигиен) никогда не используется в контексте рождения змеи. Напротив, судя по имеющимся данным, подобное изображение вытекало из реальной ситуации в святилищах бога врачевания, где священных змей Эпидавра, вероятнее всего, кормили яйцами (Ogden 2013, p. 366). Логично предположить, что обычные

¹² Подробнее о змее в культе Асклепия см.: Keller O. Die Antike Tierwelt. Bd. 2. Leipzig, 1913. S. 300.

¹³ Змея обвивает либо посох Асклепия, либо самого бога-врачевателя или связанных с ним богов-целителей, входящих в мифологическую семью Асклепия (например, Гигиеня). Подробнее см.: Mazzuca V. Asclepius with egg “type Nea Paphos-Alexandria-Trier”: New data and some new reflections // *Arheologia Moldovei*. 2014. №. 37. P. 291–298.

посетители Асклепейона¹⁴ были знакомы с данной практикой; тогда, вероятно, и само яйцо было символом, заимствованным из другого культа.

Подходящими для такого заимствования кажутся восточные, особенно сирийские культы. Так, в более позднем источнике, сочинении раннехристианского богослова Арнобия, жившего в IV в. н. э., упоминаются сирийские боги, произошедшие из яиц (*Ad. pat.* 1.36.5). Не очень понятно, о каких именно богах идет речь, однако известен один из вариантов мифа о рождении сирийской богини Атаргатис, согласно которому она вылупилась из яйца невероятных размеров, упавшего в Евфрат, вынесенного на берег рыбой и высиженного голубями (*Hug. Fab.* 157)¹⁵. Точно так же изображение бога непосредственно в виде змеи встречается в иконографии фригийского Сабазия¹⁶.

Таким образом, мотив рождения бога из яйца в значительной степени характерен именно для восточных культов, гораздо более распространенных в малоазийских провинциях во втором веке нашей эры. Использование таких мотивов в реальности было рассчитано на местное население Абонутейха и близлежащих провинций.

Возникает вопрос: зачем Александр использовал имя греческого божества, имя Асклепия и приписывал себе родство с богом-целителем¹⁷, если культ сочетал в себе совсем негреческие элементы

¹⁴ Еще одна вариация, основанная на комментариях Галена к клятве Гиппократата, – толкование яйца как символа вселенной. Таким образом, богу препоручалась забота обо всем мире. Впрочем, автор также обращает внимание, что подобная трактовка могла быть только изобретением узкого круга интеллектуалов, например – определенного сообщества врачей. Подробнее см.: *Mazzuca V. Op. cit.* P. 295.

¹⁵ Дополнительным аргументом служат и данные археологии. В центре храма сирийских богов, располагавшегося на холме Яникул в Риме, было обнаружено небольшое святилище с семью яичными скорлупками, размещенными вокруг бронзовой статуэтки, изображавшей божество, обвитое змеей. Данный пример служит еще одним подтверждением того, насколько мотив змеи и рождения божества из яйца был характерен именно для восточных, негреческих культов. См.: *Mazzuca V. Op. cit.* P. 295.

¹⁶ Особенно в Фригии, соседствовавшей с Пафлагонией. См.: *Vitas N.G. Ex Asia et Syria: Oriental religions in the Roman Central Balkans.* Oxfordshire: Archaeopress Publishing Ltd, 2021. P. 282.

¹⁷ «Род свой ведет от Персея и дружною с Фебом известен Он, Александр наш божественный, сын Подалирия кровный» (*Luk. Alex.* 11). Поскольку Подалирий был сыном Асклепия, Александр таким образом провозглашал себя внуком бога-целителя.

и, очевидно, был рассчитан на местное население малоазийских провинций?

Вероятнее всего, имя и внешняя символика Асклепия должны были привлечь более эллинизированное население Малой Азии, а также ее элиту. Один из исследователей культа К. Джонс отмечал, что культ Гликона был рассчитан не только на массы, но и на сравнительно узкий круг лиц – интеллектуалов и образованную публику [Jones 1986, p. 48]. По всей видимости, приведенный тезис справедлив и для данного случая. Наименование Гликона «новым Асклепием» действительно могло привлечь интеллектуальную (и не только) римскую элиту. Именно образованная публика больше всего во II в. увлекалась различными философскими школами и мистическими течениями, именно такая элита искала «тайное знание», стремилась создать универсальные синкретические образы и т. д. Опираясь на произведения Элия Аристида, можно с уверенностью утверждать, что культ Асклепия среди творческой и политической римской элиты пользовался особой популярностью¹⁸. Кроме того, в рассматриваемый период эпиграфические источники позволяют проследить особую связь, которая выстраивается между Асклепием и врачами¹⁹. Вероятно, объявляя о рождении «нового Асклепия», Александр хотел таким образом привлечь к своему культу внимание данной прослойки общества. Ведь именно представители врачебной профессии (особенно на волне интереса в эпоху Второй софистики к медицине) зачастую имели доступ к власти, высоко-

¹⁸ Пример тому – культ Зевса-Асклепия Сотера, упоминаемый Элием Аристидом. Синкретический культ Зевса-Асклепия Сотера, которому уделяется особое внимание в произведениях Элия Аристида и которому был посвящен новый храм, построенный по типу Пантеона. Вероятно, целью данного синкретического культа было создание нового религиозного и духовного, общественного центра подобно Пантеону в Риме – только в Малой Азии. Поэтому и был возведен новый величественный храм, а также Большое целebное здание, библиотека и пропилоны – все это было создано для привлечения знатных и образованных людей того времени. Однако, судя по надписям, культ Зевса-Асклепия так и остался изобретением узкого философско-ораторского круга и не снискал популярности у простого народа. Ведь из всех надписей есть только одно посвящение Зевсу-Асклепию.

¹⁹ Врачи активно принимали участие в религиозной жизни святилища: становились жрецами, состязались в играх под предводительством жреца Асклепия, руководствовались советами бога в своей лечебной практике. Кроме того, по разным причинам – в силу религиозных убеждений или опасений за свою репутацию – в затруднительных случаях врачи и сами отправляли человека лечиться в Асклепейоне.

поставленным лицам, богатству и т. д. Таким образом, Александр мог добиться еще большего распространения культа Гликона, а следовательно – выгод для себя самого.

Данное предположение подтверждается ходом событий, описанных Лукианом. Александру удалось привлечь внимание к культу наместника Азии Публия Муммия Сисенны Рутулиана, который объявил себя покровителем оракула Гликона и позднее женился на дочери Александра (Luk. Alex. 30, 31, 35). Вероятно, через его посредничество или других представителей римской элиты, проявившей интерес к культу, подобно Рутулиану, Александр добился от императора Марка Аврелия²⁰ переименования Абонутейха в Ионополис (Luk. Alex. 58).

Выбор названия для города также небезынтересен: вероятно, таким образом Александр хотел добиться причисления к эллинским, греческим городам [Dalaison, Delrieux, Ferrès 2015, p. 106–108]. Подобный шаг, в свою очередь, мог повысить статус и самого божества Гликона, и его святилища, получавшего таким образом возможность стать общегреческим.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Культ Гликона, несмотря на наличие внешних атрибутов и позиционирование бога в качестве «нового Асклепия», не был в действительности ни новой ипостасью бога исцеления, ни вариацией его традиционного почитания. Вышесказанное подтверждается как отличиями в лечении больных и культовой практике, так и в иконографии.

Магические практики и «народные» методы исцеления, предписываемые Гликоном, противостоят обеим авторитетным традициям того периода: они не находят аналогий ни в средствах Гиппократовой (рациональной) медицины, ни в сакральных практиках асклепейонов. Отсутствие практики инкубаций, непосредственного вмешательства божества в исцеление, готовность предрекать смерть больному – все вышеперечисленное также отдаляет Гликона от образа человеколюбивого бога Асклепия. В свою очередь, иконография Гликона, как и его рождение из яйца, имеют более явные аналогии в восточных, сиро-фригийских культах, нежели в греко-римской традиции Асклепия.

²⁰ Стоит отметить, что император Марк Аврелий также испытывал большой интерес к культу Асклепия: в частности, при нем происходит масштабная перестройка Пергамского Асклепейона.

Таким образом, Гликон был синкретическим божеством, органично сочетавшим в себе черты различных культов. Значительная часть его культовых функций и аспектов была рассчитана на местное население Малой Азии. Имя же и авторитет Асклепия должны привлечь римскую и эллинизированную элиту, а также способствовать легитимации нового, по сути локального божества в глазах римских властей. Такая ситуация стала возможной в условиях изменений в религиозной жизни во II в. н. э., связанных с ростом интереса к медицинским практикам и распространением сотерийных культов. Изучение взаимодействия греческих и местных элементов в культах, подобных культу Гликона, в свою очередь, позволяет уточнить и дополнить сложную картину синкретических процессов в Малой Азии.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта РФФ № 24-78-10152 «Этнокультурное взаимодействие в Средиземноморье IV–I вв. до н. э.: политика, религия и интеллектуальная жизнь (Италия, Египет, Малая Азия)».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research; Project “Ethnocultural Interaction in the Mediterranean from the 4th to the 1st Century BCE: Politics, Religion, and Intellectual Life (Italy, Egypt, Asia Minor)”, no. 24-78-10152.

Литература

- Пролыгина 2018 – *Пролыгина И.В.* Сакральное и рациональное в античной медицине: врач и храм (на примере культа Асклепия) // Вестник древней истории. 2018. Т. 78. № 2. С. 36–42.
- Aho 2013 – *Aho L.* Asklepiokselle omistetut votiivipiirtokirjoitukset. Helsinki, 2013. 138 p.
- Dalaison, Delrieux, Ferriès 2015 – *Dalaison J., Delrieux F., Ferriès M.-C.* Abônoteichos-Ionopolis et son atelier monétaire // Arcana Imperii, Mélanges d'histoire économique, sociale et politique offerts au professeur Yves Roman / ed. by C. Chiller, C. Courrier, L. Passe. Geneva: De Boccard, 2015. Vol. 1. P. 91–206. (Mémoires de la Société des amis de Jacob Spon)
- Grimm 1989 – *Grimm G.* Alexander the False Prophet and his god Asclepius-Glycon – Remarks Concerning the Representation of Asclepius with an Egg (‘type Nea Paphos – Trier) // Cyprus and the East Mediterranean in the Iron Age / ed. by V. Tatton-Brown. L.: British Museum Publication, 1989. P. 168–181.
- Horstmanshoff 2004 – *Horstmanshoff H.F.J., Stol M., Van Tilburg C.R.* Magic and rationality in Ancient Near Eastern and Graeco-Roman medicine. Leiden; Boston: Brill, 2004. 407 p. (Studies in Ancient Medicine; no. 27)

- Jones 1986 – *Jones C.P.* Culture and society in Lucian. Harvard: Harvard University Press, 1986. 209 p.
- Migliorati 2020 – *Migliorati G.* Building the supernatural: The cult of Glykon of Abonuteichos. From Lucian of Samosata to cognitive science // Cultural and Religious Studies. 2020. Vol. 8. No. 6. P. 357–365.
- Ogden 2013 – *Ogden D.* Drakon: dragon myth and serpent cult in the Greek and Roman worlds. Oxford: Oxford University Press, 2013. 472 p.
- Petridou 2014 – *Petridou G.* Asclepius the Divine healer, Asclepius the Divine physician: Epiphanies as diagnostic and therapeutic tools // Medicine and healing in the Ancient Mediterranean world / ed. by D. Michaelides. Oxford: Oxbow Books, 2014. P. 291–301.
- Petsalis-Diomidis 2010 – *Petsalis-Diomidis A.* Truly beyond wonders: Aelius Aristides and the cult of Asclepius. Oxford: Oxford University Press, 2010. 315 p. (Oxford Studies in Ancient Culture & Representation)
- Sarefield 2018 – *Sarefield D.* The cult of Glykon as a “New Religious Movement” // Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. 2018. Vol. 54. P. 147–160.
- Sherwin-White 1978 – *Sherwin-White S.M.* Ancient Cos. An historical study from the Dorian settlement to the Imperial period. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1978. 582 p. (Hypomnemata; iss. 51)
- Steger 2005 – *Steger F.* Der Neue Asklepios Glykon // Medizinhistorisches Journal. 2005. Bd. 40. No. 1. S. 3–18.
- Van der Ploeg 2018 – *Van der Ploeg Gh.* The impact of the Roman Empire on the cult of Asclepius. Leiden; Boston: Brill, 2018. 348 p. (Impact of Empire)
- Victor 1997 – *Victor U.* Lukian von Samosata: Alexandros oder der Lügenprophet. Leiden, 1997. 184 S.

References

- Aho, L.K. (2013), *Asklepioksele omistetut votiivipiirtokirjoitukset*, Helsinki, Finland.
- Dalaison, J., Delrieux, F. and Ferrière, M.-K. (2015), “Abōnoteichos-Ionopolis et son atelier monétaire”, in Chiller, C., Courrier, C. and Passe, L. eds., *Arcana Imperii, Mélanges d'histoire économique, sociale et politique offerts au professeur Yves Roman*, vol. 1, De Boccard, Geneva, Switzerland, pp. 91–206. (*Mémoires de la Société des amis de Jacob Spon*)
- Grimm, G. (1989), “Alexander the False Prophet and his god Asclepius-Glykon – remarks concerning the representation of Asclepius with an egg (type Nea Paphos – Trier)”, in Tatton-Brown, V., ed., *Cyprus and the East Mediterranean in the Iron Age*, British Museum Press, London, UK, pp. 168–181.
- Horstmanshoff, H.F.J., Stol, M. and Van Tilburg, C.R. (2004), *Magic and rationality in ancient Near Eastern and Graeco-Roman medicine*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA. (*Studies in Ancient Medicine*; no. 27)
- Jones, C.P. (1986), *Culture and society in Lucian*, Harvard University Press, Harvard, USA.

- Migliorati, G. (2020), "Building the supernatural: the cult of Glykon of Abonuteichos. From Lucian of Samosata to cognitive science", *Cultural and Religious Studies*, vol. 8, no. 6, pp. 357–365.
- Ogden, D. (2013), *Drakon: dragon myth and serpent cult in the Greek and Roman worlds*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Petridou, G. (2014), "Asclepius the Divine Healer, Asclepius the Divine Physician: Epiphanies as diagnostic and therapeutic tools", in Michaelides, D., ed., *Medicine and healing in the Ancient Mediterranean world*, Oxbow Books, Oxford, UK, pp. 291–301.
- Petsalis-Diomidis, A. (2010), *Truly beyond wonders: Aelius Aristides and the cult of Asclepius*, Oxford University Press, Oxford, UK. (*Oxford Studies in Ancient Culture & Representation*)
- Prolygina, I.V. (2018), "The sacred and the rational in ancient medicine: the doctor and the temple (The case of the cult of Asclepius)", *Vestnik drevnei istorii*, vol. 78, no. 2, pp. 36–42.
- Sarefield, D. (2018), "The cult of Glykon as a 'New Religious Movement'", *Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis*, vol. 54, pp. 147–160.
- Sherwin-White, S.M. (1978), *Ancient Cos. An historical study from the Dorian settlement to the Imperial period*, Vandenhoeck und Ruprecht, Göttingen, Germany. (*Hypomnemata*; iss. 51)
- Steger, F. (2005), "Der Neue Asklepios Glykon", *Medizinhistorisches Journal*, Bd. 40, no. 1, SS. 3–18.
- Van der Ploeg, Gh. (2018), *The impact of the Roman Empire on the cult of Asclepius*, Brill, Leiden, Netherlands, Boston, USA. (*Impact of Empire*)
- Victor, U. (1997), *Lukian von Samosata: Alexandros oder der Lügenprophet*, Brill, Leiden, Netherlands.

Информация об авторе

Татьяна Ю. Спирина, аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ломоносовский пр-кт, д. 27, корп. 4;

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32А; spirina-ty@yandex.ru

ORCID-ID: 0009-0006-5482-6360

Information about the author

Tatyana Yu. Spirina, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 27-4, Lomonosovsky Av., Moscow, Russia, 119234;

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32A, Leninsky Av., Moscow, Russia, 119334; spirina-ty@yandex.ru

ORCID-ID: 0009-0006-5482-6360

УДК 82-343.4(491.1)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-42-59

Нищие и бродяги
в нарративных источниках средневековой Исландии:
опыт компаративного анализа материала исландских саг
и свода законов «Серый гусь»

Анна Н. Малькова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anna.norma.gest@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа нищих и бродяг в нарративных источниках средневековой Исландии. Источниковой базой исследования стали средневековый исландский судебник «Серый гусь» и две разновидности саг: «саги об исландцах» и «саги о современности». С помощью компаративного анализа и методик исторической текстологии выявлены точки пересечений и расхождений в различных разновидностях нарратива, прояснен вопрос о соотношении литературных и исторически достоверных элементов в образе нищих и бродяг, поставлены исследовательские вопросы, связанные с фундаментальными проблемами саговедения: о соотношении «правды текста» и «правды факта» в исландских сагах, о степени влияния устной и книжной традиции на повествование, о связи текстов саг и законов, а также о ценностных основаниях средневекового исландского общества, роли и месте человека в нем. Образ нищих и бродяг в «сагах об исландцах» демонстрирует большую гомогенность по сравнению с «сагами о современности», характер их действий однотипен и не выходит за рамки вспомогательной роли в развитии сюжета. Параллели с положениями закона «Серый гусь» редки и свидетельствуют об авторской активности. «Саги о современности», напротив, представляют большее разнообразие поведенческих моделей у нищих и бродяг, чаще встречаются параллели с положениями судебного, в круг предполагаемых источников влияния включаются не только судебник и «саги об исландцах», но и устная традиция, представленная этимологическими преданиями.

Ключевые слова: исландские саги, родовые саги, саги о современности, средневековое право, судебник «Серый гусь»

Статья поступила в редакцию 18 января 2025 г.;
принята к публикации 19 января 2026 г.

© Малькова А.Н., 2026

Для цитирования: Малькова А.Н. Нищие и бродяги в нарративных источниках средневековой Исландии: опыт компаративного анализа материала исландских саг и свода законов «Серый гусь» // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 42–59. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-42-59

Beggars and vagrants
in the narrative sources of Medieval Iceland:
a comparative research of the Icelandic sagas' material
and the “Grágás” law code

Anna N. Malkova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, anna.norna.gest@gmail.com*

Abstract. The article discusses the image of beggars and vagrants in the narrative sources of medieval Iceland. The source base of this research is the codex of the medieval Icelandic law “Grágás” and the two kinds of sagas: “Íslendingasögur” and “Samtíðarsögur”. With the assistance of a comparative analysis and the *historical research methodologies* of textual studies, we found out the points of the intersection and divergence in different types of texts, cleared up the issue about the balance between the literary and historical details of the image of beggars and vagrants, and we also posed the questions pertaining to “the truth of the text” and “the truth of the historical fact” in Icelandic sagas, to the degree of influence on the narration of the oral and written tradition, to the relationship between the sagas and the law, and, likewise, to the value base of the Medieval Icelandic society and the role and the place of a human being in it. The image of the beggars and vagrants in the “sagas of the Icelanders” is more homogenous than in the “contemporary sagas”, the nature of their actions is monotypic and keeps within the framework of a supporting role in the plot unraveling. On the other hand, the “contemporary sagas” present a greater diversity of the behavioral patterns among the beggars and vagabonds; the parallels with the provisions of the Code of Laws are more common; the circle of the supposed sources of influence includes not only the Code of Laws and the “sagas of Icelanders” but also the oral tradition, represented by the etymological legends.

Keywords: Icelandic sagas, Íslendingasögur, Samtíðarsögur, medieval law, “Grágás”

The article was submitted for publication 18.01.2025;
accepted for publication 19.01.2026.

For citation: Malkova, A N. (2026), “Beggars and vagrants in the narrative sources of Medieval Iceland: a comparative research of the Icelandic sagas’ material and the ‘Grágás’ law code”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 42–59, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-42-59

Введение

Долгое время нищие и бродяги не привлекали внимание исследователей, как историков, так и филологов. Историки находили сведения о нищих и бродягах фрагментарными, не позволяющими делать далеко идущие выводы и проникнутыми литературным влиянием. Филологи были солидарны с историками и рассматривали нищих и бродяг исключительно как вспомогательный инструмент развития сюжета. А специфика развития истории как науки предполагала наличие исследовательского интереса, прежде всего к лицам, деятельность которых активно освещалась в хрониках: королям, священникам и т. д.

В этих типах саг нищие и бродяги представлены как:

- 1) часть свиты, формирующая образ основного персонажа (епископ Гудмунд Добрый из «Саги об исландцах», Скута-убийца из «Саги о Глуме-убийце»);
- 2) инструмент развития сюжета путем передачи информации от одного персонажа к другому;
- 3) дидактическая модель поведения, антипример: бродяга, попадая в ситуации, где недостаток опыта негативно сказывается на результате социального взаимодействия с людьми, являет собой образец нежелательного поведения.

Изучение вопроса о роли нищих и бродяг связано с рядом общих проблем саговедения, таких как: правдоподобность и достоверность повествования; проблема поиска источников саги и определения «круга чтения» предполагаемых авторов саг, вопрос о степени влияния устной традиции и авторских наработок; баланс и распределение власти в средневековом исландском обществе. Также данная проблематика связана с вопросом о ценностно-смысловых основах средневекового исландского общества. Более широкие возможности у бродяг и нищих для перемещения в пространстве по сравнению с основными героями саг [Cochrane 2012, p. 50] связывают наше исследование с проблемой описания путешествий в исландских сагах, к которой обращалась Г.В. Глазырина, основываясь на материале «саг о древних временах», в частности, «Саге об Ингваре Путешественнике» [Глазырина 2002; Глазырина 2012], и Т.Н. Джаксон [Джаксон 2020].

Источники нашего исследования – это исландский судебник «Серый гусь» («Grágás»)¹, «саги об исландцах» и «саги о современности». «Саги об исландцах» представлены текстами: «Саги о Гисли сыне Кислого»², «Саги о Ньяле»³, «Саги о Хёрде и островитянах»⁴. «Саги о современности» представлены «Сагой об исландцах»⁵.

«Серый гусь» (Grágás) в современном виде известен со второй половины XIII в. и появился на волне интереса к законотворческой деятельности и кодификации права в Европе [Sigurdsson, Pedersen, Berge 2008, p. 39]. Его ядро состоит из двух пергаментных рукописей: «Королевской книги» (Konungsbók или Codex Regius), сохранившейся в рукописи 1157 fol., и «Книге с Дворового пригорка» (Stadarhólsbók), сохранившейся в рукописи 334 fol. Считается, что первая рукопись написана около 1260 г., вторая – около 1280 г. Обе рукописи являются внушительными искусно оформленными фолиантами, но имя их заказчика неизвестно. В эту эпоху исследователи отмечают интерес к пересмотру исландских законов со стороны Норвегии, но не располагают свидетельствами связи этого процесса и изготовления рукописей, однако могут свидетельствовать об озабоченности исландцев политическими и системными проблемами эпохи⁶.

«Сага о Гисли, сыне Кислого» («Gíslasaga Súrssonar») сохранилась в краткой (M) и пространной (S) редакциях. Сохранился третий вариант текста саги (редакция B), отличающийся от двух других настолько, что исследователи считают возможным говорить о фрагментах третьей редакции. Текст краткой редакции сохранился в четырех неполных фолиантах рукописи из пергамента начала XIV в. AM 445 с I 4to – самая старая рукопись с краткой редакцией саги, но основная рукопись – AM 556 a 4to – датируется второй половиной XV в., и ее происхождение может быть возведено к Западным фьордам.

Существуют две основные рукописи с пространной редакцией саги – бумажные копии с утраченного пергамента. Они тоже происходят из Западных фьордов: AM 149 fol. и NKS 1181 fol. AM 149 fol составлена Оскаром Йоунссоном в начале XVIII в. (1700-е гг.) AM 482 4to составлена в это же время тем же писцом и является копией AM 149 fol. NKS 1180 fol составлена в 1770-х гг.

¹ Grágás, Konungsbók. Genoptrykt efter Vilhjálmur Finsens udgave 1852. Odense: Odense University Press. 1974.

² Saga Gísla Súrssonar I og II. Reykjavík, 1899. 243 bls.

³ Njáls saga. Búid hefir til prentunar Vald. Ásmundarson. Reykjavík, 1894.

⁴ Harðar saga ok Hólmverja. Vol. 3. Reykjavík, 1908.

⁵ Sturlunga saga. 2 vols. Reykjavík, 1946.

⁶ Laws of early Iceland: Grágás I. 1980. P. 13–15. См. также [Байок 2012].

в Копенгагене Маркусом Магнуссоном и представляет собой копию AM 482 4to. NKS 1181 fol. – составлена в 1780-е гг. в Копенгагене Йоуном Йоунссоном [Guðjónsson 2010, pp. 107–108].

«Сага о Ньяле» сохранилась во множестве ранних рукописей и их фрагментов. Считается, что пять из них были написаны между первой половиной и серединой XIV в.: «Reykjabók» (AM 468 4to), «Ormósbók» (AM 162 B δ fol.), «Gráskinna» (GKS 2870 4to), «Kálfalækjarbók» (AM 133 fol.), «Möðruvallabók» (AM 132 fol.). Еще два – «Væjarbók» (AM 309 4to), «Oddabók» (AM 466 4to) – составлены во второй половине XIV в. Сохранилось также шесть фрагментов меньшего объема этого же периода, каждый из которых содержит от одного до пяти листов [Óskarsdóttir, Lethbridge 2018, p. 2].

«Сага о Торде Пугало» («Þórðar saga hreðu») сохранилась в нескольких рукописях: AM 551d 4to, AM 564a 4to, AM 471 4to, AM 586 4to, AM 152 fol.

AM 551d 4to – самая старая сохранившаяся пергаментная рукопись с полной версией саги, написана в Лёгманнсклиде в Эйяфьорде около 1420 г. AM 586 4to была написана до 1487 г. в Арнарбули, на побережье Мюфьорда. AM 152 fol. датируется XV в. и была составлена Арни у Элен Хаконардоттир из Ватнсфьорда; ее происхождение прослеживается по семейной линии от Магнуса Бьёрнссона, законоговорителя северо-западного региона в начале 1600-х гг. (ок. 1595 г.), жившего в Мункадвере (Эйяфьорд). Рукопись AM 471 4to, примечательна тем, что содержит римуры (или римы), посвященные подвигам Торда, что говорит о популярности саги и после окончания эпохи их записи. Рукопись AM 471 4to была явно известна составителю римы, поэтому имеется высокая вероятность, что она была составлена в данной местности.

AM 564a 4to сохранила текст саги частично: до нас дошли листы, содержащие начало и конец саги. Ранее считали, что эти листы являлись частью «Vatnshyrna» – рукописи, составленной по заказу Йона Хаконарсона, который был в конце XIV в. магистром Эйяфьордура, что на севере Исландии (около нынешнего Акюрейри). Сейчас эти сведения опровергнуты, и эту рукопись принято называть «Pseudo-Vatnshyrna» [Ward 2014, p. 21].

«Сага о Хёрде и островитянах» – малоизученная сага, которая дошла до нас в двух рукописях. AM 556 a 4to датируется 1475–1500 гг., ее текст сохранился полностью и был озаглавлен как «Hólmverjasaga» («Сага об островитянах»), и AM 564a 4to – написана в 1390–1425 гг., сохранила только фрагмент текста [Cochrane 2007, p. 73].

«Сага об исландцах» – большая компилятивная сага авторства Стурлы Тордарсона. Она охватывает отрезок времени с 1183

по 1264 г. Стурла совместил летописный принцип записи важнейших событий по годам, нашедший применение в «Саге о Хаконе Старом», с географическим принципом, характерным для «Книги о заселении земли» [Jóhannesson 1946, pp. 26–27; Bragasson 2005, p. 432; Циммерлинг 2007, с. 19–22].

Существующий текст саги не является ее первоначальным вариантом: утрачены как автограф, так и первые списки с него. Около 1300 г. лагман, свояк и ученик Стурлы Тордарсона – Торд, сын Нарви, создал из записанных ранее саг об истории Исландии XII–XIII вв. компиляцию, выстроив ее композицию вокруг «Саги об исландцах». Эта компиляция известна под названием «Сага о Стурлунгах» и дошла до нас в двух редакциях XIV в.: AM 122a fol., она же «Книга Крюкового Фьорда», она же St I и AM 122b fol., она же «Книга Фьорда Дымов», она же St II [Bragason 2005, p. 428–429]. Сохранился также ряд бумажных списков, которые восходят к утраченной копии St II, которая была снята Бьёрном Йоунссоном из Скардсау. Обе рукописи имеют значительные лакуны, поэтому в большинстве бумажных списков представлен гибридный текст саги, составленный писцами, которые работали с обеими редакциями саги [Циммерлинг 2007, с. 33–34].

Нищие и бродяги по данным судебного «Серый гусь»

Свод исландских законов «Серый гусь» содержит целый ряд глав и отдельных положений с упоминанием нищих и бродяг.

Большая их часть только упоминает нищих и бродяг в числе прочих категорий населения Исландии. Это §2, 8, 128, 143, 234, 235, 254. В свою очередь, §82, 121 и 131 сосредоточены на вопросе обсуждения проблем нищих и бродяг в обществе.

Судебник отразил двойное отношение к нищим и бродягам, но с уклоном в негатив. С одной стороны, они признавались частью общества – в отличие от объявленных вне закона. С другой стороны, некоторые виды помощи нищим и бродягам были наказуемы либо могли быть оказаны только в случае, если бродяга решил жить оседлой жизнью. В зависимости от раздела судебного, мы видим более строгое или менее строгое отношение к нищим и бродягам. Так, «раздел о христианской вере» свидетельствует о влиянии Церкви на законодательство, рассматривает нищих и бродяг как часть сообщества верующих и обязывает хоронить их в освященной земле, если они имеют на это право, а также разрешает им переносить свое имущество на себе во все дни недели – даже в воскресенье. Это единственный раздел судебного, в котором по отношению к ним не прописано каких-либо специальных ограничений

или репрессивных мер⁷. С оговорками следует упомянуть «раздел об обручениях», где за связь с женой бродяги предписано полное объявление вне закона, как и за связь с женой любого другого человека, хотя в этом случае речь идет об иждивенце на попечении общины, а не о «незаконном бродяге»⁸. Однако в вопросах, связанных с общественной и политической жизнью средневековых исландцев, нищие и бродяги подвергаются притеснению как в силу своего отказа выполнять обязательства перед обществом, так и в силу своей неспособности собрать вокруг себя группу сторонников, которые помогли бы им отстоять свои права.

Согласно закону бродяга – это человек, который путешествует «без цели» более полумесяца, имея возможность работать за кров и стол в течение года⁹. За это он обязан уплатить штраф, а привлечение к ответственности возлагается на «соседский суд» («búakviðgr»), что позволяет отнести такие дела к рядовым судебным тяжбам, которые решаются соседской общиной самостоятельно [Göglöza 2020, pp. 167–169].

Вопрос наследования имущества бродяги затронут уже в главе 2 «раздела о христианских законах» и повторяется в главе 121 «раздела о наследовании»¹⁰. Предположение о наличии наследуемого имущества у бродяг кажется странным, но такие случаи известны. Ю.Л. Бессмертный со ссылкой на южнофранцузский актовый материал отмечает практику составления завещания нищими и бродягами, делая вывод о росте самосознания индивида в XII–XIII вв., которого теперь заботит не только спасение души, но и решение бытовых вопросов [Бессмертный 2024, с. 128]. Но в Исландии XII–XIII вв. индивид остается (или должен оставаться) частью семейной группы. В обеих главах указано, что хозяин дома, приютивший бродягу, получает право наследовать его имущество только в случае, если не было установлено, что бродяга ушел из дома по своей воле («atsialfræðisino») и домовладелец не извлекал выгоды из сложившейся ситуации и приютил его «ради Господа» («fyrir gudssacir») ¹¹. Закон препятствует вступлению в наследство, если наследник происходит из семьи бродяг и не ведет оседлого образа жизни, он также лишен права требовать возмещение ущерба¹². Следовательно, наследование имущества в исландском праве расценивается как общественно значимое

⁷ Grágás, Konungsbók. I. Bls. 7–8, 23–24.

⁸ Ibid. II. Bls. 48–49.

⁹ Ibid. I. Bls. 139–140.

¹⁰ Ibid. I. Bls. 7–8, 229–230.

¹¹ Ibid. I. Bls. 229–230.

¹² Ibid. I. Bls. 224–225.

действие и не должно совершаться лицом, которое отказывается от выполнения своих обязанностей.

Более суровое отношение к бродягам демонстрирует «раздел об иждивенцах». Глава 131 предписывает подвергать наказанию за попрошайничество на тинге не только бродяг, у которых разрешается отнять имущество и грубо прогнать их¹³, но и самих бондов, которые им помогут, объявлением вне закона на три года. Причины такого отношения заключаются в особенностях институтов власти в средневековой Исландии, структуре исландского общества и вытекающей из этого законоцентричности общества¹⁴. Институт тинга формировал вертикальную структуру общества, в которую был вписан каждый член общества через домовладельца в составе семейной группы и через годи в составе общины (годорда)¹⁵. Нищие и бродяги лишены права требовать возмещения за нанесенный ущерб и не имели права на свое имущество, потому что не являлись представителями семейной группы или общины, которая бы их защитила. Сам тинг и место его проведения также пользуются особым отношением у средневековых исландцев [Глазырина 2006, с. 370], а «Сага о людях с Песчаного Берега» содержит сведения о распре, начавшейся из-за оспаривания особых правил поведения на поле тинга¹⁶.

Серьезно ограничивались права нищих и бродяг в семейном праве. В главе 143 прописан запрет на передачу детей бродяг на воспитание в другие семьи, пока родители являются бродягами. Усыновление детей формировало отношения свойства между кровной и приемной семьями¹⁷. Приемная семья обязана оказывать поддержку в конфликте так же, как кровные родственники [Губанов 1999, с. 42–43]. Семьи бродяг превратятся в бремя для свояков. Интерес общества состоит в избегании подобных ситуаций через лишение нищих и бродяг права формировать связи подобным образом до тех пор, пока они не вернутся к оседлому образу жизни.

Глава 156 стоит особняком в этом вопросе. Хотя в ней прописано отсутствие наказания за сексуальную связь с женщиной-бродяжкой (что укладывается в логику средневекового исландского права), содержится ряд уточнений. На мужчину возлагается обязанность содержать ребенка от этой связи, а также приютить женщину,

¹³ И бродяги не имеют права потребовать возмещения, если им причинен ущерб.

¹⁴ Grágás, Konungsbók. II. Bls. 14.

¹⁵ Laws of early Iceland: Grágás I. 1980. P. 3. См. также: [Губанов 1999, с. 42–43].

¹⁶ Eyrbyggjasaga. Halle, 1897. P. 7–19.

¹⁷ Grágás, Konungsbók. II. Bls. 28.

пока она не оправится от родов, даже если он собирается оспорить отцовство с помощью ордалий. В случае неповиновения он выплачивает штраф, двойную сумму на содержание женщины и ребенка и личное возмещение истцу, причем выступить истцом по делу может кто угодно. Но если женщина бродила по дворам в месяце, когда зачала, мужчина не отвечает за отказ от отцовства¹⁸. Это является свидетельством развития правового сознания у жителей средневековой Исландии, указывающим, что отношение к детям постепенно менялось даже в архаичном и изолированном от системного влияния Церкви исландском обществе.

Главы 234 и 235 отделяют иждивенцев на попечении общины, и бродяг, которые не имеют права просить помощи у общины. Иждивенцев обязаны обеспечить едой и одеждой так же, как домоладцев, их нельзя выгнать на улицу и требовать с них возмещения за оказываемую помощь, превращая их в должников¹⁹.

Мы приходим к выводу, что положение нищих и бродяг в обществе связано с его ценностно-смысловыми основами. В вопросах, которые пересекаются со сферой влияния Церкви, положение нищих и бродяг мягче, чем в вопросах, где прослеживается влияние светской части общества, представленной влиятельными родами. Неприязненное отношение к бродягам, отраженное в судебнике, проистекает из представления о лениности нищих и бродяг: они, согласно этим представлениям, не хотят из-за своей праздности выполнять обязанности, что согласуется не только с архаичными нормами, но и с христианским пониманием обязанностей человека в обществе (2 Фес 3:10).

Нищие и бродяги в «сагах об исландцах»

Интересующие нас упоминания нищих и бродяг содержит 28-я глава «Саги о Гисли, сыне Кислого», повествующая о конфликте, возникшем из-за неосторожных слов Асгерд, жены Торкеля, о ее чувствах к Вестейну. Эти слова стоили жизни Вестейну, и его сыновья пытаются отыскать убийцу своего отца, для чего облачаются «в плохую одежду», берут посохи и прибывают на тинг на корабле своего родича²⁰. Автор саги обыгрывает термин «stafkarl», означающий бродягу или человека с бродяжьим посохом в руке, которому притворяться бродягой выгодно [Успенский 2015, с. 171]. Здесь же встречается прямое упоминание бродяги по имени Халльберн

¹⁸ Ibid. Bls. 48–50.

¹⁹ Ibid. Bls. 171–179.

²⁰ Saga Gísla Súrssonar I og II. Blð. 65.

Колпак²¹. У него нет ни перечня предков, ни своего жилища, и он путешествует в составе группы из 12 человек, которыми руководит. Вероятно, Халльбьерна изобразили во главе ватаги бродяг, чтобы подчеркнуть его стремление придать себе больший вес. Халльбьерн спокойно принимает в свою группу сыновей Вестейна, которые лестно от него добиваются информации о вождях других групп людей на тинге. Среди них находится Торкель, сын Кислого, которого они и убивают, осуществляя месть за смерть своего отца²².

Следующий интересующий нас текст – эпизод из 44-й главы «Саги о Ньяле». Конфликт разгорается между Халльгерд и Бергторой, которые являются женами двух главных героев саги – Ньяля и Гуннара, из-за места на скамье. Женщины обещают друг с другом поквитаться, и Халльгерд подбивает Сигмунда сочинить оскорбительные для Ньяля и его семьи строфы. В этот момент в гости к Халльгерд приходят нищенки, которых автор характеризует как «болтливых и злоязычных», они и становятся первыми свидетелями нанесенного оскорбления, затем в дом входит Гуннар, который негативно реагирует на ситуацию и велит прекратить насмехаться над Ньялем и его семьей²³. Введение группы безымянных нищенок позволяет предположить, что эпизод является авторским конструктором. Топография и генеалогия играли важную роль в верификации повествования. Даже случайный персонаж в саге упоминался по имени, перечислялся перечень его родственников и место, где он родился. Если персонаж не имеет ни имени, ни родни, ни места рождения – достоверность его существования может быть поставлена под сомнение, как и сведения, которые он сообщает [Гуревич 2017, с. 56].

Достоверный элемент повествования в данном случае – факт нанесения серьезного оскорбления Ньялю и его сыновьям. Эпитеты «безбородый» и «навознобородый» обвиняют Ньяля и сыновей в недостатке мужественности. Такое оскорбление влекло за собой судебное разбирательство на собрании из 12 человек²⁴ и объявление вне закона на три года. То же оскорбление в форме стихотворной строфы влекло полное объявление вне закона для всех участников²⁵. Для семьи Ньяля честь – это слава среди окружающих, и нельзя допустить, чтобы распространилась слава о Ньяле и сыновьях как недостаточно мужественных людях, особенно если это услышал

²¹ Ibid. Blð. 65–66.

²² Ibid. Blð. 66–69.

²³ Njáls saga. Bl. 100–105.

²⁴ Более серьезное дело, чем появление бродяги в округе, решавшееся соседским судом в составе 9 человек.

²⁵ Grágás, Konungsbok. I. Bls. 181–185.

Гуннар, который счел оскорбление достаточно весомым, чтобы на него отреагировать. В представлении средневекового исландца факт выражения несогласия с оскорблениями придает им веса, если реагирующий человек достаточно авторитетен.

В «Саге о Хёрде и островитянах» передача сведений, разжигающих распрю, через нищих и бродяг сочетается с использованием нищих и бродяг вслепую. Торви, недовольный браком Сигньюи Гримкеля Годи, желает ему досадить. Для этого он передает ребенка Сигнью и Гримкеля на воспитание бродяге по имени Сигмунд²⁶.

Сигмунд отличается от остальных бродяг в «сагах об исландцах»: он назван по имени, у него есть жена и сын, которого зовут Хельги. Это, а также скальдическая виса Гримкеля годи, вставленная как бы в подтверждение достоверности эпизода, убеждает исследователей в том, что этот эпизод является литературным конструктом [Смирницкая 1999, с. 547]. Автор саги был хорошо знаком с литературным каноном родовых саг, поэтому задействовал все имеющиеся средства для повышения уровня правдоподобности нарратива: у бродяги появляются имя и семья, передача ребенка подтверждается через скальдическую вису. Применение этих инструментов подтверждает, что бродяги в родовых сагах используются для передачи сведений, за правдивость которых автор поручиться не может.

Передача ребенка на воспитание была способом формирования горизонтальных социальных связей, наряду с брачными союзами и обрядами побратимства. Эта связь налагала на человека те же обязанности, что и у кровных родственников. Следовательно, кандидаты на роль воспитателей должны быть способны исполнять свои обязательства, что в случае с бродягой невозможно. Факт передачи ребенка бродяге расценен как принуждение иждивенца к бродяжничеству²⁷. Словами Гримкеля Годи выражается отношение к нищим и бродягам, характерное для исландского средневекового общества XII–XIII вв. Автор саги демонстрирует систему ценностей и смыслов в «век саг» с точки зрения человека XIII–XIV вв. Честь семьи в данном случае выступает самой главной ценностью, ради которой можно пожертвовать всем.

Нищие и бродяги в нарративе «саг об исландцах» превратились в клише, которое удобно использовать для развития сюжета саги. Существуют пересечения в отдельных деталях между образом бродяг в сагах и сведениями из судебных книг. Но в целом нищие и бродяги – это вспомогательное средство продвижения сюжета.

²⁶ *Harðar saga ok Hólmverja*. 1908. Bl. 14–15.

²⁷ *Ibid.* Bl. 16–17.

*Нищие и бродяги
в «сагах о современности»*

В «Саге об исландцах» нищие и бродяги упоминаются в главах 21, 44, 46, 71, 72, 80, 94, 150. Среди них встречаются как составленные под влиянием «саг об исландцах», так и отсылающие к положениям законов в судебнике «Серый гусь».

С упоминанием нищих и бродяг в «Саге об исландцах» мы впервые сталкиваемся в 21-й (26-й) главе – в контексте описания конфликта между епископом Гудмундом сыном, Ари, и Кольбейном, ставленником которого Гудмунд является. Их конфликт – отражение конфликта европейского церковного и традиционного исландского права. Церковная правовая традиция отстаивала идею главенства духовной власти над светской, и епископ Гудмунд, сын Ари выражает эту точку зрения, противореча традиционному исландскому праву [Циммерлинг 2007, с. 363]. Кольбейн, сын Туми рассуждает в рамках своей правовой традиции, но противоречит церковному праву²⁸. Епископ прав, указывая, что бонды сами не соблюдают законов, на которые ссылаются. Но его положение также шатко, поскольку, согласно этому же закону, он должен отвечать за свои действия перед мирскими инстанциями, с помощью которых стал епископом, т. е. на закон ссылаются обе стороны, но ему не следует ни одна из них. Прямое упоминание нищих и бродяг примечательно разделением между ними: мужчин обозначили как «stafkarl» – «мужик с посохом», а женщин – как «göngukona» – «перемещающаяся женщина». Эти люди неотступно следуют за епископом, и он оказывает им поддержку.

Главы 55 (60), 71 (76) и 80 (85) содержат упоминания нищих и бродяг, обработанные в соответствии с литературным канонном. В главе 55 (60) мы встречаем определение «umrenningr»²⁹ которым обозначен Эйрик Берестяник. Это определение встречается в «Саге о Торде Пугало», где с его помощью обозначен бродяга, выполняющий функцию разведчика и подвергающий опасности главного героя саги³⁰, а «Краткий словарь древнеисландского языка» Гейра Зоэги дает этому определению расшифровку «бродяга, мародер». Термин отделяет персонажа от тех нищих и бродяг, которых автор обозначает как «stafkarl» и «göngukona»: он бродяга, поскольку не имеет своего жилья, но не нищий, нуждающийся в защите. Он представляет опасность, выполняя любые,

²⁸ Sturlunga saga. Bls. 246–250.

²⁹ Ibid. Bls. 307.

³⁰ Þórðar saga hreðu. 1959. Bls. 208.

даже кровавые поручения. Он норвежец, и автор саги не скрывает своей неприязни к нему [Циммерлинг 2007, с. 408].

В 71-й (76-й в исландском издании) главе упоминается второ-степенный персонаж – Криструн Бродяжка³¹. Прозвище Криструн указывает на ее мобильность, образованное от слов «faḡa» – ходить и «kopa» – женщина. С помощью хитрости она не дает налетчику забрать ларец с кольцами. Составитель саги использует представление о бродягах как простофилях, разносящих сплетни, и переворачивает его: обведенной вокруг пальца оказывается не бродяжка, а ее визави.

Глава 80³² (85) содержит интересный термин для обозначения бродяги – *landzhorna-maðr*³³, который также встречается в «Книге о взятии Земли» («Книга Стурлы» АМ 107)³⁴ в контексте соревнования двух бондов, которые едут на тинг [Литовских 2019, с. 134–136]. В обоих случаях идентичны и условия и результат – героя обманывают: Торир Голубиный Клюв не получил серебра, а Дагстюг был убит. Этот эпизод можно трактовать как пример авторской активности, использующей местную фольклорную традицию как форму для наполнения ее новым содержанием: образ бродяги в этом случае выступает как часть литературного приема для развития сюжета.

Глава 94 содержит эпизод, который можно было бы назвать типичным описанием развития конфликта при участии бродяги. Бродяга, названный «*reikunarmaðr*», по имени Откель передал Асгриму письмо, передача которого приводит к вовлечению в распрю новых людей. Но здесь появляется перечень предков и род занятий: он назван сыном Бьёрна, сына Торира, что когда-то жил на Осенних Жилищах в Островной округе. Он путешествует вместе с безымянной спутницей и продает горшки³⁵. Наличие родни и памяти о месте последнего проживания позволяет предположить,

³¹ Ibid. Bls. 328.

³² Saga об исландцах / С. Тордарсон; пер. с древнеисл., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб.: Алетейя, 2007.

³³ Определение «*landshorna-maðr*» не совсем прозрачно для перевода. В зависимости от контекста, его можно перевести и как «путешественник» [Литовских 2019, с. 135], и как «бродяга» (Saga об исландцах...). Й. Фритцнер в своем «Словаре древненорвежского языка» дает следующую расшифровку этого определения: «Странники, которые путешествуют по стране из одного конца в другой, из одного угла в другой, не имея постоянного места жительства нигде».

³⁴ Landnámabók: Ljósprentunhandrita. Reykjavík, 1974. Bls. 200.

³⁵ Sturlunga saga. I. Bls. 365.

что это достоверное упоминание бродяги, который на самом деле когда-то жил в Исландии.

Последний пример приводится в главе 150 (154)³⁶ в виде гапакса «stafkarla-letr», который уже привлекал внимание исследователей. Слово «stafkarl» состоит из двух основ «staf» – «палка», «посох», и «karl» – «человек», «простолудин» или «мужик». Хотя само слово употреблялось в своем буквальном значении, но с гапаксом «stafkarla-letr» ситуация обстоит иначе. Одну из его основ следует трактовать иносказательно [Успенский 2015, с. 170–171]. В одном из эпизодов «саги об исландцах» им обозначены персонажи, которые нищими только притворяются, но не являются ими на самом деле. Поэтому слово «stafkarla-letr» может описывать и внешний вид послания, и уровень его правдивости. Ситуация двойственна: адресат из-за внешнего убожества письма не может (или не желает) разглядеть предупреждение об опасности. Письмо притворяется «убогим», как притворялись Хельги и Берг в «Саге о Гисли», но с разным результатом: в «Саге о Гисли» бродяга поверил в искренность слов юнцов, которые «говорили красиво, но думали ложно» [Глебова 2024, с. 234–255], а здесь скальд, автор саги и хёвдинг не принял всерьез предупреждение, которое было истинно, но недостаточно красиво составлено [Успенский 2015, с. 169].

Нищие и бродяги формировали маргинальную группу в исландском средневековом обществе, и это качество прослеживается во всех категориях письменных источников, приведенных в исследовании. Там, где нищих и бродяг рассматривали под влиянием Церкви как часть сообщества верующих, мы видим смягчение нравов. Там, где источник формировался под влиянием светских социальных групп, нищих и бродяг ограничивают в правах, рассматривая их как не желающих жить по законам исландского общества и выполнять свои обязанности.

В текстах саг нищие и бродяги образуют группу персонажей с функцией развития сюжета. Появление бродяги приводит к эскалации конфликта и вовлечение в него новых лиц. Но если в случае с «сагами об исландцах» совпадения с текстом законов воспринимаются как попытка придать большей достоверности повествованию, то в случае с «сагами о современности» пересечение с текстами законов производит впечатление фиксации реалий, характерных для эпохи описываемых событий. Нищие и бродяги в «сагах о современности» менее гомогенны, чем в «сагах об исландцах», что может свидетельствовать в пользу тезиса о том, что какая-то их часть в «сагах о современности» была списана с реальных людей.

³⁶ Ibid. Bls. 453.

Все это ставит вопросы о доле достоверного и правдоподобного в исландских сагах, зависимости этого соотношения от разновидности саги и источников влияния на нарратив. Не остается в стороне и вопрос ценностно-смысловых оснований средневекового исландского общества, которое в той или иной мере продолжает воспринимать и перерабатывать фольклорный материал, представленный топонимическими легендами, и героико-эпическую традицию, представленную опосредованно в виде рецепции эддического материала как родовыми сагами, так и сагами о современности.

Литература

- Байок 2012 – *Байок Дж.Л.* Исландия эпохи викингов / пер. И. Свердлова. М.: Астрель, 2012. 909 с. (Corpus)
- Бессмертный 2024 – *Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 240 с. (Гуманитарное наследие)
- Глазырина 2002 – *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, перевод, комментарий. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература. 2002. 464 с. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).
- Глазырина 2006 – *Глазырина Г.В.* Время в древнеисландских сагах (история, повседневность, временные ориентиры) // Древнейшие государства Восточной Европы, 2006 г.: Пространство и время в средневековых текстах / отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. С. 355–380.
- Глазырина 2012 – *Глазырина Г.В.* Заселение Исландии как пример средневековой миграции // Восточная Европа в древности и средневековье: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза: сб. материалов XXIV Чтений памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 2012 г.). М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. С. 65–69.
- Глазырина 2022 – *Глазырина Г.В.* Древнеисландские «Саги о путешественниках»: Публикация архивных материалов под редакцией Т.Н. Джаксон // Древнейшие государства Восточной Европы, 2022: Роль религии в формировании социокультурных практик и представлений / отв. ред. Е.А. Мельникова, Е.В. Литовских. М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2022. С. 222–315.
- Глебова 2024 – *Глебова Д.С.* О чем говорят «красивыми словами» в древнеисландской книжности? // Шаги/Steps. 2024. Т. 10. № 2. С. 234–255.
- Губанов – 1999 – *Губанов И.Б.* Структура древнескандинавского общества по материалам саг // Скандинавские чтения 1998 г.: Этнографические и культурно-исторические аспекты / отв. ред. А.С. Мыльников. СПб.: Наука, 1999. С. 40–48.
- Гуревич 2017 – *Гуревич А.Я.* Избранное: История – нескончаемый спор. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 384 с. (Humanitas)
- Литовских 2019 – *Литовских Е.В.* «Пряди о лошадях» в «Книге о занятии земли» и фольклорные источники ее автора // Средние века. 2019. Т. 80. № 1. С. 122–140.

- Смирницкая 1999 – *Смирницкая О.А.* Софья Свириденко и ее «Эдда» // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999: Восточная и Северная Европа в Средневековье / отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 281–298.
- Успенский 2015 – *Успенский Ф.Б.* Люди, тексты и вещи: Из истории культуры средневековой Скандинавии. М.: Форум: Неолит, 2015. 256 с.
- Циммерлинг 2007 – *Циммерлинг А.В.* Стурла Тордарсон и «Сага об исландцах» // Стурла Тордарсон. Сага об исландцах / пер., общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга. СПб.: Алетейя, 2007. С. 9–63.
- Bragason, McTurk 2005 – Bragason Ú., Sagas of contemporary history (Sturlunga saga): texts and Research. // A companion to Old Norse-Icelandic literature and culture / ed. by R. McTurk. Oxford: Blackwell Publishers, 2005. PP. 427–446.
- Cochrane 2007 – *Cochrane J.* Tree dreams and versions of Harðar Saga // Leeds Studies in English. 2007. Iss. 38. No.s. 3. P. 73–100.
- Gogloza 2020 – *Gogloza W.* Adjudication of disputes in the Icelandic Commonwealth // Ius Novum. 2020. Vol. 14. No. 1. P. 154–178.
- Guðjónsson 2010 – *Guðjónsson Þ.I.* 'Editing the three versions of Gísla saga Súrssonar' // Creating the Medieval saga: Versions, variability, and editorial interpretations of Old Norse saga literature / ed. by J. Quinn, E. Lethbridge. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010. P. 105–121. (The Viking Collection)
- Jóhannesson 1946 – *Jóhannesson J.* Um Sturlunga sögu // Sturlunga saga. Vol. 2. Reykjavík: Sturlunguútgáfan, 1946. Bls. 26–27.
- Óskarsdóttir, Lethbridge 2018 – *Óskarsdóttir S., Lethbridge E.* Whose Njála? Njáls saga editions and textual variance in the oldest manuscripts // New studies in the manuscript tradition of Njáls saga. The historia mutula of Njála / ed. by E. Lethbridge, S. Óskarsdótti. Kalamazoo, MI: Western Michigan University, 2018. P. 1–28.
- Sigurðsson, Pedersen, Berge 2008 – *Sigurðsson J.V., Pedersen F.J.G., Berge A.* Law making and utilisation in the North c. 900–1350 // Making, using and resisting the law in European history / ed. by G. Lottes, E. Medijainen, J.V. Sigurdsson. Pisa: Edizioni Plus, 2008. P. 37–64.
- Ward 2014 – *Ward E.I.* Nested Narrative: Þórðar Saga Hreðu and material engagement: Thèse de doctorat soutenue. Berkeley: Université de Californie, 2014. 158 p.

References

- Byock, J.L. (2012), *Islandiya epohi vikingov* [Viking age Iceland]. Astrel', Moscow, Russia.
- Bessmertnyi, Yu.L. (2024). Zhizn' i smert' v Srednie veka: Ocherki demograficheskoi istorii Frantsii [Life and death in the Middle Ages: Essays on the demographic history of France], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia. (*Gumanitarnoe nasledie*)

- Bragason Ú., McTurk R. (2005) Sagas of Contemporary History (Sturlunga saga): Texts and Research // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture. 2005. PP. 427–446.
- Cochrane, J. (2007) Tree Dreams and Versions of Harðar Saga // Leeds Studies in English. N. s. 3 (38), pp. 73 – 100.
- Cochrane, J. (2012), “Gossips, beggars, assassins, tramps: vagrants and other itinerants in the Sagas of Icelanders”, *Saga-Book*, vol. 36, pp. 43–78.
- Glebova, D.S. (2024), “What do they talk about ‘in fair words’ in Old Norse-Icelandic literature?”, *Shagi/Steps*, vol. 10, no. 2, pp. 234–255.
- Glazyrina, G.V. (2002), “About becoming cognomen ‘The Traveller’ in the title of the saga”, in Glazyrina, G.V., ed., *Saga ob Ingvare Puteshestvennike* [The saga about Ingvar The Traveller], Vostochnaya literature, Voscow, Russia. (*Drevneishie istochniki po istorii Vostochnoi Evropy*)
- Glazyrina, G.V. (2006), “Timeline in old Icelandic sagas (history of the daily life, temporary focuses)”, in *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2006 g.: Prostranstvo i vremya v srednevekovykh tekstakh* [The earliest states of Eastern Europe. 2006: Space and time in Medieval texts], Universitet Dmitriya Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 355–380.
- Glazyrina, G.V. (2012), “Settlement of Iceland as an example of medieval migration”, in *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov’e: Migratsii, rasselenie, voina kak faktory politogeneza: sbornik materialov XXIV Chtenii pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR V.T. Pashuto (Moskva, 18–20 aprelya 2012 g.)* [Eastern Europe in Antiquity and Medieval Age. Migrations, settlement and war as a politogenesis factors: collection of materials from the 24th Readings in memory of corresponding member of the USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto (April 18–20, 2012)], Institut vseobshchei istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 65–69.
- Glazyrina, G.V. (2022), “Old Icelandic ‘Sagas about travellers’ publication of archival materials edited by Tatjana Jackson”, in Mel’nikova, E.A. and Litovskikh, E.V., eds., *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2022: Rol’ religii v formirovanii sotsiokul’turnykh praktik i predstavlenii* [The earliest states of Eastern Europe. 2022: The role of religion in the formation of socio-cultural practices and ideas], GAUGN-PRESS, Moscow, Russia, pp. 222–315.
- Gogloza W. (2020) Adjudication of disputes in the Icelandic Commonwealth // *Ius Novum* (Vol. 14) 1. PP. 154–178.
- Gubanov, I.B. (1999), “The structure of the Old Norse society in the Icelandic sagas”, in Myl’nikov, A.S., ed., *Skandinavskie chteniya 1998 goda: Etnograficheskie i kul’turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian readings of 1998: Ethnographical and cultural-historical aspects], Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 40–48.
- Guðjónsson (2010), ‘Editing the Three Versions of Gísla saga Súrssonar’ // *Creating the Medieval Saga: Versions, Variability, and Editorial Interpretations of Old Norse Saga Literature*. Odense. Syddansk University Press. 2010. 337 p. – P. 107–108.
- Gurevich, A.Ya. (2017), *Izbrannoe: Istoriya – neskonchaemyi spor* [Selectas. History – an endless discussion], Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Moscow, Saint Petersburg, Russia. (*Humanitas*)

- Litovskikh, E.V. (2019), “The tale of the Mare *Fluga* (according to *Landnámabók*) and the folklore sources of its author”, *Srednie veka*, vol. 80, no. 1, pp. 122–140.
- Óskarsdóttir S., Lethbridge E. (2018), Whose Njála? Njáls Saga Editions And Textual Variance In The Oldest Manuscripts: The historia mutila of Njála // New Studies in the Manuscript Tradition of Njáls saga: The historia mutila of Njála. Kalamazoo: Medieval Institute Publications. 2018. 332 p.
- Sigurðsson, Pedersen, Berge (2008) Law Making and Utilisation in the North c. 900–1350 // Making, Using and Resisting the Law in European History. Ed. by G. Lottes, E. Medijainen, and J.V. Sigurdsson. Pisa, 2008. P. 37–64.
- Tsimmerling, A.V. (2007), “Sturla Thordarson and ‘The Saga of Icelanders’”, in Tsimmerling, A.V., ed., *Sturla Thordarson. Saga ob Islandtsakh* [Sturla Thordarson. The Saga of Icelanders], Aleteiya, Saint Petersburg, Russia, pp. 9–63.
- Uspenskii, F.B. (2015), *Lyudi, teksty i veshchi: Iz istorii kul'tury srednevekovoi Skandinavii* [People, texts and things. From the cultural history of Medieval Scandinavia], Forum, Neolit g, Moscow, Russia.
- Ward, E.I. (2014), *Nested narrative: Þórðar Saga Hreðu and material engagement*, Thèse de doctorat soutenue, Université de Californie, Berkeley, UK.

Информация об авторе

Анна А. Малькова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; anna.norna.gest@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-1420-7606

Information about the author

Anna N. Malkova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; anna.norna.gest@gmail.com
ORCID ID: 0009-0001-1420-7606

УДК 327(494)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-60-73

Дискуссии по проблемам европейской безопасности на переговорных площадках в Швейцарии: 1945–1991 гг.

Дмитрий А. Перепехин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dimka365d@mail.ru*

Аннотация. Швейцария всегда была известна в международных отношениях как посредник, что делает ее уникальным игроком на мировой арене, старающимся сохранять дистанцию от международных конфликтов. Сегодня роль Конфедерации для европейской безопасности велика. Причины для взаимодействия достаточно: страна расположена в центре Европы, представляет стратегический и экономический интерес для европейских государств, сотрудничество с Европой является для альпийской республики естественным. Конфедерация является штаб-квартирой для многих международных организаций, комитетов и ведомств, в которых обсуждается европейская безопасность. Заняв нишу медиатора, Швейцария стала активным участником международных отношений. В условиях глобализации и усиления конфликтов между странами нейтралитет становится ключевой стратегией для обеспечения стабильности и безопасности. Нейтральные государства демонстрируют уникальные подходы к его трансформации, что делает тему актуальной.

Источниковая база включает в себя документы правительственных ведомств Швейцарии, Федерального архива Швейцарии, материалы дипломатической базы данных Dodis. Проведена оценка исторического развития нейтралитета в различные периоды. Изучены воспоминания Н.С. Хрущева о визите в Швейцарию в 1955 г. На основе данных материалов проведен обзор швейцарской внешней политики и дана оценка швейцарского вклада в обсуждение европейской безопасности.

Ключевые слова: Швейцария, европейская безопасность, Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, ОБСЕ, нейтралитет, переговоры, посредничество, добрые услуги

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2025 г.;

принята к публикации 9 февраля 2026 г.

© Перепехин Д.А., 2026

Для цитирования: Перепехин Д.А. Дискуссии по проблемам европейской безопасности на переговорных площадках в Швейцарии: 1945–1991 гг. // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 60–73. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-60-73

Discussions on European security issues at the negotiating venues in Switzerland (1945–1991)

Dmitrii A. Perepekhin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dimka365d@mail.ru*

Abstract. Switzerland has always been known as a mediator in the international relations. This makes it a unique player on the world arena, striving to maintain distance from international conflicts. Today, the Confederation plays an important part in European security. There are many reasons for this: the country is located in the centre of Europe, it is of strategic and economic interest to the European countries, and cooperation with Europe is natural for Switzerland. The Confederation is the headquarters for many international organizations, committees and agencies that discuss European security. By occupying the niche of a mediator, Switzerland has become an active participant in international relations. In the context of globalization and the intensified conflicts between countries, neutrality is becoming a key strategy for ensuring stability and security. Neutral states are demonstrating a unique approach to its transformation, making this a highly topical issue.

The source base of the article includes the documents from the Swiss government agencies, the Swiss Federal Archives, and the Dodis diplomatic database. An assessment is given of the historical development of neutrality during the periods in question. N.S. Khrushchev's memoirs of his visit to Switzerland in 1955 are examined. Based on these materials, an overview of the Swiss foreign policy is provided and the evaluation of Switzerland's contribution to the discussion of European security is given.

Keywords: Switzerland, European security, Conference on Security and Cooperation in Europe, OSCE, neutrality, negotiations, mediation, good services

The article was submitted for publication 25.12.2025;
accepted for publication 09.02.2026.

For citation: Perepekhin, D.A. (2026), “Discussions on European security issues at the negotiating venues in Switzerland (1945–1991)”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 60–73, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-60-73

Введение

Вопросы европейской безопасности являются актуальными, поскольку на протяжении столетий Европа была эпицентром масштабных противостояний. Мировые потрясения привели к тому, что европейцы озаботились созданием системы безопасности. Швейцария как исторический образец нейтралитета была признана переговорной площадкой по вопросам безопасности. Об этих вопросах и пойдет речь в настоящей статье. Рассматривается несколько исторических периодов: дается краткий обзор процесса становления страны в качестве арбитра международных отношений (с 1815 г. до окончания Второй мировой войны), 1945–1975 гг. (от окончания Второй мировой войны до подписания Хельсинкских соглашений), 1976–1991 гг. (период, когда Швейцария играет важную роль как посредник вплоть до распада СССР). Каждый период уникален и имеет свою проблематику.

История Швейцарии как пространство для диалога

Посредничество является частью политической культуры Швейцарской Конфедерации. Начиная с 1815 г. страна отказалась от ведения войн, подтвердив свой нейтралитет [Bonjour 1946, p. 58–60]. Благодаря такой успешной политике страна стала процветающей. Швейцарская политическая система зиждется на языковом, культурном и религиозном разнообразии [Klöti et al. 2004, pp. 35–40]: каждая социальная группа в стране имеет политический вес. Многие вопросы решаются не на федеральном, а кантональном уровне. Данные аспекты сформировали современное швейцарское общество, которое привержено идеям и принципам прямой демократии. В период мировых войн Швейцария сталкивалась с недемократичной средой [Klöti et al. 2004, pp. 35–40]. Миновав мировые войны, страна решила выступать активным посредником в европейских вопросах, проводя политику «добрых услуг». Если в XIX в. это были скорее случайные события, то в XX в. такая политика становится краеугольным камнем швейцарской дипломатии [Späni-Schleidt 1983, pp. 30–32].

Формирование переговорной традиции в Швейцарии, 1945–1975 гг.

С 1945 по 1975 г. европейское общество становилось демократичным. В это время Европа демократизируется в разных сферах: политической, экономической, социальной и в международных отношениях. Развивается гражданское общество, происходит восстановление экономики после Второй мировой войны, создаются военные и политические институты, такие как НАТО (1949), Совет Европы (1949), ЕЭС (1957) и др. Западные страны стали придерживаться тех же ценностей, что и Швейцария: базовые права человека, демократия, главенство закона. Появились такие институты, как ООН, ОБСЕ. Женева стала штаб-квартирой многих международных организаций. Страна подтвердила свою приверженность решению вопросов через диалог. После Второй мировой войны Швейцарская Конфедерация начала усиливать диалог с европейскими государствами. После войны традиционные механизмы политики нуждались в модернизации. Холодная война и гонка вооружений внесли коррективы во внешнеполитический курс страны. Стремление к диалогу сталкивалось с классическим подходом к суверенитету, концепция нейтралитета предусматривала неучастие страны во внешних делах [Klöti et al. 2004, p. 50]. Национальная безопасность рассматривалась как внутреннее дело, а не часть внешней политики [Klöti et al. 2004, p. 55]. Программа консервативной Швейцарской народной партии (ШНП) и вовсе предлагала ограничиваться экономическими интересами и оказанием краткосрочных «добрых услуг»¹. Одновременно нейтралитет стал инструментом внешней политики, и политические круги стали искать достойное применение своей концепции нейтралитета в поствоенных условиях.

Практически сразу Швейцарская Конфедерация воплотила свои идеи посредничества в виде Женевского саммита 18–23 июля 1955 г. На встрече присутствовали президент США Д. Эйзенхауэр, премьер-министр Великобритании Э. Иден, премьер-министр Франции Э. Фор, от СССР – Н.С. Хрущев, а также председатель Совета Министров Н. Булганин. Их сопровождали министры иностранных дел четырех держав². По воспоминаниям Хрущева, идея

¹ Frei und sicher: Parteiprogramm der SVP, 2019–2023. Bern: SVP Schweiz, Generalsekretariat, 2019. S. 9–14.

² Deadlock. East-West tensions stymie Geneva meet. 1955. 10/31. URL: https://archive.org/details/1955-10-31_Deadlock (дата обращения: 22.08.2025).

Женевской встречи принадлежала У. Черчиллю³. Для бывших союзников время было подходящее – в 1953 г. умер И. Сталин, и западные державы зондировали почву советской делегации. Это была первая встреча на столь высоком уровне после Потсдамской конференции 1945 г. Она состоялась, когда холодная война набирала обороты. По мнению Н.С. Хрущева, практика посредничества стала обыденным делом в жизни Женевы⁴. Встреча была призвана укрепить отношения между лидерами «Большой четверки»⁵. Внутри советской делегации были противоречия: по воспоминаниям Н.С. Хрущева, Г.М. Маленков легко поддавался влиянию извне и мог «вдохновить» противника на активные действия. В свою очередь, В. Молотов обладал богатым опытом еще со времен И. Сталина и репутацией человека «НЕТ»⁶. Сам Хрущев поначалу возражал против своего участия, ссылаясь на то, что он не занимал государственный пост, а представлял партию, но Молотов настоял на его участии⁷. Важным вопросом являлось будущее Германии: западные страны выступали за объединение Германии на своих условиях, СССР же выступал за невмешательство в дела ГДР. Западные державы не были готовы уступать, поэтому Женевская встреча 1955 г. заранее была обречена на провал⁸. Однако был и положительный момент – возник так называемый «дух Женевы», морально-политическая обстановка, характеризующаяся стремлением к разрядке. Лидеры стран узнали друг друга лучше, сам Хрущев высоко оценивал значение Женевской встречи. Так начался сложный путь к разрядке и сотрудничеству, и базис к этому сотрудничеству был заложен в Швейцарии.

В 1957 г. был подписан Римский договор, который учредил Европейское экономическое сообщество и открыл новую эру более тесного сотрудничества в Европе⁹. Это коренным образом изменило характер долгосрочных отношений со Швейцарией¹⁰, в которой

³ Хрущев Н.С. *Время. Люди. Власть: Воспоминания*. В 4 кн М.: Московские новости, 1999.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ History of the European Union, 1945–59 // An official website of the European Union. URL: https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/history-eu/1945-59_en (дата обращения: 22.08.2025).

¹⁰ Der Historiker als Experte. Die Arbeitsgruppe Historische Standortbestimmung 1961–1985 / Hg. von S. Zala, Y. Steiner, A. Clavadetscher, F. Dubois. Bern, 2025. (Quaderni di Dodis – fonti; Bd. 23)

в очередной раз был поднят вопрос нейтралитета. В 1959 г. президент Макс Птипьер предложил провести исследование в целях установления «швейцарской доктрины в области Европейской экономической интеграции»¹¹, согласно которой предполагалось при тесном сотрудничестве Федерального политического департамента и Федерального департамента общественной экономики выстроить новый вектор отношений с Европой. С этого момента экономическое сотрудничество стало более плотным: страна впервые присоединилась к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1958 г. и полностью присоединилась к нему в 1966 г. С 1959 г. Швейцария выступает за европейскую ассоциацию свободной торговли (ЕАСТ) и вступает в нее в 1960 г.¹²

В 1961 г. в Швейцарии на фоне европейской интеграции в качестве консультативного органа при Федеральном совете создана Рабочая группа по определению исторического местоположения. Фактически она стала местом обсуждения перспектив швейцарской внешней политики¹³. Орган оказывал поддержку правительству страны в построении отношений с ЕЭС, и эксперты различных областей обсуждали нейтралитет, европейскую безопасность, права человека, отношения с ООН, СБСЕ и т. п.¹⁴ Приоритетным для Берна стало снижение напряжения в Европе.

С конца 1950-х гг. выдвигалась идея зоны, свободной от ядерного оружия (так называемый план Рапацкого). План получил одобрение и дальнейшее развитие¹⁵. Было решено провести конференцию по этому вопросу [Синдеев 2021, с. 72–73]. Швейцарцы высказались в поддержку такой встречи. Таким образом, на смену холодной войне и конфронтации пришло время переговоров. «Дух Женевы» получил второе дыхание.

Политика «добрых услуг» стала систематическим явлением. Особую роль она сыграла во время Карибского кризиса 1962 г.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Arbeitsgruppe Historische Standortbestimmung 1961–1985. Quaderni di Dodis. URL: <https://www.dodis.ch/de/arbeitsgruppe-historische-standortbestimmung-1961-1985>(дата обращения: 05.06.2025).

¹⁴ Der Historikeral's Experte...

¹⁵ Юрк А.В. Безъядерный еврофронт: обзор рисков для текущего ядерного статуса Центральной и Восточной Европы // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 16 авг. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/military-and-security/bezyadernyy-evrofrontir-obzor-riskov-dlya-tekushchego-yadernogo-statusa-tsentralnoy-i-vostochnoy-evr/?ysclid=moage376vh872938901> (дата обращения: 11.06.2025)

В октябре 1962 г. швейцарский посол в США А. Линдт передал кубинцам, что американцы не потерпят советских ракет на Кубе¹⁶. Швейцарский посол на Кубе Вальтер Босси практически ежедневно встречался с главой кубинского МИДа Раулем Роа и с советским послом А.И. Шитовым¹⁷. Американцы согласились на обязательства Кубы не вступать в Варшавский договор, сняли военную блокаду страны и обязались не совершать военные вылеты со своей военно-морской базы в Гуантанамо с целью эскалации конфликта¹⁸. Вскоре из Гаваны был получен положительный ответ, о чем А. Линдт доложил в Госдепартамент США и МИД СССР. В период Карибского кризиса можно отметить профессионализм швейцарской дипломатии. Таким образом, Швейцария внесла важный вклад в разрешение одного из самых опасных кризисов XX века. Важно отметить, что даже после разрешения кризиса в 1977 г. была сформирована американская секция интересов в Гаване, которую представляла Швейцарская Конфедерация. Секция прекратила существование в 2015 г., когда дипломатические отношения Вашингтона и Гаваны были восстановлены.

1 августа 2025 г. отмечалась знаковая для Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) дата – 50-я годовщина Заключительного акта Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе.¹⁹ С 18 сентября 1973 г. по 21 июля 1975 г. в Женеве на уровне делегатов и экспертов проходила вторая встреча СБСЕ, где обсуждались предложения для Заключительного акта. Работа проводилась и по предложенному Швейцарией общеприемлемому методу мирного урегулирования споров и «Проекту конвенции о Европейской системе мирного урегулирования споров»²⁰. 35 государств, включая СССР и США, закрепили в итоговом варианте

¹⁶ *Петров И.* Нейтралам нечего здесь делать... // Русская Швейцария. 2010. № 7 (69). URL: https://www.rsuh.ru/binary/object_27.1283939449.80079.pdf?ysclid=moagi26b4e75459768 (дата обращения: 23.08.2025).

¹⁷ *Подымов А.* Карибский кризис и швейцарский расчет // Информационно-аналитический портал «Военное обозрение». 2022. 14 окт. URL: <https://topwar.ru/203190-karibskij-uzhas-i-shvejcarskij-raschet.html?ysclid=moagphehrw636980664> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁸ Там же.

¹⁹ 50th Anniversary of Helsinki Final Act OSCE // OSCE. URL: <https://www.osce.org/50th-HelsinkiFinalAct> (дата обращения: 05.06.2025).

²⁰ Сопещение по безопасности и сотрудничеству в Европе: Заключительный акт. Хельсинки, 1975 // Официальный сайт ОБСЕ. URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 05.06.2025).

принципы политического контроля за вооружениями, невмешательства во внутренние дела и уважения прав человека²¹. Таким образом, Швейцария внесла свой вклад в общеевропейское дело безопасности и показала себя как заинтересованного переговорщика. Сохранение мира в эпоху холодной войны было оптимальным как для сверхдержав, так и малых государств, таких как Швейцарская Конфедерация.

*Укрепление посредничества в Швейцарии
как важного фактора ее международной политики,
1976–1991 гг.*

Нейтралитет позволял стране активно участвовать в мировой политике, но при этом оставаться в стороне от противоборствующих блоков. «Формула успеха» заключалась в политической сдержанности, и с развитием холодной войны Швейцария все больше проявляла себя в роли посредника [Schindler 1984, pp. 162–163]. После Хельсинкских соглашений противоречия между сверхдержавами не были исчерпаны: в 1976–1991 гг. соперничество между НАТО и ОВД продолжалось, даже во время разрядки (1972–1979 гг.), и гонка вооружений не прекратилась. В конце 1970-х годов произошло обострение советско-американских отношений из-за ввода советских войск в Афганистан. Швейцария была вынуждена реагировать на данные изменения в мире, стремясь использовать свою политику «добрых услуг» по максимуму.

Ключевую роль здесь играл Международный комитет Красного Креста (МККК)²². Однако в июне 1980 г. представители МККК высланы из Афганистана, их деятельность была прекращена. Во время боевых действий МККК успел негласно договориться с моджахедами и СССР о передаче им (МККК) пленных советских солдат²³. Было достигнуто соглашение, по которому пленные до окончания войны будут находиться в третьей стране, т. е. в Швейцарии. В 1983 г. 12 советских военнопленных размещены в лагере «Цуггерберг» (кантон Цуг). Здесь располагалось фермерское хозяйство «Фрюбюль» («Frühbühl»), на базе которого швейцарская армия

²¹ Краткая история ОБСЕ // Коммерсантъ. 2025. 31 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7926189> (дата обращения: 05.06.2025).

²² Посредничество Международного комитета Красного Креста в Афганской войне // Кинокомпания МинАкультуры. 2020. 13 нояб. URL: <https://minakultury.ru/новости/77-мккк-в-афганской-войне> (дата обращения: 04.06.2025).

²³ Петров И. Указ. соч.

организовала лагерь²⁴. Советское посольство требовало, чтобы солдаты не имели контактов с капиталистическим миром²⁵. В итоге военнопленным было предоставлено право самим решать свою судьбу²⁶. Альпийская республика выступила с компромиссным решением, с которым согласились все стороны. Швейцария также предоставила свою территорию для подписания в 1988 г. в Женеве документов по нормализации отношений с Афганистаном.

Параллельно Конфедерация вела посредническую деятельность в Фолклендской войне 1982 г. Между Великобританией и Аргентиной разгорелся конфликт из-за принадлежности Фолклендских островов. По итогам войны в 1984 г. в Берне состоялись переговоры по восстановлению отношений, которые курировал глава швейцарского МИДа Э. Бруннер²⁷. Однако встреча завершилась без конкретных итогов. Великобритания твердо заявила, что Фолклендские острова по итогам войны останутся за ней, консерваторы во главе с М. Тэтчер усилили свои позиции, а в Аргентине случилось падение правительства генерала Гальтьери.

С 1952 по 2018 г. в Швейцарии существовала компания *CryptoAG*, специализировавшаяся на информационной безопасности, занимавшая лидирующие позиции в сфере шифрования со Второй мировой войны. Услугами компании пользовались Аргентина, Пакистан, Ливия, Ватикан, Иран, Египет, Саудовская Аравия и др. Стоит отметить, что Советский Союз и Китай услугами *CryptoAG* не пользовались. Компания неоднократно получала предложения от западноевропейских стран и их разведок стать ее владельцем, но в 1970 г. фактическим владельцем стали американское ЦРУ и Федеральная разведывательная служба Западной Германии (БНД)²⁸. Американские спецслужбы получали данные, предоставленные швейцарской компанией, что помогло американцам следить за развитием событий во время захвата американских заложников в Иране в 1979 г., а также во время Фолклендской войны 1982 г. Таким образом, швейцарский холдинг играл важную роль не только

²⁴ Обер-лейтенант швейцарского дисциплинарного батальона Б. Дитлих о советских военнопленных, интернированных из Пакистана в Швейцарию // Видеоатриал канала «Афганистан, о пропавших без вести!». URL: <https://rutube.ru/video/4cc4b7e72e229ef1adad7ec63939de94/> (дата обращения: 10.12.2025).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ *Петров И.* Указ. соч.

²⁸ *Levi R.* Malicious life podcast: Crypto AG Part 2 – The death of Bo Jr. (episode 156) (англ.) // *CyberReason*. 2022. 28 Feb. URL: <https://malicious.life/> (дата обращения: 08.10.2025).

в европейской безопасности, но и предоставлял данные иностранным разведкам за значительную плату.

Рассмотрим услуги Швейцарии во время захвата американских заложников в Иране (1979–1981 гг.). Азия играет ключевую роль для европейской безопасности. В 1978 г. в Иране произошла Исламская революция, шах покинул страну, а дипломатические отношения между странами были разорваны после захвата американских заложников. В этой ситуации Швейцария в лице министра иностранных дел Дидье Буркхальтера предложила провести переговоры у себя, а страна с тех пор стала представлять интересы Вашингтона в Тегеране²⁹.

Исламская революция особого ущерба отношениям со Швейцарией не нанесла, поэтому новое правительство Р. Хомейни направило туда дипломатических работников [Fischer 2004]. Новые власти Ирана требовали выдачи шаха для суда, но, не добившись результатов, взяли американское посольство штурмом. В заложниках оказалось более 60 человек. 8 ноября 1979 г. швейцарцы заявили, что готовы оказать помощь [Хасанов 2023, с. 41].

США и Швейцарская Конфедерация незамедлительно начали подготовку к освобождению заложников. Активную роль при этом играл дипломатический советник Федерального департамента иностранных дел Швейцарии Э. Бруннер (1978–1980). При активном содействии швейцарских дипломатов удалось освободить 13 человек. Отпущенных заложников переправляла швейцарская компания “SwissAir”. Работой швейцарского дипломатического корпуса были довольны не только США, но и революционный Иран. Связной между Вашингтоном и Тегераном швейцарец Э.Р. Ланг даже смог добиться аудиенции с аятоллой Хомейни, но существенных результатов в беседе с ним не получил. Затем Швейцария участвовала в раунде переговоров по судьбе американских заложников. Один из раундов переговоров по этому вопросу проходил 9–10 февраля 1980 г. в Берне. Однако многие заложники оставались в руках иранских студентов, а новоиспеченное иранское правительство внятных ответов по ситуации не давало.

7 апреля 1980 г. президент США Дж. Картер решил разорвать отношения с Ираном. Швейцария, как и в случае Карибского кризиса, взяла на себя роль посредника. Кроме этого, иранские власти еще в 1979 г. разорвали отношения с Египтом, так как он укрывал беглого шаха, а позже признал Израиль. С 9 мая 1979 г.

²⁹ Америка заплатила Ирану в момент освобождения американцев (по материалам The Wall Street Journal) // Иносми. 2016. 3 авг. URL: <https://inosmi.ru/20160803/237425566.html> (дата обращения: 08.10.2025).

интересы Ирана в Египте представляет Швейцария³⁰. В том же году Иран разорвал отношения с ЮАР, Швейцария снова выступила посредником. Словом, альпийская республика делала все возможное, чтобы поддерживать свой имидж переговорщика. Окончательное решение вопроса с заложниками было поставлено во главу угла в Алжире 2 ноября 1980 г. 19 января 1981 г. были подписаны Алжирские соглашения, 52 оставшихся американских заложника наконец обрели свободу [Хасанов 2023, с. 47]. Швейцарцы вновь зарекомендовали себя как компетентные посредники, поэтому альпийская страна и по сей день представляет интересы США в Иране.

В 2025 г. отмечается 40-летие первой встречи Горбачева и Рейгана в Женеве. Женевский саммит ноября 1985 г. стал вершиной истории швейцарских «добрых услуг» и одновременно началом их кризиса, который обозначился в 1990 г.³¹ Встреча проходила 19–21 ноября на вилле Флёр д'О³². Саммит огласил окончание холодной войны. Советского лидера, М.С. Горбачева, встречал президент Швейцарии Курт Фурглер. Цель переговоров советская делегация видела в возобновлении диалога по ядерным и космическим вооружениям [Арбатова, Дворкина 2009, с. 54]. Особое внимание отводилось программе СОИ [Савельев 2008, с. 36]. Швейцария делала все, чтобы показать себя не только радушным хозяином встречи, но и равноправным переговорщиком. Президент Швейцарии К. Фурглер провел переговоры и с Рейганом, и с Горбачевым³³. Результатом стало совместное заявление о том, что ядерная война никогда не должна быть развязана, и в ней не может быть победителя³⁴. Обе стороны подчеркивали важность предотвращения любой войны и заявляли, что не будут стремиться к достижению военного превосходства³⁵.

³⁰ Связи Ирана и Швейцарии // Информационное агентство Исламской Республики (ИРНА). 2016. 26 февр. URL: <https://ru.irna.ir/news/3048819/Связи-Ирана-и-Швейцарии> (дата обращения: 08.10.2025).

³¹ Петров И. Указ. соч.

³² Винницкая А., Томинова-Ершова А. Шаг к разоружению: как Горбачев и Рейган впервые встретились в Женеве // Ведомости. 2025. 19 нояб. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2025/11/19/1155476-shag-k-razoruzheniyu> (дата обращения: 25.11.2025).

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Joint Soviet – United States Statement on the Summit Meeting in Geneva. November 21, 1985 / Ronald Reagan Presidential Library & Museum. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/joint-soviet-united-states-statement-summit-meeting-geneva> (дата обращения: 10.09.2025).

Что касается Афганистана, Швейцария так же предоставила свою территорию для подписания в Женеве при посредничестве ООН в 1988 г. документов по нормализации отношений с Афганистаном, получивших название Женевских соглашений. Документ был подписан СССР и США. Подписанию декларации предшествовали переговоры об урегулировании конфликта, которые также провели в Женеве. Среди подписанных документов – Декларация о международных гарантиях, Меморандум понимания (подписан СССР, США, Афганистаном, Пакистаном) и др. СССР обязался вывести войска до 15 февраля 1989 г. Афганская оппозиция в лице моджахедов участия в переговорах не принимала и отвергла данные соглашения. Они продолжили вмешиваться в дела Афганистана. В свою очередь, СССР продолжал оказывать экономическую поддержку афганскому правительству.

Одной из последних мирных инициатив Швейцарии в XX в. стало проведение Женевской мирной конференция 9 января 1991 г. Встреча была посвящена поиску мирного решения оккупации Кувейта Ираком, чтобы избежать войны между ним и коалицией, поддерживаемой США³⁶. Переговоры шли семь часов, обе стороны отказались отойти от своих начальных позиций. Встреча в Женеве не привела к значимым результатам. Как известно, 17 января началась операция «Буря в пустыне».

Выводы

Каждое из упомянутых событий имело свой уникальный контекст, все они демонстрируют важность швейцарской дипломатии для Европы. «Добрые услуги» Швейцарии – попытка показать значимость дипломатического диалога. Сегодня внешнеполитическая позиция страны все чаще становится предметом дискуссии. В швейцарском обществе и политических кругах происходит переосмысление будущего страны в мире. Нейтралитет уже стоит не во главе угла, гораздо важнее способность адаптироваться к мировым вызовам и оперативно включаться в различные региональные и мировые инициативы.

³⁶ Iraqi invasion of Kuwait peace talks collapse // Everyday is a Holiday. URL: <https://isitaholidaytoday.com/events/representatives-united-states-iraq-meet> (дата обращения: 10.09.2025)

Литература

- Арбатов, Дворкин 2009 – Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009. 272 с.
- Савельев 2008 – *Савельев А.Г.* Стратегические отношения России и США // *Международная жизнь*. 2008. № 11. С. 33–45.
- Синдеев 2021 – *Синдеев А.А.* Истоки европейской безопасности: фактор нейтралитета в начале 1970-х гг. // *Современная Европа*. 2021. № 3. С. 71–82.
- Хасанов 2023 – *Хасанов А.* Добрые услуги Швейцарии в свете захвата американских заложников в Иране (1979–1981) // *Genesis: исторические исследования*. 2023. № 6. С. 37–52.
- Schindler 1984 – *Dokumente zur schweizerischen Neutralität seit 1945. Berichte und Stellungnahmen der schweizerischen Bundesbehörden zu Fragen der Neutralität 1945–1983* / Hrsg. von D. Schindler. Bern; Stuttgart: Haupt, 1984. 481 S. (Schriftenreihe der Schweizerischen Gesellschaft für Aussenpolitik; Bd. 9)
- Bonjour 1946 – *Bonjour E.* *Swiss neutrality: its history and meaning*. L.: Allen & Unwin, 1946. 135 p.
- Fischer 2004 – *Fischer T.* *Die Rolle der Schweiz in der Iran-Geiselnahme 1979–1981. Eine Studie zur Politik der Gute Dienste im Kalten Krieg*. Zürich: Forschungsstelle für Sicherheitspolitik. 2004. 204 S. (Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik und Konfliktforschung; Bd. 73)
- Späni-Schleidt 1983 – *Späni-Schleidt J.* *Die Interpretation der dauernden Neutralität durch das schweizerische und das österreichische Parlament*. Bern; Stuttgart: Haupt, 1983. XXI, 358 S. (Schriftenreihe der Schweizer Gesellschaft für Außenpolitik; vol. 8)
- Klöti et al. 2004 – *Klöti U., Knoepfel P., Kriesi H., Linder W. and Papadopoulos Ya.* *Handbook of Swiss politics*. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2004. 799 p.

References

- Arbatov, A. and Dvorkin, V., eds. (2009), *Yadernoe rasprostraneniye: novyye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear proliferation: new technologies, weapons, and treaties], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Bonjour, E. (1946), *Swiss Neutrality. Its History and Meaning*, Allen & Unwin, London, UK.
- Fischer, T. (2004), *Die Rolle der Schweiz in der Iran-Geiselnahme 1979–1981. Eine Studie zur Politik der Gute Dienste im Kalten Krieg*, Forschungsstelle für Sicherheitspolitik, Zürich, Switzerland. (*Zürcher Beiträge zur Sicherheitspolitik und Konfliktforschung Series*; Bd. 73)
- Khasanov, A. (2023), “Switzerland’s good offices in light of the American hostage-taking in Iran (1979–1981)”, *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, no. 6, pp. 37–52.

- Klöti, U., Knoepfel, P., Kriesi, H., Linder, W. and Papadopoulos, Ya. (2004), *Handbook of Swiss Politics*, Neue Zürcher Zeitung, Zürich, Switzerland.
- Savelyev, A.G. (2008), "Strategic relations between Russia and the United States", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 11, pp. 33–45.
- Schindler, D., ed. (1984), *Dokumente zur schweizerischen Neutralität seit 1945. Berichte und Stellungnahmen der schweizerischen Bundesbehörden zu Fragen der Neutralität 1945–1983*, Haupt, Bern, Switzerland, Stuttgart, Germany. (*Schriftenreihe der Schweizerischen Gesellschaft für Aussenpolitik*; Bd. 9)
- Sindeev, A.A. (2021), "The origins of European security: the neutrality factor in the early 1970s", *Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 71–82.
- Späni-Schleidt, J. (1983), *Die Interpretation der daurenden Neutralität durch das schweizerische und das österreichische Parlament*, Haupt, Bern, Switzerland, Stuttgart, Germany, XXI, 358 S. (*Schriftenreihe der Schweizer Gesellschaft für Außenpolitik*; vol. 8)

Информация об авторе

Дмитрий А. Перепехин, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dimka365d@mail.ru
ORCID ID 0009-0005-2653-2464

Information about the author

Dmitrii A. Perepekhin, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dimka365d@mail.ru
ORCID ID 0009-0005-2653-2464

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 94(47)+314+930.25

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-74-88

Сказки переписчиков второй подворной переписи 1678 г. как исторический источник: Старооскольский и Яблоновский уезды

Дмитрий Е. Евсюков

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
Москва, Россия, dim-ev@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу сказок переписчиков 1678 г., собранных с населения Старооскольского и частично Яблоновского уездов писцом Г.И. Шишкиным и подьячим И. Ральным в ходе проведения второй подворной переписи. Данный источник выявлен в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в составе территориального комплекса столбцов Поместного приказа «по Воронежу» и впервые вводится в научный оборот. Несмотря на то что материалам писцового делопроизводства в целом и переписным книгам XVII в. в частности в отечественной историографии традиционно посвящено большое число работ, сказки переписчиков за редким исключением не попадали в поле зрения исследователей и не становились предметом специального изучения. Вместе с тем в отсутствие сохранившихся итоговых материалов подворных переписей 1678 г. привлечение такого источника особенно актуально при изучении социально-экономической истории ряда регионов юга России и региона Белгородской черты, где во второй половине XVII в. произошли существенные административно-территориальные преобразования. В рамках проведенного исследования проанализирован формуляр сказок переписчиков, выявлена динамика убыли тяглого населения Старооскольского уезда. Особое внимание уделено проверке полноты сказок сравнительным методом, а также оценке достоверности источника в отношении потенциальной утайки дворов. Наконец, перспективным представляется изучение сказок переписчиков других уездов, которые в количестве

более 100 столбцов отложились в фондах РГАДА и могут предоставить ряд сведений, недоступных для анализа при использовании только итоговых материалов переписи.

Ключевые слова: сказки переписчиков 1678 г., вторая подворная перепись, материалы писцового делопроизводства, численность населения, утайка дворов, сказки служилых людей, Старооскольский уезд, Яблоновский уезд

Статья поступила в редакцию 9 августа 2025;

принята к публикации 9 февраля 2026 г.

Для цитирования: Евсюков Д.Е. Сказки переписчиков второй подворной переписи 1678 г. как исторический источник: Старооскольский и Яблоновский уезды // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 74–88. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-74-88

Reports of the census takers of the second household census of 1678 as a historical source: the Starooskol and Yablonov counties

Dmitrii E. Evsyukov

RUDN University, Moscow, Russia, dim-ev@inbox.ru

Abstract. The article deals with the analysis of the reports of the census takers of 1678, collected from the population of Starooskol and partially Yablonov counties by the scribe G.I. Shishkin and the sub-clerk I. Ral'in during the second household census. This source was found in the Russian State Archives of Ancient Acts (RGADA) as part of the territorial set of the scrolls of the Voronezh Land Tenure Administration (Pomestnyj Prikaz) and is introduced into scientific circulation for the first time. Despite the fact that a large number of works have traditionally been focused on the materials of scribe records in general and the census books of the 17th century in particular, the reports of the census takers, with rare exceptions, have not come to the attention of the Russian historiography researchers and have not become the subject of special study. At the same time, in the absence of the surviving summary materials of the household censuses of 1678, the use of such a source is especially relevant in the study of the socio-economic history of a number of regions in the south of Russia and the Belgorod line region, where significant administrative and territorial changes took place in the second half of the 17th century. Within the framework of the conducted study, the form of the census takers' reports was analyzed, the dynamics of the decrease of the taxable

population of the Starooskol county was revealed. Particular attention was paid to checking the completeness of the reports by a comparative method, as well as to assessing the reliability of the source with regard to the potential concealment of households. Finally, it seems promising to study the reports of the census takers from other counties, which in quantities over 100 scrolls are deposited in the funds of the Russian State Archives of Ancient Acts and can provide some other information that is not available for analysis when using the census summaries only.

Keywords: reports of the census takers of 1678, second household census, materials of scribal records management, population size, concealment of households, reports of servicemen, Starooskol county, Yablonov county

The article was submitted for publication 9.08.2025;

accepted for publication 9.02.2026.

For citation: Evsyukov, D.E. (2026), "Reports of the census takers of the second household census of 1678 as a historical source: the Starooskol and Yablonov counties", *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 74–88, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-74-88

Введение

Материалы писцового делопроизводства (писцовые описания) относятся к важнейшим массовым источникам по социально-экономической истории России XVII в. Посвященные описанию земель и проживавшего на них населения, они выполняли множество функций, среди которых фиксация прав владения землей, регулирование отношений крепостной зависимости, раскладка государственных повинностей («тягла»). В своих исследованиях к указанному виду источников обращались как отечественные историки конца XIX–XX вв., так и современные российские ученые – Ю.В. Готье, А.С. Лаппо-Данилевский, С.Б. Веселовский, А.А. Новосельский, Я.Е. Водарский, Л.В. Милов, Н.П. Воскобойникова, М.Ю. Зенченко, К.В. Баранов, А.А. Фролови другие. В последние десятилетия особая актуальность привлечения материалов писцового делопроизводства отмечается в исследованиях в области исторической географии и топонимики¹.

Среди писцовых описаний важное место занимает вторая подворная перепись 1677–1678 г., ставшая основой податной реформы,

¹ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 1: Писцовые книги Русского Севера / сост. Н.П. Воскобойникова и др. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 3.

проведенной в период правления Федора Алексеевича, в результате которой базой для сбора прямых государственных налогов окончательно стал двор [Зенченко 2012, с. 30]. Процедура проведения переписи была подробно описана В.Н. Седашевым, опубликовавшим и проанализировавшим текст соответствующего наказа переписчикам². Материалы второй подворной переписи востребованы историками для изучения широкого круга проблем, в том числе демографии, эволюции вотчинной системы землевладения и др. [Водарский 1977; Шватченко 1996].

По югу России, в частности по уездам пограничного региона, где с середины XVII в. проходила укрепленная оборонительная линия Белгородская черта, до нашего времени дошли лишь переписные книги 1678 г. Воронежского и Белгородского уездов³. Вместе с тем в силу существенных административно-территориальных преобразований, имевших место на рассматриваемых территориях в XVII в., именно для южных окраин России такой вид источников представляется особо ценным при изучении различных аспектов социально-экономической истории региона.

В связи с этим в последние годы появляются публикации, посвященные анализу таких подворных переписей. А.В. Дедуком и А.О. Гуляевой опубликованы сведения из ранее неизвестной переписи 1664 г. по 4 уездам юга России [Гуляева, Дедук 2021]. Н.Д. Борщик и А.И. Раздорским издана переписная книга Курского уезда за 1678 г.⁴, С.К. Кондратьевой изучено посадское население Воронежа и Белгорода, а Е.В. Прошутинной – сельские поселения Белгородского уезда по переписи 1678 г. [Кондратьева 2012; Прошутинина 2023].

В рамках настоящей статьи в научный оборот вводятся сказки переписчиков, собранные в 1678 г. в ходе составления переписных книг по Старооскольскому и частично Яблоновскому уездам, способные заменить несохранившиеся итоговые материалы – подлинные переписные книги 1678 г., а также предоставить дополнительные сведения о проводившейся переписи.

В отечественной историографии отсутствуют специальные работы, касающиеся анализа сказок переписчиков, за исключением работы Г.Н. Шмелева, опубликованной в конце XIX в. и посвященной выборочному сравнительному анализу сказок

² Седашев В.Н. Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII веке. М., 1912. С. 196–207.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Д. 12 286; Д. 15 818. Л. 1–295.

⁴ Переписная книга Курска, 1678 г. / Курский государственный ун-т; подгот. Н.Д. Борщик, А.И. Раздорский. Курск: Пресс-факт, 2007. 151 с.

переписчиков с материалами итоговой переписной книги 1646 г. по Московскому уезду⁵. Настоящая статья призвана восполнить этот недостаток.

Сказки переписчиков Старооскольского и Яблоновского уездов

По мере продвижения российской границы на юг в процесс хозяйственного освоения были включены обширные территории, которые были заселены служилыми людьми и нуждались в надлежащем учете как земельных угодий, так и населения.

Как упоминалось выше, по югу России сохранились переписные книги 1678 г. по Белгородскому, Воронежскому и Курскому уездам. Вместе с тем изучение табелей, ведомостей и других сводных источников Поместного приказа, составлявшихся на основе материалов второй подворной переписи, позволило обнаружить сведения о завершении таких переписных книг и по другим уездам, в частности, Старооскольскому, Яблоновскому, Корочанскому и Валуйскому⁶, материалы которых не дошли до нашего времени или не выявлены.

Подготовительные мероприятия по проведению переписи предусматривали направление в уезды переписчиков, которые должны были собрать с местного населения подробные сказки за подписями владельцев или священнослужителей приходских храмов, с указанием имен всех дворовладельцев и числа состоявших за ними крестьянских, бобыльских и людских дворов (включая детей и прочих родственников мужского пола)⁷.

В результате такой работы было создано большое количество так называемых «переписчиковых сказок», которых согласно «Списку старых писцовых книг» 1717 г., опубликованному Н.Н. Ардашевым⁸, насчитывалось 188 столбцов (в том числе по уездам Белгорода, Курска⁹ и Воронежа). Эти дела отложились в фонде Поместного

⁵ Шмелев Г.Н. К вопросу о степени достоверности переписных книг // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Ч. 318. Июль. С. 1–16.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 269. Л. 165–165 об.; Ф. 210. Оп. 7а. Д. 67. Л. 310.

⁷ Седашев В.Н. Указ. соч. С. 196–207.

⁸ Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1883. Кн. 5. С. 385–386.

⁹ Вероятно, РГАДА. Ф. 1209: Безгласные столбцы, № 18 030 (в 4 ч., ветхий).

приказа РГАДА¹⁰, однако их изучению в отечественной историографии до сих пор не было уделено специального внимания.

В классификации материалов писцового делопроизводства, разработанной в советской историографии и обобщенной исследовательским коллективом РГАДА под руководством Н.П. Воскобойниковой и М.Ю. Зенченко в процессе подготовки серии публикаций «Каталог писцовых книг Русского государства» (далее – КПКРГ), сказки переписчиков отдельно не выделяются, но их можно отнести к подготовительным материалам, среди которых в том числе упомянуты «полевые книги» писцов¹¹ [Зенченко 2007, с. 278]. На наш взгляд, рассматриваемый источник достоин отдельного места в классификации, учитывая ряд сведений, которые он способен предоставить для изучения в дополнение к итоговым материалам переписных книг.

Составители КПКРГ отмечали, что существенная часть материалов писцового делопроизводства отложилась в составе территориальных комплексов столбцов Поместного приказа, куда в том числе вошли не атрибутированные должным образом сборники¹², один из которых был выявлен и изучен в рамках нашего исследования.

Так, в составе столбцов Поместного приказа «по Воронежу» под № 34 895 был обнаружен столбец, не нашедший отражения в сборнике по южному региону России¹³ и содержащий сказки переписчиков Старооскольского и частично¹⁴ Яблоновского уезда, собранные при проведении переписи 1678 г. Рассматриваемый столбец атрибутирован как «столп по городу Воронежу скаскам», описан в мае 1775 г.¹⁵ и получил указанный валовый (общий) номер в процессе описания Комитетом 1835 г.

Согласно выявленным сказкам работа по их сбору в уезде проводилась в период с 4 февраля по 6 марта 1678 г. писцом Г.И. Шишкиным и подьячим И. Ральным, которые незадолго до этого, 21 января 1678 г., завершили составление переписной книги

¹⁰ Там же. № 17 970–17 992, 18 019–18 109 и др.

¹¹ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 1. С. 13–18.

¹² Там же. С. 22–23.

¹³ Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 5: Писцовые книги юго-западного порубежья / сост. М.Ю. Зенченко, Г.А. Иванова. М.: Памятники исторической мысли, 2013. 792 с.

¹⁴ С момента проведения предыдущей подворной переписи 1646 г. ряд населенных пунктов Старооскольского уезда были переданы во вновь образованный Яблоновский уезд, тем не менее сказки переписчиков 1678 г. по этим населенным пунктам находятся в составе рассматриваемого столбца.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 85. Д. 1194. Л. 608, 610.

Ливенского уезда¹⁶. Отметим, что наказ переписчикам, опубликованный В.Н. Седашевым (и позже изданный в составе рукописей С.Б. Веселовского), датирован 26 января 1678 г. Можно предположить, что Г.И. Шишкину аналогичный наказ о проведении описания по меньшей мере двух уездов (Ливенского и Старооскольского) был выдан раньше.

Формуляр изученных сказок переписчиков включает в себя: 1) дату подачи; 2) имена переписчиков, которым подавались сказки («перед Григорьем Ильичем Шишкиным да перед подьячим Иваном Ральным»); 3) название стана и подробное наименование населенного пункта (включая предшествующее и дублирующее), названия географических объектов (река, лес), рядом с которыми он располагался, наконец указание на факт возникновения поселения после переписи 1646 г. («поселено вновь», «селитца вновь» и т. п.); 4) имя подателя сказки (священник или помещик); 5) для сел – название церкви, иногда сведения о наличии при ней двора церковнослужителя; 6) перечисление имен помещиков – владельцев дворов (как правило без состава семьи), предваряемое (реже – завершаемое) формулой «за помещики крестьян и бобылей нет», изредка – с указанием таких дворов и имен крестьян/бобылей и их детей мужского пола; 7) редко (преимущественно в индивидуальных сказках) имя лица, писавшего сказку; 8) на обороте – подписи («рукоприкладства») свидетелей. На убывших крестьян и бобылей помещики подавали отдельные индивидуальные сказки, но иногда эта информация приводилась в коллективной сказке. Итоги по населенным пунктам в сказках не подведены, посадские дворы не переписаны.

Как видим, содержание сказок в целом соответствует итоговому документу – переписной книге, но содержит ряд сведений, которые могут стать предметом самостоятельного анализа. В частности, даты сказок позволяют установить точный период работы писцов в поле, а также маршруты их передвижения. Сведения о лицах, писавших сказки, а также фамилии заверителей могут предоставить достоверные сведения о составе команды переписчиков.

Особенностью ряда южных уездов во второй половине XVII в. являлось малое количество крестьян и бобылей, что иллюстрируют материалы рассматриваемых сказок 1678 г., согласно которым во всем Старооскольском уезде за помещиками числилось всего 5 крестьянских дворов и 2 бобыльских. Указанные сведения подтверждаются и сводными источниками¹⁷ (для сравнения в Белгородском – 375, в Воронежском – 1145, в Курском – 1602 крестьян-

¹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 14 258. Л. 20.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 5268. Л. VII об.; Д. 5194. Л. 73.

ских и бобыльских дворов). По данным сказок 1678 г. общая убыль в уезде по сравнению с 1646 г. по помещичьим крестьянам и бобылям составила 39 и 20 дворов соответственно.

Еще одной особенностью Старооскольского уезда было произошедшее в середине XVII в. его существенное административно-территориальное переустройство [Евсюков 2017] и образование ряда новых населенных пунктов. При почти полном отсутствии писцовых материалов по уезду за вторую половину XVII в. (сохранились только писцовые книги Окологородного стана 1686 и 1691 гг.) и других переписей до 1718 г. ценность выявленных сказок переписчиков за 1678 г. несомненна. В отношении Яблоновского уезда писцовые материалы за вторую половину XVII в. не сохранились вовсе, а из переписей начала XVIII в. до нашего времени дошла лишь одна книга за 1723 г.

Анализ полноты сказок

Перед использованием сведений из выявленных сказок необходимо провести проверку степени их полноты. С этой целью были привлечены сводные источники (ведомости, таблицы и т. п.), составленные по материалам переписи 1678 г. в конце XVII – начале XVIII вв. и отложившиеся в фонде Поместного приказа. Итоги сводных документов сравнивались с численностью населения, подсчитанной по сказкам переписчиков.

Как упомянуто выше, согласно сказкам переписчиков в Старооскольском уезде в 1678 г. насчитывалось 7 дворов помещичьих крестьян и бобылей, что соответствует данным табеля начала XVIII в.¹⁸ Кроме того, согласно сводным источникам, переписью были учтены 12 (11) бобыльских дворов на церковной и монастырской земле (соборная городская церковь, монастыри в Тюляфтине поляне и на Холкове городище) и 12 (13) дворов вольных людей на посаде (по терминологии начала XVIII в. «разночинцев»)¹⁹. Итоговое количество крестьянских и бобыльских дворов в уезде в разных сводных источниках колеблется от 17 до 19, а с учетом вольных людей – 31 двор²⁰ [Водарский 1977, с. 208–209]. В выявленном столбце сказки с описанием посадских дворов и монастыря в Тюляфтине поляне отсутствуют. В сохранившейся сказке

¹⁸ Там же. Д. 5268, Л. VII об.

¹⁹ Там же. Д. 5194. Л. 73, 174, 277, 284; Д. 5268, Л. VII об.; Ф. 1209. Оп. 1. Д. 269. Л. 164–165.

²⁰ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 8. СПб., 1862. С. 128.

Холкова монастыря числятся 2 бобыльских двора и еще 7 дворов при монастырской слободке, плюс один двор служки (в сводном источнике на два двора меньше).

Из-за небольшого количества тяглого населения более перспективным представляется оценка полноты сказок переписчиков 1678 г. по числу учтенных в уезде дворов детей боярских, которые в сводных источниках из-за отсутствия единой методики подсчитаны лишь по некоторым уездам и по Старооскольскому выглядят наиболее репрезентативными. Так, по Белгороду в графе «помещиковых, задворных, деловых, гулящих людей» числятся только 5 дворов, по Воронежу «помещиковых, вотчинниковых, детей боярских...» – 108, Курску – 87 дворов²¹. В Старооскольском же уезде «помещиковых детей боярских» 1640 дворов²², по другим данным «помещиковых, и детей боярских, и волных людей» 1687 дворов, а также 14 дворов черкасов²³. Вместе с тем сплошной подсчет по сказкам переписчиков дает 16 дворов черкас и 1473 двора детей боярских, либо 1241 двор без учета населенных пунктов Яблоновского уезда, что в обоих случаях существенно расходится со сводными источниками.

Казалось бы, неполнота сказок переписчиков очевидна. Однако количество дворов, указанное в сводных источниках по Старооскольскому уезду (1640 или 1687), по-видимому, включает в себя и часть населения Яблоновского уезда. Для справки: в разборной книге старооскольских служилых людей за 1675 г. учтены не более 1340 человек, имевших поместья²⁴. В описи городов 1678 г. указаны 494 ребенка боярских²⁵, но только городской службы, т. е. без учета солдат, копейщиков рейтар и драгун (таковых в упомянутой выше разборной книге за 1675 г. насчитывается более 800 человек). Гипотезу косвенно подтверждают и результаты сравнения числа сказок, поданных в 1675 г. яблоновскими детьми боярскими (включая копейщиков, рейтар и солдат, но без учета станичников) – около 850 сказок²⁶, с данными сводных источников по этому уезду. Последние показывают существенно меньшие значения – 557 (786) дворов²⁷, что наводит на мысль, что переписчики Яблоновского уезда учли не все поселения – по-видимому, часть

²¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 659. Л. 459, 460 об.

²² Там же. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5194. Л. 174.

²³ Там же. Ф. 248. Д. 659. Л. 462 об.

²⁴ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1.

²⁵ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 9. СПб., 1875. С. 269.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 762.

²⁷ Там же. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5194. Л. 174 об.; Ф. 248. Д. 659. Л. 463 об.

их уже были отражены в составе переписной книги Старооскольского уезда.

Кроме того, «недостача» может частично скрываться и в неполной сказке 1678 г. по Ездочной слободе, в которой из-за утраты ее начала числятся только 87 дворов. Для сравнения: в писцовой книге 1691 г. в той же слободе учтены 145 дворов и 45 дворовых мест (всего 395 человек помещиков и 4 вдовы)²⁸, т. е. на 100 с лишним больше. Приблизительно на эту же величину количество служилых в разборной книге старооскольцев 1675 г. (около 1340 человек) больше итогового числа дворов в сказках 1678 г. без учета Яблоновского уезда (1241 двор). Однако здесь нужно также учесть, что не каждый служилый человек имел свой собственный двор, так, в одном дворе могли проживать братья, находившиеся в разной службе, например в детях боярских и солдатах. Поэтому количество служилых людей в разборной книге 1675 г. может оказаться даже больше, чем дворов в сказках 1678 г.

Тем не менее итоговые данные сводных источников, даже с корректировкой на неполную сказку Ездочной слободы и с учетом дворов соседнего уезда, показывают приблизительно на 70–100 дворов больше по сравнению с 1473 дворами, учтенными в сказках переписчиков 1678 г. Можно предположить, что эта разница формируется за счет детей боярских, проживавших в одной или нескольких пригородных слободах Старооскольского уезда (так, в Казачьей слободе на тот момент уже имелись дворы служилых солдатской службы), сказки переписчиков по которым в выявленном документе отсутствуют.

Следовательно, численность населения в сказках переписчиков Старооскольского уезда 1678 г. близка к итоговым данным сводных источников с поправкой на особенности территориального деления с Яблоновским уездом и несколько отсутствующих (неполных) сказок, следовательно содержание сохранившихся сказок можно признать полным.

Еще один метод оценки полноты источника, примененный в настоящем исследовании, – сопоставление по составу населенных пунктов. В сказках 1678 г. присутствуют 36 населенных пунктов, которые были записаны в переписи 1646 г. (в том числе слившихся из более мелких, а также 4, прекративших свое существование по причине переселения их жителей в соседние селения) и 28 новообразованных. Из всех упомянутых в переписи 1646 г. селений лишь жителей трех починков (от 1 до 3 дворов, всего 5 дворов) не удалось однозначно отнести к тому или иному населенному пункту в сказках 1678 г.

²⁸ Там же. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 460. Л. 112 об. – 113.

Обращает на себя внимание, что среди сказок Старооскольского уезда 1678 г. отсутствуют описания пригородных слобод: Казачьей, Стрелецкой, Пушкарской, Ямской и других (исключение – упомянутая выше неполная сказка Ездочной слободы), а также самого посада. Писец Г.И. Шишкин не охватил такие слободы служилых людей «по прибору» и в переписной книге Ливенского уезда, хотя казаки, стрельцы, пушкари в обоих городах в то время имелись. Нельзя сказать, что такая практика являлась правилом, так как по ряду других городов стрелецкие, казацкие, пушкарские и другие дворы служилых «по прибору» в ходе проведения переписи 1678 г. были учтены (подсчитаны)²⁹. Кроме упомянутых выше населенных пунктов, автору не известны другие селения Старооскольского уезда, основание которых следует отнести к периоду до 1678 г.

Таким образом, с учетом сделанных выше оговорок, полноту выявленных сказок 1678 г. по сравнению с итоговыми, но не сохранившимися материалами переписи, как в отношении состава населенных пунктов, так и численности учтенного населения можно признать достаточной.

Утайка дворов

Одним из вопросов, который регулярно поднимался в отечественной историографии при изучении результатов подворных переписей, является вопрос объема утайки дворов. Я.Е. Водарский принял этот показатель для переписи 1678 г. равным таковому в подушной переписи 1718–1721 гг., а именно 25% [Водарский 1977, с. 25–26, 51]. С таким подходом резонно не согласился М.Ю. Зенченко, обратив внимание, что население тогда еще не было заинтересовано в массовом сокрытии дворов, и признал результаты переписи 1678 г. успешными в отличие от следующей подворной переписи 1710 г., когда размер такой утайки стал носить массовый характер [Зенченко 2012, с. 53].

Вместе с тем нам неизвестны специальные исследования, посвященные анализу утайки дворов в переписи 1678 г., основанные на данных статистических выкладок. Перспективным представляется сравнение результатов переписи с военно-учетными документами боеспособного населения, составлявшимися в Разрядном приказе, а именно различными списками служилых людей, разборными книгами, сметными книгами и другими подобными источниками. Для оценки потенциальной утайки дворов проведено подворное сопоставление сказок 1678 г. по населенным пунктам Яблоновского уезда (по Старооскольскому уезду подобные

²⁹ Там же. Ф. 248. Д. 659. Л. 426–477 об.

документы не сохранились) с двумя источниками: 1) сказками служилых людей за март 1675 г.³⁰, 2) сборной книгой четверикового хлеба за ноябрь 1680 г.³¹ В первом источнике в большинстве случаев (но не всегда) приводятся указания на местоположения поместий подателей сказок. Согласно перечню дворов, приведенному во втором источнике, яблоновский воевода произвел сбор подворного натурального налога на 7189 г. – по четверти ржи и овса с каждого двора служилых людей городской службы.

Итоги подсчетов по рассмотренным ниже населенным пунктам не позволяют заподозрить утайку дворов при подаче сказок в 1678 г. Проиллюстрируем это на примере села Волково. Так, в сказках 1675 г. 40 служилых людей указали, что владеют поместьем в этом селе, плюс выявлены еще трое подателей, чьи имена полностью совпали со сказками 1678 г., но местоположение поместья в сказках 1675 г. указано не было. В сказках 1678 г. в с. Волково учтен 41 двор, из них 27 дворовладельцев упомянуты и в сказках 1675 г., у четырех в 1675 г. на службе числятся их дети (сами в отставке), шестеро встречаются только в более поздних списках (в 1675 г. у некоторых на службе записаны отцы), еще один в 1675 г., вероятно, был не в службе, а в более поздних документах указаны его дети, наконец, оставшиеся трое записаны в сказках 1675 г. с иными именами или отчествами (ошибка переписчика в 1678 г.). В документе 1680 г. в селе отмечены владельцы только 29 дворов, что объясняется не включенными в перечень служилыми людьми полковой службы (так, согласно сказкам 1675 г. в с. Волково 14 человек состояли в рейтарской и солдатской службах).

Статистика числа дворов по остальным селениям Яблоновского уезда по данным трех источников (1675, 1678 и 1680 гг.) подведена ниже и демонстрирует высокую степень соответствия с учетом корректировок в скобках (*см. табл. на стр. 86*).

Резкое падение числа дворов в 1680 г. по некоторым населенным пунктам связано с тем, что в документе учтены только служилые люди городской службы, а значит, в расчет не попали солдаты, копейщики и рейтары. Небольшое снижение по д. Прилепы в 1678 г. по сравнению с 1675 г. связано с выселением нескольких семей в другие населенные пункты уезда.

Крестьянские дворы в указанных селениях Яблоновского уезда в сказках 1678 г. не упомянуты. Только в с. Хмелевом за 4 помещиками упомянуты 5 убывших бобыльских дворов, которые в 1646 г. записаны за их отцами и родственниками. Действительно, ни у кого из них в сказках 1675 г. крестьян и бобылей не указано.

³⁰ Там же. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1.

³¹ Там же. Ф. 210. Оп. 7а. Д. 74. Л. 151–163.

Таблица

Число дворов в селениях Яблоновского уезда

Населенный пункт	1675 г.	1678 г.	1680 г.
с. Волково	40 (+3 ³²)	41	29
с. Огибное (с д. Лабышкино)	31 (+8)	40	29
с. Хмелевое (с д. Алпеево)	24 (+2)	25 (-1 ³³)	23
с. Ольшаница	19 (+3)	22	28 ³⁴
д. Подымова	11	10	
д. Савенкова	11 (+2)	17 (-1)	
с. Халань	26 (+4)	31 (-2)	28
д. Ковыльная	15 (+2)	22 (-3)	8
д. Прилепы	31 (+1)	27	23

Заключение

Таким образом, выявленные сказки переписчиков 1678 г. по Старооскольскому и частично Яблоновскому уездам позволяют с высокой степенью полноты восполнить несохранившиеся материалы второй подворной переписи по этим уездам. Использование их материалов актуально при изучении ряда вопросов социально-экономической истории данного региона в условиях почти полного отсутствия других материалов писцового делопроизводства рассматриваемого региона за вторую половину XVII в.

Кроме того, сказки переписчиков 1678 г. могут стать отдельным объектом исследования, предоставив ответы на ряд вопросов, недоступных при анализе одних лишь материалов переписи, а именно: установление хронологических рамок проведения переписи в конкретном уезде, состава команды переписчиков и заверителей, маршрутов их следования по уезду, значения писцовых помет.

³² В скобках добавлены податели, чьи ФИО полностью совпали со сказками 1678 г., но местоположение поместья в сказках 1675 г. указано не было.

³³ В скобках вычитается число дворов, главы которых по данным других источников проживали в иных селениях.

³⁴ В 1680 г. в составе с. Ольшаница учтено население д. Савенково и д. Подымово.

Литература

- Водарский 1977 – *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в.: численность, сословно-классовый состав, размещение. М.: Наука, 1977. 263 с.
- Гуляева, Дедук 2021 – *Гуляева А.О., Дедук А.В.* Переписные книги 1664 г. Карачевского, Орловского, Кромского и Курского уездов: неописанный сборник 9768 из первой описи фонда Поместного приказа РГАДА // Белгородская черта: Сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты / редкол.: В.М. Жигалов [и др.]. Вып. 6. Белгород: Сичкарева Е.В., 2021. С. 50–63.
- Евсюков 2017 – *Евсюков Д.Е.* Оскольский уезд: административно-территориальные преобразования после основания города Яблонова (конец 1630 – начало 1650-х гг.) // Белгородская черта: сб. статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 2. Белгород: Константа, 2017. С. 43–47.
- Зенченко 2007 – *Зенченко М.Ю.* Каталог писцовых книг Русского государства XVI–XVII вв.: проблемы и решения // Археографический ежегодник. 2007. Т. 1. С. 268–278.
- Зенченко 2012 – *Зенченко М.Ю.* Книги подворной переписи 1677/78 г.: время создания, принципы составления, итоговые документы // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 30–39.
- Кондратьева 2012 – *Кондратьева С.К.* Посадские люди юга России в XVII в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронежский государственный ун-т. Воронеж, 2012. 219 с.
- Прошунина 2023 – *Прошунина Е.В.* Сельские поселения Белгородского уезда по данным переписной книги 1678 г. // Проблемы аграрной истории России: материалы V Всероссийской научной конференции: памяти профессора В.М. Важинского (Липецк, 18 апреля 2023 г.). Липецк: Липецкий государственный педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 13–20.
- Шватченко 1996 – *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII в.: историко-географический очерк. М.: Издат. центр ИРИ, 1996. 286 с.

References

Evsyukov, D.E. (2017), “The Oskol county: administrative-territorial transformations after the foundation of the town of Yablonov (the late 1630s – the early 1650s)”, in *Belgorodskaya cherta: sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty* [The Belgorod line: Collection of articles and materials on the history of the Belgorod defensive line], iss. 2, Konstanta, Belgorod, Russia, pp. 43–47.

Gulyaeva, A.O. and Deduk, A.V. (2021), “The Census books of 1664 of Karachevsk, Orlovsk, Kromsk and Kursy counties: undescribed collection

9768 from the first inventory of the fund of the Land Tenure Administration (Pomestnyi prikaz) of the Russian State Archives of Ancient Acts”, in Zhigalov, V.M. et al. eds., *Belgorodskaya cherta: Sbornik statei i materialov po istorii Belgorodskoi oboronitel'noi cherty* [The Belgorod line. Collected articles and materials on the history of the Belgorod defensive line], iss. 6, Sichkareva E.V., Belgorod, Russia, pp. 50–63.

Kondratieva, S.K. (2012), *Posadskie lyudi yuga Rossii v XVII v.* [Posad people of the south of Russia in the 17th century], Ph.D. Thesis (History), Voronezhskii gosudarstvennyi universitet, Voronezh, Russia.

Proshunina, E.V. (2023), “Rural settlements of the Belgorod county according to the census book of 1678”, in *Problemy agrarnoi istorii Rossii: materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii: pamyati professora V.M. Vazhinskogo (Lipetsk, 18 aprelya 2023 g.)* [Issues of Russian agrarian history: Proceedings of the 5th All-Russia Scientific Conference, dedicated to the memory of prof. V.M. Vazhinsky (Lipetsk, 18 April 2023)], Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, Lipetsk, Russia, pp. 13–20.

Shvatchenko, O.A. (1996), *Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroi polovine XVII v.: istoriko-geograficheskii ocherk* [Secular feudal fiefdoms in Russia in the second half of the 17th century (historical and geographical sketch)], Izdatel'skii tsentr IRI, Moscow, Russia.

Vodarsky, Ya.E. (1977), *Naselenie Rossii v kontse XVII – nachale XVIII v.: chislennost', soslovno-klassovyi sostav, razmeshchenie* [Population of Russia in the late 17th – early 18th centuries: size, estate and class composition, placement], Nauka, Moscow, USSR.

Zenchenko, M.Yu. (2007), “Catalog of scribal books of the Russian state of the 17th – 18th centuries: problems and solutions”, *Arkheograficheskii ezhegodnik*, vol. 1, pp. 268–278.

Zenchenko, M.Yu. (2012), “The household census books of 1677/78: the time of creation, the principles of compilation, the final documents”, *Otechestvennyye arkhivy*, no. 2, pp. 30–39.

Информация об авторе

Дмитрий Е. Евсюков, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патрисы Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; dim-ev@inbox.ru

ORCID ID: 0009-0008-6618-3766

Information about the author

Dmitrii E. Evsyukov, postgraduate student, RUDN University, Moscow, Russia; 6, Miklukho-Maklai St., Moscow, Russia, 117198; dim-ev@inbox.ru

ORCID ID: 0009-0008-6618-3766

УДК 070(510)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-89-102

Британская пресса
о подготовке миссии У. Ренсимена в Чехословакию
(июль–август 1938 г.)

Александр Г. Мирзоян

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, RussianYukon@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются первые статьи в британской периодической печати, посвященные миссии Ренсимена – одной из попыток Великобритании разрешить судето-немецкий конфликт дипломатическим путем. Хронологическое исследование ограничено периодом с 26 июля по 3 августа 1938 г.: именно к этому времени относятся первые упоминания о миссии в британских газетах. Интерпретации британской дипломатической инициативы в прессе отличались некоторой неоднородностью. Рассмотрены крупнейшие и наиболее влиятельные издания Британской империи того времени: Daily Express, Daily Herald и News Chronicle, имевшие консервативную, либеральную и лейбористскую направленности соответственно. Дополнительно в статье анализируются публикации The Daily Worker и Action, что дает возможность проследить позиции представителей крайнего спектра британской политики: Коммунистической партии Великобритании и Союза фашистов. Важно отметить, что в 1930-е гг. периодическая печать являлась одним из ключевых каналов формирования общественного мнения и восприятия международных событий, по уровню влияния уступая, пожалуй, только радиовещанию. Таким образом, именно периодические издания оказывали значительное влияние на формирование массовых представлений о внешнеполитических кризисах, что обуславливает необходимость их анализа в рамках настоящего исследования.

Ключевые слова: пресса, Чехословакия, Великобритания, миссия Ренсимена, Судетская область

Статья поступила в редакцию 20 октября 2024 г.;

Принята к публикации 19 января 2026 г.

Для цитирования: Мирзоян А.Г. Британская пресса о подготовке миссии У. Ренсимена в Чехословакию (июль–август 1938 г.) // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 89–102. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-89-102

© Мирзоян А.Г., 2026

The British press
on the preparation of W. Runciman's mission
to Czechoslovakia
(July–August 1938)

Aleksandr G. Mirzoyan

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, RussianYukon@yandex.ru*

Abstract. The paper analyses the first articles in the British press devoted to the Runciman Mission, one of Britain's attempts to resolve the Sudeten German conflict through diplomatic means. Chronologically, the study is limited to the period from the 26th of July to the 3rd of August, 1938: this is when the first mentions of the mission appeared in the British newspapers. The interpretations of the British diplomatic initiative in the press varied. The largest and most influential media sources of the British Empire of that time are examined: the Daily Express, the Daily Herald and the News Chronicle, which were conservative, liberal and labour-oriented, respectively. In addition, the article analyses the publications in The Daily Worker and Action, which makes it possible to trace the viewpoint of the representatives of the extreme spectrum of British politics: the Communist Party of Great Britain and the Union of Fascists. It is important to note that in the 1930s, the periodical press was one of the key channels for shaping public opinion and perceiving international events, by the level of influence falling short to radio broadcasting only. Thus, it was the periodicals that had a significant impact on the formation of mass perceptions of foreign policy crises, which necessitates their analysis within the context of this research.

Keywords: press, Czechoslovakia, Great Britain, Runciman Mission, Sudetenland

The article was submitted for publication 20.10.2024;
accepted for publication 19.01.2026.

For citation: Mirzoyan, A.G. (2026), "The British press on the preparation of W. Runciman's mission to Czechoslovakia (July–August 1938)", *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 89–102, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-89-102

Введение

Мюнхенский кризис является, пожалуй, одной из наиболее известных и всесторонне изученных тем межвоенного периода как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Иные сюжеты Судетских кризисов, предшествующие мюнхенской кульминации,

рассмотрены менее подробно. Задачей исследования является анализ отношения различных кругов британской прессы к подготовке миссии У. Ренсимена, установление степени корреляции между позицией периодического издания и его политической направленностью, а также выявление изменения динамики этого отношения со временем. Хронологические рамки исследования 25 июля – 3 августа 1938 г.¹

Советская историография Судетских кризисов обладает собственной спецификой. В 1950–1980-е гг. опубликован ряд работ, посвященных дипломатии межвоенного периода. Среди них можно выделить исследования В.А. Матвеева [Матвеев 1955], В.Г. Полякова [Поляков 1960], а также более поздний труд В.Я. Сиполса [Сиполс 1989]. В целом советская историография может быть объединена одной особенностью. Она исходит из представления о том, что «политика умиротворения» представляла собой не недооценку западными правительствами А. Гитлера, а сознательное стремление столкнуть Германию и СССР.

Британская идея об отправке лорда Ренсимена в Чехословакию получила негативную оценку в советской историографии, а основное место в работах историков уделено критике действий как британских, так и чехословацких властей. И если советские труды по Судетским кризисам, будучи достаточно полными по содержанию, уже несколько устарели (в частности, как в России, так и за рубежом в течение всех этих лет продолжался архивный поиск), то работы, относящиеся уже к постсоветскому историческому периоду, обладают несколько иной спецификой. А.И. Уткин [Уткин 2008], А.М. Филитов [Филитов 2018] и В.К. Волков [Волков 1990], например, рассматривали Мюнхенское соглашение 1938 г. как ключевой момент всего межвоенного периода, не уделяя достаточно внимания предшествующим событиям. Среди прочего именно постсоветская историография стала уделять большее внимание внутриполитическим предпосылкам Судетских кризисов.

Иную картину можно наблюдать, рассматривая чешскую историографию. А. Климек [Klimek 1995], например, сосредотачивается на анализе внешней политики Чехословакии в 1920-е гг., а его исследование строится вокруг Малой Антанты – политического альянса Чехословакии, Румынии и Югославии. Л. Кабада [Cabada 2011] в своей масштабной работе уделяет 1930-м гг. меньше внимания, лишь тезисно характеризуя интересующие нас события [Bouverie 2019]. В. Сметана рассматривает британский дипломати-

¹ 25 июля как день официального объявления о «миссии» Н. Чемберленом в палате общин; 3 августа как день прибытия лорда У. Ренсимена в Чехословакию.

ческий подход в отношении Чехословакии и рычаги британского давления, однако почти не останавливается на миссии У. Ренсимена [Smetana 2008].

Следует заметить, что пресса в рассматриваемый период практически не становилась предметом исследования, тем более в отечественных работах: пожалуй, исключение – диссертация И.А. Рунихина «Чехословацкий кризис 1938–1939 гг. в освещении британской периодической печати» [Рунихин 2005]. Однако И.А. Рунихин опирался на иные периодические издания: в частности, влиятельный, но малотиражный [Butler, Freeman 1969, p. 284] «Таймс», являвшийся скорее индикатором курса консерваторов, чем инструментом влияния на массы. К тому же миссия У. Ренсимена не анализировалась им подробно.

Миссия У. Ренсимена: исторический контекст

Немцы начали селиться в районе Судетского горного хребта – вдоль границ Чешского королевства – еще с начала XIII в. [Кретинин 2000, с. 18], постепенно проникая в его пределы. Со временем, отчасти вследствие габсбургской политики, немцы начали преобладать в этническом составе означенных районов. Однако в 1918 г. вследствие распада Австро-Венгрии эти территории, несмотря на весьма существенные протесты местного населения², перешли под контроль Первой Чехословацкой республики. Таким образом, немцы, имевшие в Габсбургской монархии статус титульного народа и компактно проживавшие в судетских районах, оказались в чехословацком государстве в позиции национального меньшинства.

С течением времени немецкие партии Чехословакии, изначально единогласно занимавшие негативистские³ позиции, стали постепенно переходить к активистской политике. Таким образом, к 1928 г. умеренные политические партии, представляющие интересы немецкого населения, начали принимать участие в выборах как регионального, так и общегосударственного характера; более того,

² В частности демонстрации за право судетских немцев на самоопределение 4 марта 1938 г. закончились столкновениями с чехословацкой армией и гибелью более чем 50 человек. Подобные инциденты имели место и в 1920 г. [Konrád 2018, p. 9].

³ Под политическим негативизмом в данном случае понимается сознательное неучастие в парламентских выборах как форма протеста. Противоположный термин – активизм.

в 1928 г. с участием немецких социал-демократов⁴ была даже сформирована правительственная коалиция [Konrád 2018, p. 11].

С приходом в 1933 г. в Германии к власти НСДАП начал меняться и чехословацкий политический ландшафт. На базе запрещенных в том же году крайне правых немецких партий Чехословакии был сформирован Судето-немецкий фронт [Кретинин 2000, с. 115–116]. При существенной финансовой поддержке из Германии в Первой республике была создана совершенно новая политическая сила. Однако, даже несмотря на оглушительный успех⁵ на парламентских выборах в Чехословакии 1935 г., К. Генлейн – лидер Судето-немецкой партии – оставался лояльным в отношении чехословацких властей.

После аншлюса Австрии события в Чехословакии начали принимать для правящей коалиции угрожающий характер: 22 марта 1938 г. Немецкий союз земледельцев⁶ влился в структуру Судето-немецкой партии, а уже в апреле 1938 г. с подачи судето-немецкой стороны стартовали непростые переговоры с чехословацкими властями.

Оценка миссии У. Ренсимена в британской прессе

Именно в этот период началась дестабилизация ситуации внутри Чехословакии, которая впоследствии приведет сразу к двум Судетским кризисам. Кульминацией первого стало майское подавление античешских выступлений генлейновцев⁷, кульминацией второго – известное Мюнхенское соглашение. В то время как сами

⁴ Крупнейшая партия немецкоязычного меньшинства до выборов 1935 г. Подробнее см., например, результаты парламентских выборов 1929 г.: Statistická příručka republiky Československé. Praha: Státní úřad statistický. 1932. Vyd. 4. S. 402. URL: <https://ndk.cz/uuid/uuid:58c202a0-18f3-11e9-a782-5ef3fc9bb22f> (дата обращения: 22.09.2024).

⁵ На парламентских выборах 1935 г. Судето-немецкая партия К. Генлейна официально стала первой партией Чехословакии, получив наибольшее количество голосов избирателей как в нижнюю, так и в верхнюю палаты парламента.

⁶ Достаточно крупная политическая сила, представляющая часть немецкоязычного электората. На выборах 1929 г. коалиция Немецкого союза земледельцев с Немецкой национальной партией показала второй результат среди всех немецких партий. См.: Statistická příručka republiky Československé... S. 402.

⁷ Генлейновцы – сторонники лидера Судето-немецкой партии К. Генлейна.

моменты обострения судетского вопроса изучены весьма неплохо, анализу времени между ними⁸ уделено меньше внимания, особенно в отечественной историографии. Среди значимых событий данного периода, но недооцененных в историографии, можно выделить дипломатическую миссию У. Ренсимена.

Миссия Ренсимена являлась важным звеном в проводимой премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом политике умиротворения. Сама политика умиротворения предполагала, что посредством совершения некоторых уступок в отношении стран-агрессоров на внешнеполитической арене и ограниченного переустройства Версальской системы можно добиться разрешения международных конфликтов.

Впервые о предстоящей роли У. Ренсимена в качестве «медиатора» судето-немецкого вопроса становится известно уже из телеграммы виконта Э. Галифакса в адрес Б. Ньютона – тогдашнего британского посла в Чехословакии, сам документ при этом датирован 16 июля⁹. Средства массовой информации узнали о назначении У. Ренсимена вместе с общественностью 26 июля, после речи Н. Чемберлена в палате общин¹⁰, хотя собственный корреспондент *News Chronicle* еще днем ранее писал об имеющейся идее «направить в Прагу британского и французского посланников с целью дать оценку чехословацкому статусу национальностей»¹¹. К 3 августа – дню прибытия лорда Ренсимена в Чехословакию – в правительстве страны рассматривалось два документа: собственно чехословацкий статут национальностей и последнее предложение генлейновской партии – так называемая Программа из 14 пунктов [Кретинин 2000, с. 162]. В задачу британского «медиатора» входила разработка плана решения судетской проблемы. В частности, Ренсимену пред-

⁸ В историографии выделяются два Судетских кризиса. Первый пришелся на 20–21 мая 1938 г., второй – сентябрьский – стал прологом к Мюнхенской конференции. «Межкризисный» период – то есть, время с 21 мая по 14 сентября (начало массовых античешских выступлений в рядах генлейновцев), включая дипломатическую миссию лорда Уолтера Ренсимена, – остается наименее изученным.

⁹ No. 493. Viscount Halifax to Mr. Newton (Prague) Telegraphic [C 7204/1941/18] // Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / ed. by E.L. Woodward, R. Butler. Third Series. Vol. 1. L.: His Majesty's Stationery Office. 1949. P. 567, 568.

¹⁰ No. 546. Viscount Halifax to Mr. Newton (Prague) Telegraphic [C 7595/1941/16] // Documents on British Foreign Policy 1919–1939 / ed. by E.L. Woodward, R. Butler. Third Series. Vol. 2. L.: His Majesty's Stationery Office. 1949. P. 7.

¹¹ Four-power talks plan // *News Chronicle*. 1938. 25 July. P. 2.

стояло изучить содержание документов, провести ряд дипломатических встреч как с представителями чехословацкого правительства, так и с членами генлейновского движения, и способствовать урегулированию конфликта. Анализ периодической печати Великобритании во всей ее полноте в рамках статьи не представляется возможным, однако имеет смысл отобрать ряд изданий, особенно влиятельных в Соединенном Королевстве в рассматриваемый период. Так, наиболее подходящим при оценке влиятельности того или иного периодического издания представляется показатель тиражности. Особенно интересно изучить газеты, представляющие крайне левую и крайне правую части политического спектра.

Таким образом, в соответствии с тиражными показателями были отобраны периодические издания *Daily Express*, *Daily Herald* и *News Chronicle*, занимавшие первое, второе и пятое¹² места по этому показателю среди ежедневных газет Великобритании соответственно [Butler, Freeman 1969, p. 284]. Важно, что перечисленные издания оценивали действительность под влиянием разных политических течений: *Daily Express* имела консервативную направленность¹³, *Daily Herald* – лейбористскую [Holton 1974, p. 347], а *News Chronicle* – либеральную [Scarborough 1934, p. 511]. Также к исследованию были привлечены *The Daily Worker* как официальный печатный орган Коммунистической партии Великобритании [Andrews 1995, p. 142] и *Action* – газета Британского союза фашистов [Benewick 1969, p. 119].

Периодические издания Великобритании, комментируя предстоящую миссию, выделяют следующие сюжеты: оценка личности У. Ренсимена, цель его назначения и роль в урегулировании судето-немецкого конфликта, реакция на британскую инициативу со стороны Чехословакии и Германии, принципы миссии.

Личности У. Ренсимена, равно как и результатам его политической деятельности, дается одинаково положительная оценка в консервативной, либеральной и лейбористской прессе. Лейбористская *Daily Herald*, отмечая опыт лорда в дипломатии, в отличие от других изданий, использовала еще более уверенную риторику, заключая, что «совет человека, который вошел в парламент во время Англо-бурской войны и занял свой первый пост¹⁴ еще при Кэмпбелле-Бан-

¹² Третье и четвертое места – периодические издания *Daily Mail* и *Daily Mirror* соответственно. Получить доступ к материалам данных газет на момент написания статьи, к сожалению, не удалось.

¹³ Cox G. *Countdown to war: a personal memoir of Europe, 1938–1940*. L.: William Kimber, 1988. P. 30.

¹⁴ Имеется в виду пост председателя Совета по вопросам образования, который У. Ренсимен занимал с 1908 по 1913 г.

нермане, должен быть исключительно ценным»¹⁵. *Action* не давала прямой оценки личности Ренсимена, однако положительно¹⁶ характеризовала вектор британской внешней политики, выразителем которого и являлся английский посредник. *The Daily Worker*, не заостряя внимания на личности самого У. Ренсимена, критиковал состав делегации, в частности – наличие в нем Ф. Эштона-Гваткина, «высокопоставленного сотрудника Форин-офис», и Р.Т. Стоупфорда, «имевшего отношение к печально известной индийской комиссии сэра Д. Саймона»¹⁷.

Консервативная пресса апеллировала к заявлению премьер-министра о неофициальном характере миссии и необязательности «рекомендаций» лидера британской дипломатической делегации. В частности, корреспондент отмечал, что «вмешательство Ренсимена будет осуществляться на основе принципа “общего друга”», а его предложения не являются обязательными для исполнения ни для одной из сторон¹⁸. Под «общим другом» подразумевался как нейтральный, так и неофициальный статус дипломатической миссии: единственной целью У. Ренсимена декларировался исключительно поиск компромисса¹⁹.

Либеральная *News Chronicle* видела больше трудностей, с которыми придется столкнуться английскому представителю, уже в первые дни после официального объявления о миссии. Как в материале 26 июля²⁰, так и в сюжетах следующего дня²¹ в *News Chronicle* повторялся один и тот же тезис: необходимость в ходе миссии осознавать важную роль Германии в судетском вопросе и учитывать ее интересы. Положительная оценка миссии в *News Chronicle*, в свою очередь, происходит из представления, что подобная дипломатическая инициатива лучше показывает Берлину британскую озабоченность судетским вопросом²².

Лейбористская *Daily Herald* в период с 27 по 30 июля 1938 г. была также настроена оптимистически. Однако, как и *News Chronicle*, лейбористская газета обращала внимание на ряд условий, которые следовало бы соблюсти при разрешении конфликта. Отмечалось, что «никакое урегулирование, приносящее в жертву

¹⁵ Good luck // *Daily Herald*. 1938. 2 Aug. P. 8.

¹⁶ *Mosley O. Stop Czech nonsense // Action*. 1938. 30 July. P. 10.

¹⁷ Tory circus for Runciman trip // *The Daily Worker*. 1938. 30 July. P. 1.

¹⁸ Runciman to ‘observe’ for Czechs // *Daily Express*. 1938. 26 July. P. 1.

¹⁹ Runciman mission surprises Prague // *Daily Express*. 1938. 26 July. P. 2.

²⁰ Britain sending Runciman to Prague as adviser // *News Chronicle*. 1938. 26 July. P. 1.

²¹ Runciman’s job // *News Chronicle*. 1938. 27 July. P. 10.

²² Why does it matter? // *News Chronicle*. 1938. 29 July. P. 8.

будущую безопасность ради решения временных проблем, не может называться удачным», но выражалась надежда на способность Ренсимена оставаться независимым советником²³. Более того, корреспонденту *Daily Herald* даже удалось заручиться обещанием лорда Ренсимена: он поедет в Прагу только в случае, если будет уверен в доверии к нему судетских немцев²⁴. Удивительно, что о необходимости доверия к лорду со стороны чехословацкого правительства не было сказано ни слова.

Правая *Action*, выходявшая еженедельно, в выпуске за 30 июля 1938 г. не дала прямой оценки миссии Ренсимена, однако в этом номере была повторно приведена большая статья за авторством лидера британских фашистов О. Мосли «О чехословацкой ситуации» от 18 июня²⁵. В предисловии к статье подчеркивалось: «Достижение мира в Европе возможно только в случае, если правительство Великобритании отговорит чехов от глупого и провокационного поведения». Можно предположить, что под таким «поведением» он подразумевал нежелание правительства Первой республики идти на существенные уступки в отношении генлейновской партии. *Action* не только находила курс британского правительства верным, но также утверждала, что именно этот курс и направлен на отказ чехов от такой политики. По мнению О. Мосли, во имя мира Великобритания должна была поступиться частью своих союзнических обязательств и повлиять на Чехословакию.

Интересно, что в номере следующей недели вышел репринт выпуска газеты *The Blackshirt* от 16 сентября 1933 г. с антивоенным содержанием²⁶. Довольно неожиданно наблюдать такую позицию в печатном органе Британского союза фашистов: газеты правого содержания в других странах были гораздо более воинственны или, по крайней мере, не публиковали на своих страницах пацифистские материалы. В целом же можно заключить, что фашистская *Action* поддерживала избранный внешнеполитический курс Н. Чемберлена.

Консервативная пресса представляла, что миссию поддерживают как в Великобритании, так и за ее пределами: во Франции, в Германии и в Чехословакии. В следующем номере газеты подчеркнуто, что миссия одобрена Францией и, косвенно, Германией, т. е. инициатива Н. Чемберлена выгодна всем сторонам²⁷. Например, штатный

²³ Runciman's visit // *Daily Herald*. 1938. 27 July. P. 8.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Mosley O.* Op. cit. P. 10.

²⁶ What did you do for us in the Great war, daddies? // *Action*. 1938. 2 Aug. P. 2.

²⁷ We believe we shall bring back security to Europe // *Daily Express*. 1938. 27 July. P. 6.

корреспондент *Daily Express* сообщал, что «нацистская Германия в восторге от объявления британского премьер-министра о назначении лорда Ренсимена и характере его миссии»²⁸. Франция же, в свою очередь, «приветствует британскую инициативу», отмечая в то же время множество трудностей, сопряженных с урегулированием судетского вопроса²⁹.

К 30 июля 1938 г. относится первый критический материал о миссии в *Daily Express*. В нем подчеркивалось, что «визит Ренсимена рассматривается французами и чехами как вмешательство во внутренние дела республики». Эта критическая оценка была обусловлена тем, что ранее стало известно о включении в команду лорда действующего советника Министерства иностранных дел³⁰. Подобная реакция французов и представителей Чехословакии была расценена корреспондентом газеты *Daily Express* как первая неудача миссии³¹ еще до ее официального начала.

В лейбористской *Daily Herald* первая критика в отношении миссии появилась только 1 августа, да и то – посредством выделения негативного мнения Г. Моррисона³². Ключевым в позиции Моррисона можно определить представление, что в изменившейся после аншлюса Австрии политической реальности Великобритании не должна допускать ослабления Чехословакии³³. Таким образом, желая миссии успеха, британский политик в то же время предостерегал Ренсимена от необдуманных действий в отношении центрально-европейского государства. Иными словами, недоверие к миссии в лейбористской прессе носило осторожный характер и транслировалось со страниц издания косвенным путем.

Коммунистическая *The Daily Worker* оценивала миссию отрицательно с самого начала. Собственный политический корреспондент издания в материале за 27 июля 1938 г. отметил, что речь Н. Чемберлена в палате общин «была полна угроз в отношении Чехословацкой республики»³⁴. В номере от 30 июля *The Daily Worker* обрушилась на миссию с новой критикой: на этот раз негативной оценки

²⁸ Hitler puts off speech on Czechs // *Daily Express*. 1938. 27 July. P. 6.

²⁹ Ibid.

³⁰ Речь об Ф. Эштоне-Гваткине. См., например: Runciman has secret telephones // *Daily Express*. 1938. 3 Aug. P. 2.

³¹ A bad start // *Daily Express*. 1938. 30 July. P. 8.

³² Герберт Стэнли Моррисон (1888–1965) – британский политик, лейборист. В 1934–1940 гг. – председатель Совета Лондонского графства – представительного органа местного самоуправления.

³³ Morrison warns lord Runciman // *Daily Herald*. 1938. 1 Aug. P. 11.

³⁴ Chamberlain's open threat to the Czech cabinet // *The Daily Worker*. 1938. 27 July. P. 1.

удостоился состав делегации лорда. В частности, корреспондентом отмечалось, что миссия не может более считаться неофициальной, поскольку британские подданные, сопровождающие У. Ренсимена в этой дипломатической поездке (те же Ф. Эштон-Гваткин или Р.Т. Стоупфорд), в отличие от него самого, в отставке не находились и занимали довольно значимые позиции в британской политике³⁵. В целом в отношении миссии *The Daily Worker* придерживалась линии советских печатных изданий, приводя даже цитаты из материалов «Известий»³⁶.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Прежде всего следует отметить зависимость оценки миссии от политической направленности газеты. Крайне левая *The Daily Worker* в освещении миссии была весьма стабильна: действия Ренсимена оценивались негативно. Впрочем, это характерно и для периодических изданий коммунистической направленности в других странах: например, *Rudé právo* в Чехословакии³⁷. Крайне правая *Action* в целом инициативу Н. Чемберлена поддержала: ни в одном номере не содержалось какой-либо критики в адрес правительства или премьера. Иными словами, именно крайне левые, выступавшие последовательными критиками политики Н. Чемберлена, предвидели предстоящее военное столкновение. Этот вывод, хотя и вполне ожидаемый, тем не менее вносит важный вклад в понимание общей расстановки сил на европейском континенте.

Изучение материалов трех ведущих британских газет показало, что первые критические замечания в адрес миссии появляются на их страницах только 30 июля. Консервативная *Daily Express* указала на неверное восприятие британской миссии, настаивая на ее неофициальном, нейтральном и посредническом характере. Ни сам У. Ренсимен, ни Н. Чемберлен объектом критики не становились. *Daily Herald* опубликовал отрицательное мнение о миссии лейбориста Г. Моррисона только 1 августа, и это было вовсе не сомнением корреспондентов и редакции газеты в правильности политического курса, а просто трансляцией ими позиции отдельного политика. В материалах *News Chronicle* и вовсе не было обнаружено каких-либо негативных высказываний в отношении английской инициативы. Следует заключить, что британские издания не крайнего

³⁵ Tory circus for Runciman trip // *The Daily Worker*. 1938. 30 July. P. 1.

³⁶ Soviet attacks Runciman plan // *The Daily Worker*. 1938. 28 July. P. 4.

³⁷ Vždy s úsměvem // *Rudé právo*. 1938. 31. července. S. 2.

политического спектра, зачастую критикующие политический курс государства, в случае с миссией Ренсима были настроены весьма оптимистично.

Итак, можно резюмировать, что оценка миссии Ренсима в британской прессе во многом зависела от политической ориентации газеты. Крупнейшие издания в целом связывали с миссией позитивные ожидания, хотя и могли допускать на своих страницах отдельные критические замечания. Коммунистическая пресса, напротив, занимала позицию принципиального неприятия и осуждения британской дипломатической инициативы.

Литература

- Волков 1990 – *Волков В.К.* Мюнхен: и стговор, и капитуляция // 1939 год: Уроки истории. М.: Мысль, 1990. С. 108–145.
- Кретицин 2000 – *Кретицин С.В.* Судетские немцы: Народ без родины, 1918–1945. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 2000. 320 с.
- Матвеев 1955 – *Матвеев В.А.* Провал Мюнхенской политики (1938–1939 гг.). М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. 264 с.
- Поляков 1960 – *Поляков В.Г.* Англия и Мюнхенский стговор (март – сентябрь 1938 г.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. 335 с.
- Рунихин 2005 – *Рунихин И.А.* Чехословацкий кризис 1938–1939 гг. в освещении британской периодической печати: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005. 188 с.
- Сиполс 1989 – *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне Второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М.: Международные отношения, 1989. 360 с.
- Уткин 2008 – *Уткин А.И.* На пути к войне: Мюнхен, 1938 год // Свободная мысль. 2008. № 8. С. 121–134.
- Филитов 2018 – *Филитов А.М.* Мюнхенская конференция, 1938 год: эволюция исторических оценок // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 1 (15). С. 126–144.
- Andrews 1995 – Opening the books: Essays on the social and cultural history of British communism / ed. by G. Andrews, N. Fishman, K. Morgan. L.: Pluto Press, 1995. 275 p.
- Benewick 1969 – *Benewick R.* Political violence & public order: A study of British fascism. L.: Allen Lane: The Penguin Press, 1969. 340 p.
- Bouverie 2019 – *Bouverie T.* Appeasing Hitler: Chamberlain, Churchill and the road to war. N.Y.: The Bodley Head, 2019. 512 p.
- Butler, Freeman 1969 – *Butler D., Freeman J.* British political facts, 1900–1968. L.: Macmillan, 1969. 314 p.
- Cabada 2011 – *Cabada L., Waisová Š.* Czechoslovakia and the Czech Republic in world politics. Lanham: Lexington Books, 2011. 242 p.
- Holton 1974 – *Holton R.J.* Daily Herald vs. Daily Citizen, 1912–1915: The struggle for a Labour Daily in relation to “the Labour Unrest” // International Review of Social History. 1974. Vol. 19. No. 3. P. 347–376.

- Klimek 1995 – *Klimek A. Československá zahraniční politika 1918–1938: kapitoly z dějin mezinárodních vztahů*. Praha: Institut pro středoevropskou kulturu a politiku, 1995. 115 s.
- Konrád 2018 – *Konrád O. Postwar Czechoslovakia, 1918–1920: Neither Exception nor Rule* // Academia.edu. 2018. URL: https://www.academia.edu/44366386/Konr%C3%A1d_Postwar_Czechoslovakia_Neither_exception_nor_rule_Academia_pdf (дата обращения 22.02.2024).
- Scarborough 1934 – *Scarborough H.E. The British press* // Foreign Affairs. 1934. Vol. 12. No. 3. P. 508–520.
- Smetana 2008 – *Smetana V. In the shadow of Munich. British policy towards Czechoslovakia from the endorsement to the renunciation of the Munich Agreement (1938–1942)*. Praha: Karolinum Press, 2008. 358 p.

References

- Andrews, G., Fishman, N. and Morgan, K., eds. (1995), *Opening the books: essays on the social and cultural history of British communism*, Pluto Press, London, UK.
- Benewick, R. (1969), *Political violence and public order: a study of British fascism*, Allen Lane, The Penguin Press, London, UK.
- Bouverie, T. (2019), *Appeasing Hitler: Chamberlain, Churchill and the road to war*, The Bodley Head, New York, USA.
- Butler, D. and Freeman, J. (1969), *British political facts 1900–1968*, Macmillan, London, UK.
- Cabada, L. and Waisová, Š. (2011), *Czechoslovakia and the Czech Republic in world politics*, Lexington Books, Lanham, USA.
- Filitov, A.M. (2018), “Munich conference, 1938: the evolution of historical assessments”, *Vestnik Diplomaticeskoi akademii MID Rossii. Rossiya i mir*, no. 1, pp. 126–144.
- Holton, R.J. (1974), “Daily Herald v. Daily Citizen, 1912–1915: the struggle for a Labour Daily in relation to the “Labour Unrest””, *International Review of Social History*, vol. 19, no. 3, pp. 347–376.
- Klimek, A. (1995), “Československá zahraniční politika 1918–1938: kapitoly z dějin mezinárodních vztahů”, Institut pro Středoevropskou Kulturu a Politiku, Praha, Czech Republic.
- Konrád, O. (2018). “Postwar Czechoslovakia, 1918–1920: Neither exception nor rule”, in Academia.edu, available at: https://www.academia.edu/44366386/Konr%C3%A1d_Postwar_Czechoslovakia_Neither_exception_nor_rule_Academia_pdf (Accessed 2 Feb. 2024).
- Kretinin, S.V. (2000), *Sudetskie nemtsy: Narod bez rodiny, 1918–1945* [Sudeten Germans. People without a homeland. 1918–1945], Izdatel'stvo Voronezhsko gosudarstvennogo universiteta, Voronezh, Russia.
- Matveev, V.A. (1955), *Proval Myunkhenskoi politiki (1938–1939 gg.)* [Failure of the Munich policy (1938–1939)], Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR.

- Polyakov, V.G. (1960), *Angliya i Myunkhenskii sgovor (mart – sentyabr' 1938 g.)* [England and the Munich Pact (March – September 1938)], Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Moscow, USSR.
- Runikhin, I.A. (2005), *Chekhoslovatskii krizis 1938–1939 gg. v osveshchenii britanskoi periodicheskoi pechati* [The Czechoslovak crisis of 1938–1939 in the British periodical press coverage], Ph.D. Thesis (History), Voronezh, Russia.
- Scarborough, H.E. (1934), “The British press”, *Foreign Affairs*, vol. 12, no. 3, pp. 508–520.
- Sipols, V.Ya. (1989), *Diplomaticheskaya bor'ba nakanune Vtoroi mirovoi voiny* [Diplomatic struggle on the eve of the Second World War], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR.
- Smetana, V. (2008), *In the shadow of Munich. British policy towards Czechoslovakia from the endorsement to the renunciation of the Munich Agreement (1938–1942)*, Karolinum Press, Prague, Czech Republic.
- Utkin, A.I. (2008), “On the way to the war: Munich 1938”, *Svobodnaya mysl'*, no. 8, pp. 121–134.
- Volkov, V.K. (1990), “Munich: both collusion and capitulation”, in *1939 god: Uroki istorii* [1939 god: Uroki istorii], Mysl', Moscow, USSR, pp. 108–145.

Информация об авторе

Александр Г. Мирзоян, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; RussianYukon@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-0994-186X

Information about the author

Aleksandr G. Mirzoyan, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; RussianYukon@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-0994-186X

Отечественная историография советского телевидения: достижения, проблемы и перспективы исследований

Олег В. Татарников

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия, oleg14.07.2000@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые рассматривается отечественная историография, посвященная истории советского телевидения. Она охватывает огромный период, начиная с работ 1950-х гг., которые характеризовались интересом к технической стороне телевидения, и заканчивая современными исследованиями, в которых акцент переставлен на историю регионального телевидения, а также на его повседневные моменты. Особое внимание уделяется анализу современного положения отечественной историографии истории советского телевидения. Автор обозначает перспективы дальнейшего развития в изучении этого вопроса. Делается вывод о том, что за весь столетний период учеными наиболее ярко освещены вопросы технической стороны советского телевидения, а также подробно проанализирована его пропагандистская функция. Однако еще не рассмотрены некоторые повседневные моменты, как, например, особенности восприятия телевидения и его непосредственных участников (дикторов, актеров, режиссеров) населением. Несмотря на активный интерес ученых в последние два десятилетия к истории регионального телевидения, работа телевидения на некоторых важных приграничных и поликультурных территориях, как, например, Оренбургской области, еще не подвергалась масштабному анализу. Автор приходит к выводу, что, несмотря на существование обширной отечественной историографии, тема истории советского телевидения еще полностью не изучена.

Ключевые слова: советское телевидение, региональное телевидение, историография, научная концепция, периодизация, советская телевизионная политика, история средств массовой информации

Статья поступила в редакцию 20 августа 2025 г.;
принята к публикации 9 февраля 2026 г.

Для цитирования: Татарников О.В. Отечественная историография советского телевидения: достижения, проблемы и перспективы исследований // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 103–121. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-103-121

© Татарников О.В., 2026

Russian historiography of Soviet television: achievements, problems and research prospects

Oleg V. Tatarnikov

*Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia, oleg14.07.2000@mail.ru*

Abstract. The article is first to explore Russian historiography devoted to the history of Soviet television. It covers a long period, starting with the works of the 1950s, which were characterized by an interest in the technical side of television, and ending with the modern research, in which the emphasis was shifted to the history of regional Soviet television, and also to its everyday moments. The article pays special attention to the analysis of the current situation of Russian historiography about the history of Soviet television. The author outlines the prospects for further development in the study of this issue. It is concluded that over the entire century-long period, scholars have most vividly highlighted the technical aspects of Soviet television, as well as analyzed in detail its propaganda function. However, some everyday issues have not yet been considered, such as the peculiarities of the perception by the Soviet people of television and of its direct participants (announcers, actors, directors). Despite the strong interest of researchers in the last two decades in the history of regional television, the operation of television broadcasting in some important border and multicultural territories (for example, in the Orenburg region) has not been comprehensively analyzed. The author concludes that, regardless of the existence of extensive domestic historiography, the topic of the history of Soviet television has not been fully explored yet.

Keywords: Soviet television, regional television, historiography, scientific concept, periodization, Soviet television policy, history of mass media

The article was submitted for publication 20.08.2025;
accepted for publication 09.02.2026.

For citation: Tatarnikov, O.V. (2026), "Russian historiography of Soviet television: achievements, problems and research prospects", *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 103–121, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-103-121

Введение

Советское телевидение представляет собой уникальный историко-культурный феномен, который играл ключевую роль в жизни общества. Оно являлось важным инструментом формирования общественного сознания, культурной идентичности и идеологического воспитания в условиях советской системы; выполняло

множество функций: идеологическую, воспитательную, образовательную и развлекательную, становясь неотъемлемой частью повседневности граждан. Изучение данного феномена позволяет глубже понять механизмы взаимодействия власти и общества, а также трансформацию культурных и социальных норм в советский период. Проведение предлагаемого исследования даст необходимую научную основу для глубокого и всестороннего понимания исторического опыта развития телевидения как важного механизма политики развития СССР и одновременно как инструмента развития гражданского общества. Цель статьи – провести комплексный историографический анализ научных работ, посвященных развитию телевидения в СССР, выделив ключевые этапы, тенденции и пробелы в исследованиях.

Ранние исследования советского телевидения (1950-е гг.) в контексте его зарождения

Советское телевидение зародилось в 1930-е г. на фоне бурного развития радиотехники и кинематографа. Первые экспериментальные передачи велись в Москве и Ленинграде с использованием механических систем разложения изображения. Однако уже к концу 1930-х г. СССР перешел на электронное телевидение, что позволило улучшить качество сигнала и расширить вещание. Великая Отечественная война усложнила развитие телевидения, но уже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. полноценное вещание было восстановлено. В 1949 г. началось регулярное телевизионное вещание в Москве, в 1951 г. была создана Центральная студия телевидения, а к середине 1950-х телецентры появились в других крупных городах. Системное распространение телевещания по всей стране закрепило вышедшее в 1957 г. постановление ЦК КПСС «О развитии советского телевидения» [Данилов 2009, с. 26]. 16 мая того же года был образован Госкомитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. С технической точки зрения также происходили важные изменения: в 1949 г. был создан первый массовый телевизор «КВН-49», активно продававшийся в период «оттепели»¹, а также налажено массовое производство телевизоров «Москвич Т-1» и «Ленинград Т-2». Сложившаяся ситуация повлекла за собой более массовый спрос на телепередачи.

Из-за активного развития телевещания в СССР повысился интерес исследователей к его изучению. Первые работы о советском

¹ *Раззаков Ф.И.* Гибель советского ТВ: тайны телевидения: от Сталина до Горбачева, 1930–1991. М.: Эксмо, 2009. 524 с.

телевидении, опубликованные в 1950-х гг., были посвящены его техническому развитию. Ученые и инженеры, такие как М.Э. Гос [Гос 1951], Г.К. Бялик² и С.В. Новаковский³, сосредоточились на вопросах передачи сигнала, разработке телевизионных стандартов и создании приемной аппаратуры. Их работы заложили основу для последующего развития телевидения, но культурные и социальные аспекты оставались за пределами научного интереса.

Таким образом, в 1930–1950-е гг. советское телевидение прошло путь от экспериментальной технологии до массового медиа. Исследованием отечественного телевидения впервые занялись в 1950-е г. представители технических профессий, рассматривая в своих трудах принципы и механизмы его работы, а не эстетические и художественные черты.

Телевидение как самостоятельное искусство и средство пропаганды (1960–1970-е гг.)

В 1960-е г. телевидение стало восприниматься не только как технологическое достижение, но и как новый культурный феномен. Первым, кто попытался осмыслить его специфику, стал В.С. Саптак – театральный критик и журналист. Знаковым трудом стала его работа «Телевидение и мы»⁴, где автор в форме четырех «бесед» раскрыл специфику телевидения как нового вида искусства, сочетающего в себе черты театра, кино и радиовещания. В.С. Саптак сравнивал свои яркие впечатления от первого просмотра фильма «Броненосец Потемкин» с просмотром первой телевизионной передачи. От наслаждения этими двумя искусствами ему удалось получить одинаково незабываемые эмоции. Помимо этого, автором были изучены особенности телевизионного показа. Он считал, что с помощью него по-новому раскрывается человеческая личность. В рамках телевидения человек может примерять на себе разные роли, например, ведущего, актера, певца, гостя, тем самым раскрываясь для зрителя с разных сторон.

В конечном итоге В.С. Саптак выделил ключевые особенности телевидения: импровизационность – из-за господства прямого эфира; интимность – домашняя атмосфера просмотра; документальность – способность фиксировать реальность; высокую степень

² Бялик Г.И. Телевидение. Л.: Лениздат, 1960. 324 с.

³ Новаковский С.В., Ренард В.Б. Показывает Москва. М.: Связьиздат, 1954. 96 с. (Научно-популярная библиотека)

⁴ Саптак В.С. Телевидение и мы: Четыре беседы. М.: Искусство, 1963. 182 с.

доверия зрителей – благодаря «эффекту присутствия». Хотя его работа носила публицистический характер, она стала важным шагом в теоретическом осмыслении телевидения. Именно с его размышлений начинается полноценное изучение нового средства массовой информации как отдельного историко-культурного явления. Труд В.С. Саппака стал отправной точкой для дальнейшего исследования советского телевидения. В 1960-е г. сформировались два основных подхода к его изучению: 1) эстетико-культурологический, рассматривающий телевидение как новую форму искусства; 2) социально-политический, анализирующий роль телевидения в системе массовых коммуникаций.

Значительный вклад в развитие первого направления внес С.А. Муратов, который развил идеи В.С. Саппака. Он утверждал, что телевидение – синтетический вид искусства, обладающий уникальными характеристиками: simultaneity (одновременность создания и восприятия); потоковость (непрерывность вещания); интерактивность (пусть и ограниченная технически). Ученый также выделил три основных типа телевизионного вещания: прямой эфир, телеспектакль, телефильм.

С.А. Муратов, развивая идеи Саппака, утверждал, что телевидение не дублирует кино или театра, а уникальный синтез различных форм. Он также обратил внимание на проблему «усреднения» контента для массовой аудитории⁵.

В данный период телевизионные исследования получают академическое признание: в 1967 г. на факультете журналистики МГУ создается кафедра телевидения и радиовещания; выходит первый учебник по тележурналистике⁶; начинается издание специализированного журнала «Телевидение и радиовещание».

В 1970-е гг. А.Я. Юровский предложил концепцию «трех телевидений», разделив вещание на публицистическое (новости, аналитические программы), художественное (телеспектакли, фильмы) и научное (образовательные программы). Его периодизация развития советского телевидения (1930–1980-е гг.) стала классической и использовалась многими исследователями. Юровский подчеркивал, что телевидение было тесно связано с государственной пропагандой, что приводило к унификации контента [Юровский 1983].

В исследуемый период Юровский предложил следующую периодизацию развития советского телевидения: 1) 1930–1940-е гг. –

⁵ Муратов С. Кино как разновидность телевидения // Телевидение в поисках телевидения: Хроника авторских наблюдений. М., 1967. С. 62–80.

⁶ Юровский А.Ю., Борецкий Р.А. Основы телевизионной журналистики: учеб. пособие для университетов. М., 1966. 337 с.

экспериментальный период; 2) 1950–1960-е гг. – становление программной политики; 3) 1970-е гг. – расцвет жанрового разнообразия и идеологическая «завершенность» системы.

Особое внимание в 1960–1970-е г. уделялось изучению идеологической роли телевидения. Работы Э.Г. Багирова анализировали механизмы воздействия на аудиторию: эффект «присутствия», эффект «доверительности», эффект «персонификации»⁷. Автор показал, как указанные механизмы использовались для формирования советской идентичности, трансляции официальной идеологии, создания образа врага (в международных программах). Э.Г. Багиров изучал психологическое воздействие телевидения на зрителя и отмечал, что телевидение могло использоваться для манипуляции общественным мнением, особенно в условиях жесткого государственного контроля.

В это время также появились первые попытки изучения регионального телевидения, хотя основное внимание уделялось Центральному телевидению (ЦТ). С 1967 г. журналом «Советское радио и телевидение», выходящим под контролем Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, начинают собираться данные об истории регионального телевидения⁸. Однако на первых порах ему пришлось столкнуться с массовой проблемой – большинство территорий не знали историю становления телевидения в своем регионе, либо она была короткой, так как некоторые телестудии лишь недавно начали свою работу. Тем не менее в течение тридцати лет (период выхода журнала с региональным разделом) некоторым регионам, как, например, Нальчику [Бженников 1985] или Еревану [Товмасын 1971] и др.⁹ удалось составить брошюры с историческими очерками о телевидении. Их нельзя отнести к историческим научным трудам, но как справочный материал они имеют очень важную ценность.

Первые попытки изучения регионального телевидения также были сделаны и учеными. А.Я. Юровским была проанализирована деятельность некоторых региональных телестудий и сделан вывод, что местное телевидение являлось неотъемлемой частью всесоюзного аппарата [Юровский 1983]. Э.Г. Багировым была отмечена возрастающая роль регионального телевидения. По его мнению,

⁷ Багиров Э.Г. Место телевидения в системе средств массовой информации и пропаганды: учеб. пособие. М., 1976. 119 с.

⁸ Советское радио и телевидение. 1967. № 12.

⁹ Галидов М. Без бумаги и расстояний. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1977. 166 с.; Цирульников А.М. Говорит и показывает. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. 255 с.

появление данного явления стало возможно из-за становления телевидения неотъемлемой частью досуга советского жителя¹⁰.

Таким образом, 1960–1970-е гг. стали временем становления телевизионной науки в СССР. Были разработаны: теоретические основы телевидения как искусства; методологические подходы к его изучению; классификации телевизионных программ; анализ пропагандистских механизмов. Исследования указанного периода отличались жесткой привязкой к официальной идеологии, преобладанием практико-ориентированных работ, ограниченностью эмпирической базы. Сложившаяся ситуация создавала определенные методологические проблемы, которые стали преодолеваться только в 1980-е гг.

*Позднесоветский период:
рост интереса к региональному телевидению
(1980-е гг.)*

В 1980-е гг. начался переход от изучения централизованного вещания к анализу работы местных телестудий. В.В. Егоров впервые дает научное определение регионального телевидения как «системы локального вещания, сочетающей общесоюзные стандарты с местной спецификой» и выделяет три уровня вещания: Центральное (Всесоюзное), республиканское и местное (областное и городское). Он обосновывает тезис о «горизонтальном развитии» телевидения, сформулировав, таким образом, концепцию «регионального телевидения»¹¹.

Е.Я. Дугин и В.Л. Цвик исследовали специфику местного телевидения в условиях централизованной системы. Социолог Е.Я. Дугин особое внимание уделял анализу: взаимодействия с местными властями, кадрового состава региональных студий, технического обеспечения. К основным результатам его исследований относится: выявление факторов и условий формирования телевизионных программ в стране и в мире; обоснование феномена лично мотивированного участия в общественной и государственной жизни; построение непротиворечивой технологии программ местного телевидения; исследование коммуникативных стратегий федеральных каналов телевидения и разработка диалоговой модели коммуникативного взаимодействия в системе «медиаканал-аудитория» [Дугин 1982].

¹⁰ Багиров Э.Г. Указ. соч. 119 с.

¹¹ Егоров В.В. Теория и практика советского телевидения. М., 1980. 288 с.

Влияние перестройки на телевизионную систему отражено в работах В.Л. Цвика. Они зафиксировали: ослабление цензуры (с 1987 года); появление альтернативных форматов: ток-шоу («Взгляд»), прямые эфиры с критикой власти; рост самостоятельности региональных студий; технологическую модернизацию (повсеместный переход на цветное вещание). В.Л. Цвик отмечал, что в эпоху перестройки региональные студии получили больше свободы, что изменило их роль в вещательной системе [Цвик 1989].

Таким образом, 1980-е гг. ознаменовались значительным переосмыслением роли телевидения в советской системе. Указанный период характеризуется кризисом централизованной модели вещания, ростом интереса к региональной специфике, попытками сравнительного анализа с зарубежными моделями, появлением исторического подхода к изучению телевидения. 1980-е гг. стали переходным этапом от изучения телевидения как инструмента пропаганды к анализу его как сложной социально-культурной системы. Были заложены основы для изучения регионального вещания, взаимодействия центра и периферии, что подготовило почву для кардинального пересмотра подходов в 1990-е гг.

*Постсоветская историография:
акцент на регионалистике и новых подходах
(1990–2020-е гг.)*

С распадом СССР в историографии телевидения произошел методологический переворот, который характеризуется несколькими отличительными признаками: отказ от марксистско-ленинской парадигмы (деидеологизация исследований), формирование новых концептуальных моделей: теория медиасистем (Холлин, Манчини), культурологические подходы (Биртин, Фирсов), историческая антропология медиа. Продолжили работу в новых реалиях такие научные центры, как Всероссийский научно-исследовательский институт телевидения и радиовещания (ВНИИТР), Московский научно-исследовательский телевизионный институт (МНИТИ). В вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Казани и других городов также были выделены отдельные специальности по изучению телевидения. С 2005 г. активную работу ведет академический журнал «Наука телевидения». Ученые продолжают изучать различные вопросы, связанные с историей советского телевидения [Жукова 2019; Ярных 2022]. Выделим наиболее актуальные из них.

После распада СССР изучение темы сместилось в сторону региональных исследований. В.В. Егоров развивал идею о «гори-

зонтальному» развитию телевидения¹², а Н.А. Голядкин сравнивал советское телевидение с зарубежными аналогами, отмечая его чрезмерную идеологизированность [Голядкин 1996].

В 2000–2020-е гг. появились диссертации, посвященные истории телевидения в отдельных регионах (Башкортостан, Амурская область, Татарстан, и др.) [Мухаметзянова 2006; Козлова 2006; Даутова 2004].

Представляется возможным провести типологизацию региональных моделей, изученных на современном этапе: промышленные регионы (Свердловск, Челябинск и др.); национальные республики (Татарстан, Якутия и др.); приграничные территории (Дальний Восток, и др.). Отметим, что данная классификация в ближайшем будущем может расширяться. Исследовательскому анализу еще не подвергались те регионы нашей страны, которые выделяются среди других одновременным сочетанием уникального приграничного положения (фронтирностью) и многонационального состава населения. Одним из таких примеров является Оренбургская область. Ее телевидение сочетает черты как промышленных регионов (развитие вещания в советский период), так и полиэтнических территорий (влияние казахской, башкирской и русской культур). Оренбургское телевидение также обладает уникальной спецификой, связанной с пограничным характером области. Указанные особенности делают Оренбуржье перспективным объектом исследования в рамках региональной истории медиа, способным дополнить существующую классификацию новой моделью – «приграничные поликультурные регионы».

В настоящее время историография постепенно подходит к осознанию необходимости глубокого изучения Оренбургского телевидения советской эпохи как модельного для приграничных поликультурных регионов. Исследования О.В. Татарникова, С.В. Любичанковского, Т.Л. Большаковой и Ю.М. Карасевича [Татарников 2024; Большакова 2012], воспоминания сотрудника телевидения Ю.М. Карасевича¹³, а также коллективное научно-популярное издание «Семейный альбом. ГТРК Оренбург – 50» (2011), подготовленное под руководством П.Г. Рыкова, содержат документы и воспоминания, освещающие отдельные аспекты развития регионального телевидения. Однако эти публикации пока остаются скорее фрагментарными зарисовками, не перерастающими в системный анализ феномена Оренбургского телевидения совет-

¹² *Егоров В.В.* Телевидение: теория и практика: учеб. пособие. М., 1993. 310 с.

¹³ *Карасевич Ю.М.* Телевидение от себя не отпускает // Лица Оренбуржья. 2008. Апрель. С. 35.

ского периода. Таким образом, несмотря на наличие исторических предпосылок и значительный объем накопленных источников, комплексное исследование, способное раскрыть его уникальную роль в контексте приграничной полиэтничности, еще ждет своего исполнителя.

Вопросы, которые исследуются в работах, посвященных истории регионального советского телевидения, на наш взгляд, сводятся к четырем основным проблемам: 1) специфика организации регионального вещания; 2) материально-техническая база местных студий; 3) взаимодействие центра и регионов; 4) роль телевидения в культурной жизни общества.

Вместе с тем обращает на себя внимание то, что в подобных исследованиях не поставлены вопросы о влиянии этнокультурного фактора, особенностях партийного контроля, технологическом отставании периферии. Они требуют дополнительного изучения в будущем.

В современной историографии по-новому рассматриваются вопросы интерпретации телевидения как отдельного искусства. Тезисы, выделенные еще В.С. Сапжаком, получают новое осмысление в работах А.А. Новиковой [Новикова 2013]. В них она анализирует, как изменились способы показа телепередач по сравнению с советским периодом. Л.М. Рошаль занимался схожими проблемами теории и практики фотографии, кинематографии, радиовещания и телевидения, выделяя сходства и различия между подобными видами искусства, ориентируясь на советский опыт [Рошаль 2001]. Однако представленные искусствоведческие изыскания уже далеки от собственно исторического анализа проблематики.

Помимо региональных и искусствоведческих исследований, в сфере внимания современной историографии осталась проблематика изменения телевидения под воздействием смены внутренних ориентиров развития – в частности, в рамках изучения периода «оттепели». М.М. Гершзон [Гершзон 2024] анализирует, как использовалось телевидение в культурной политике. В связи с активным интересом исследователей к истории повседневности стали подвергаться изучению способы проведения досуга советских граждан. Так, Н.Б. Лебина [Лебина 2021] выделяет особую роль телевидения в культурной жизни населения СССР. Тем самым, несмотря на преобладающую тематику истории регионального телевидения в современной историографии истории советского телевидения, изучению подвергаются и другие интересные вопросы по данной тематике.

Также учеными продолжают исследоваться особенности крупных центральных телестудий, как, например, Ленинградской. П.А. Морозова, опираясь на архивные источники, приходит

к выводу о том, что при формальном равенстве всех региональных студий Ленинградская телестудия фактически выступала в роли неформального лидера [Морозова 2025, с. 67].

Вниманию современных исследований стали подвергаться отдельные блоки передач советского телевидения. Развитие спортивного телевидения от его возникновения в СССР до современного состояния в России стало главной темой для изучения Д.А. Абрамова. Им также была исследована историография указанной проблемы. На основе анализа советских и современных работ автор приходит к выводу, что в СССР изучение спортивного телевидения было на невысоком уровне. На ситуацию влиял низкий интерес зрителя к спортивным программам. Несмотря на качественный телепоказ домашней олимпиады 1980 г., в советском спортивном телевидении существовало большое количество проблем, что привело к кризису в этой сфере в первые десятилетия после распада СССР. Со временем благодаря развитию отечественного спортивного телевидения усилился интерес к изучению особенностей его функционирования, а также его истории [Абрамов 2021].

Таким образом, современный этап историографии советского телевидения характеризуется регионализацией исследовательского поля, методологическим плюрализмом, вниманием к реакции телевидения на внутривнутриполитические и культурные корректировки, а также повышением интереса к изучению отдельных отраслей советского телевидения, как, например, спортивных телепрограмм.

Имеющийся историографический задел и перспективы исследований

Важно отметить, что большинство российских регионов до сих пор не изучены с точки зрения истории местного телевидения в советский период, а обобщающих работ по теме недостаточно, причем указанные две проблемы находятся в прямой зависимости – пока историческая наука не изучит основные тенденции развития советских региональных телестудий, говорить о создании обобщающей картины развития советского телевидения преждевременно.

Несмотря на значительный объем проделанной в историографии советского телевидения работы, остаются нераскрытыми вопросы: анализ роли советского телевидения без политизированности; взаимосвязь центрального и регионального телевидения; повседневные практики «телесмотрения» и восприятие телевидения зрителями.

Накопленный опыт явственно показывает, что изучение регионального телевидения – не узкоспециальная тема, а важное

направление, способное обогатить современную историографию и переосмыслить ключевые аспекты советской эпохи по следующим направлениям:

1. Преодоление моноцентричной модели советской истории. Традиционная историография часто рассматривала СССР как жестко централизованную систему, где решения Москвы автоматически реализовывались на местах. Однако анализ регионального телевидения позволяет выявить различия в исполнении директив (например, как местные студии интерпретировали идеологические кампании); показать степень автономии регионов (что реально контролировал центр, а где существовала «тихая самостоятельность»); обнаружить неофициальные сети влияния (как местные партийные элиты, творческие сообщества и технические специалисты взаимодействовали между собой).
2. Новые источники для изучения советской повседневности. Центральное телевидение транслировало «парадный» образ жизни, тогда как региональные программы фиксировали локальные практики (например, как в разных областях отмечали праздники или адаптировали бытовые советы); отражали реальные проблемы (местные новости чаще касались дефицита, коммунальных аварий, сельскохозяйственных трудностей); демонстрировали неформальные культурные коды (диалекты, юмор, фольклорные элементы в передачах).
3. Новый материал для case studies. Региональные студии – идеальный объект для casestudies, позволяющих реконструировать профессиональные сообщества (как формировались кадры или, например, какие конфликты возникали между журналистами и парткомами); проследить эволюцию форматов (условно говоря, почему в одних городах развивались молодежные программы, а в других – краеведческие); оценить влияние технологий (как местные условия, от климата до финансирования, определяли техническое оснащение).
4. Сравнительные исследования: СССР vs регионы. Представляет большой интерес анализ различий между, например, столичными (Москва, Ленинград) и провинциальными студиями; областями и национальными республиками (как язык и традиции влияли на контент); промышленными и сельскими районами (тематика передач, аудитория, бюджет). Подобные исследования могут дать новое понимание советской медиасистемы как мозаики, а не монолита.
5. Историческая память. Изучение регионального ТВ помогает вернуть в историю «забытые» голоса (журналистов, режиссеров, зрителей из глубинки); пересмотреть нарративы о «советской унификации» (доказывая, что даже в условиях цензуры

сохранялась локальная специфика); связать советское наследие с современными медиа (например, как постсоветские телеканалы унаследовали структуру региональных комитетов).

Иными словами, историческое исследование регионального ТВ сегодня – это не просто дополнение к истории центрального телевидения, а ключевой инструмент реального понимания всей сложности единого советского медиапространства; реконструкции подлинной социальной истории; развития междисциплинарных методов (история + антропология + *mediastudies*). Без таких работ понимание СССР останется неполным и упрощенным – будто мы смотрим только первую программу Центрального ТВ, игнорируя все остальные каналы.

История регионального телевидения СССР представляет собой уникальный исследовательский ресурс для всей исторической науки по следующим причинам:

1. Как индикатор центрально-периферийных отношений: позволяет проследить реальную степень контроля центра над регионами; выявляет механизмы адаптации общесоюзных установок к местным условиям; демонстрирует пределы эффективности пропагандистской машины.
2. Как источник для изучения советской повседневности: региональные программы фиксировали местную специфику быта; телевизионные предпочтения отражали реальные интересы населения; локальные новости показывали непарадную сторону жизни СССР.
3. Решение общеисторических задач через призму телевизионной истории. Исследование регионального ТВ позволяет уточнить периодизацию советской истории: устанавливаются расхождения формальных и реальных сроков внедрения новшеств; локальные кампании фиксируют волны либерализации/ужесточения режима; становится возможным выявить региональные вариации в проведении политических кампаний.
4. Разобраться в реальной сложности монолитной советской системы: анализ местного эфира выявляет стратегии сопротивления цензуре; сравнение программ разных регионов показывает различия в интерпретации официальной линии; изучение кадровой политики раскрывает сети неформальных связей.
5. Разработать новые подходы к изучению общества: через анализ зрительской почты можно реконструировать настроения; изучение местных телеперсонажей дает новый взгляд на механизмы формирования локальных элит; анализ рекламных блоков (в позднесоветский период) показывает становление потребительских практик.

Важно подчеркнуть, что у региональных исследований истории советского телевидения большой междисциплинарный потенциал. Для политологов представляют интерес конкретные примеры взаимодействия партийных органов и СМИ, механизмы конструирования легитимности на местном уровне. Для культурологов – процессы формирования региональных идентичностей и трансформация культурных кодов в телевизионной интерпретации. Для социологов – данные о реальной медиапотребности различных социальных групп и материалы для изучения социальной стратификации.

Практическая значимость анализируемой историографической линии весьма значительна, поскольку позволяет увидеть преемственность кадровых и организационных моделей, что важно для управления современными медиасистемами; получить опыт управления культурным разнообразием через исторические примеры баланса между унификацией и региональной спецификой; дает уроки информационной политики через анализ эффективных и провальных практик взаимодействия с аудиторией. С учетом стремительного исчезновения источников (физическая деградация пленок, уход свидетелей) современным специалистам по проблематике необходимо сосредоточиться на следующих видах работ: 1) изучение истории регионального телевидения; 2) создание базы данных источников устного происхождения по истории телевидения; 3) разработка методик сравнительного анализа региональных моделей.

Именно через призму регионального телевидения можно увидеть «живую» историю СССР во всем ее многообразии и противоречивости.

Заключение

Историография советского телевидения прошла путь от изучения технических аспектов до комплексного анализа его культурной, социальной и идеологической роли. Современные исследования смещаются в сторону регионализации, но требуют систематизации и новых теоретических подходов. Дальнейшее изучение темы позволит воссоздать полную картину этого уникального феномена.

Историография советского телевидения прошла несколько этапов:

- 1) 1950-е гг.: исследования фокусировались на технических аспектах телевидения;
- 2) 1960–1970-е гг.: телевидение стало рассматриваться как самостоятельное культурное и историческое явление, с акцентом на его пропагандистскую и идеологическую функции. Появились

ключевые труды В.С. Саппака, Э.Г. Багирова, А.Я. Юровского, которые заложили теоретические основы изучения телевидения;

- 3) 1980-е гг.: началось изучение регионального телевидения, его роли и взаимодействия с центральным вещанием. Работы В.В. Егорова и Е.Я. Дугина подчеркивали важность местных телестудий;
- 4) постсоветский период (с 1991 г.): усилился интерес к изучению телевидения в отдельных регионах. Появились диссертации, анализирующие специфику вещания в республиках и областях СССР.

В качестве ключевых тенденций в историографии можно выделить следующие:

- 1) централизация vs. регионализация: в советский период доминировало изучение центрального телевидения, тогда как в постсоветское время возрос интерес к региональным телестудиям. Подобная ситуация отражает общий тренд в исторической науке – переход от макроистории к региональным исследованиям;
- 2) функции телевидения: исследователи выделяют несколько ключевых функций советского телевидения: идеологическую, информационную, культурно-просветительскую и развлекательную. В постсоветский период акцент сместился на анализ его роли в повседневной жизни граждан;
- 3) методология: в советский период исследования опирались на марксистско-ленинскую методологию, тогда как после 1991 г. появились работы, сравнивающие советское телевидение с зарубежными аналогами (например, труды Н.А. Голядкина).

К основным «белым пятнам» историографии на современном этапе можно отнести следующие: 1) недостаточная изученность регионов: многие области и республики (например, Оренбургская область) до сих пор не охвачены диссертационными исследованиями об истории советского телевидения; 2) отсутствие комплексного анализа: нет масштабного труда, который бы обобщил взаимосвязь центрального и регионального телевидения, а также объективно оценил деятельность советского телевидения без политизированности. Во многом данный пробел связан с ситуацией, описанной выше; 3) повседневность телевидения: мало изучены такие аспекты, как восприятие телевидения зрителями, его влияние на мировоззрение советских граждан, роль телеведущих и других деятелей телевидения в формировании общественного мнения.

Историография проблемы демонстрирует, что советское телевидение является сложным и многогранным историко-культурным феноменом, изучение которого продолжает оставаться актуальным.

Несмотря на значительный объем уже проведенных исследований, остаются нераскрытые вопросы, требующие дальнейшего научного осмысления. Развитие историографии советского телевидения отражает общие тенденции в гуманитарных науках – от изучения «больших нарративов» к анализу региональных явлений и повседневности.

Литература

- Абрамов 2021 – *Абрамов Д.А.* История изучения спортивного телевидения в Советском Союзе и современной России // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 4 (36). С. 47–54.
- Бженников 1985 – *Бженников М.М.* Радио и телевидение КБА ССР: особенности становления, пропагандистского воздействия, структуры аудитории. Нальчик: Эльбрус, 1985. 136 с.
- Большакова 2012 – *Большакова Т.Л., Любичанковский С.В.* Леонид Большаков: автопортрет на фоне эпохи. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический ун-т, 2012. 460 с.
- Гершон 2024 – *Гершон М.М.* Оттепель: Министерство культуры СССР в 1953–1963 гг. М.: Модест Колеров, 2024. 224 с.
- Голядкин 1996 – *Голядкин Н.А.* Краткий очерк становления и развития отечественного и зарубежного телевидения. М., 1996. 123 с.
- Гос 1951 – *Гос С.Э.* Телевидение. М.: Связьиздат, 1951. 122 с.
- Данилов 2009 – *Данилов А. А.* Региональное телевидение в партийно-государственной политике советского периода: исторический опыт Среднего Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2009. № 4. С. 23–31.
- Даутова 2004 – *Даутова Р.В.* Становление и развитие телевидения в Татарстане: вторая половина 1950-х – 1985 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань: Казанский государственный ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. 26 с.
- Дугин 1982 – *Дугин Е.Я.* Местное телевидение: типология, факторы и условия формирования программ. М.: Изд-во МГУ, 1982. 103 с.
- Жукова 2019 – *Жукова М.М.* Аудиовизуальные документы радио и телевидения в составе отечественного документального наследия: вопросы комплектования, хранения и изучения // Вестник архивиста. 2019. № 1. С. 89–101.
- Козлова 2006 – *Козлова Л.В.* Становление и развитие регионального телевидения во второй половине XX – начале XXI в.: на материалах Амурской области: дис. ... канд. ист. наук; Дальневосточный государственный гуманитарный ун-т. Хабаровск, 2006. 210 с.
- Лебина 2021 – *Лебина Н. Б.* Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е гг. СПб.: Крига, 2021. 560 с.
- Морозова 2025 – *Морозова П. А.* От формального равенства к неформальному лидерству: Ленинградская студия телевидения в контексте межрегиональных связей в 1960-е гг. // Тульский научный вестник. Серия «История. Языкознание». 2025. № 1 (21). С. 66–75.

- Мухаметзянова 2006 – *Мухаметзянова Э.В.* История развития республиканского телевидения и его роль в организации культурной жизни народов Башкортостана в 1956–2000 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург: Оренбургский государственный педагогический ун-т, 2006. 22 с.
- Новикова 2013 – *Новикова А.А.* Телевизионная реальность: экранная интерпретация действительности. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2013. 235 с.
- Рошаль 2001 – *Рошаль Л.М.* Эффект скрытого изображения: Факт и автор в неигровом кино. М.: Материк, 2001. 204 с.
- Татарников 2024 – *Татарников О.В.* Феномен советского регионального телевидения (на примере Оренбуржья) // *Via in Tempore. История. Политология.* 2024. Т. 51. № 3. С. 739–746.
- Товмасын 1971 – *Товмасын А.К.* Из истории телевидения и фототелеграфа. Ереван: Изд-во Академии наук Армянской ССР, 1971. 123 с.
- Цвик 1989 – *Цвик В.* Парадоксы развития местного вещания // *Телевидение: вчера, сегодня, завтра* / сост. Е.Я. Дугин. М.: Искусство, 1989. С. 64–74.
- Юровский 1983 – *Юровский А.Ю.* Телевидение – поиски и решения: Очерки истории и теории советской тележурналистики. М.: Искусство, 1983. 215 с.
- Ярных 2022 – *Ярных В.И.* Корпоративное телевидение как инструмент корпоративной бренд-журналистики // *Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология».* 2022. № 10. С. 73–81.

References

- Abramov, D.A. (2021), “The history of the study of sports television in the Soviet Union and modern Russia”, *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*, vol. 1, no. 4 (36), pp. 47–54.
- Bol'shakova, T.L. and Lyubichankovskii, S.V. (2012), *Leonid Bol'shakov: avtoportret na fone epokhi* [Leonid Bol'shakov: self-portrait against the background of the epoch], *Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet*, Orenburg, Russia.
- Bzhennikov, M.M. (1985), *Radio i televidenie KBA SSR: osobennosti stanovleniya, propagandistskogo vozdeistviya, struktury auditorii* [Radio and television of the KB SSR. Features of formation, propaganda impact, audience structure], *El'brus, Nal'chik, USSR*.
- Danilov, A.A. (2009), “Regional television in party-and-state policy of the Soviet period: historic experience of the Middle Povoljye”, *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4, pp. 23–31.
- Dautova, R.V. (2004), *Stanovlenie i razvitie televideniya v Tatarstane: vtoraya polovina 1950-kh – 1985 gg.* [The formation and development of television in Tatarstan: The second half of the 1950s – 1985], Abstract of Ph.D. dissertation (History), *Kazanskii gosudarstvennyi universitet imyutsh V.I. Ul'yanova-Lenina*, Kazan', Russia.

- Dugin, E.Ya. (1982), *Mestnoe televidenie: tipologiya, faktory i usloviya formirovaniya programm* [Local television: typology, factors and conditions of program formation], Izdatel'stvo MGU, Moscow, USSR.
- Gershzon, M.M. (2024), *Ottepel': Ministerstvo kul'tury SSSR v 1953–1963 gg.* [The Thaw. Ministry of Culture of the USSR in 1953–1963], Modest Kolerov, Moscow, Russia.
- Golyadkin, N.A. (1996), *Kratkii ocherk stanovleniya i razvitiya otechestvennogo i zarubezhnogo televideniya* [A brief outline of the formation and development of domestic and foreign television], Moscow, Russia.
- Gos, S.E. (1951), *Televidenie* [Television], Svyaz'izdat, Moscow, USSR.
- Kozlova, L.V. (2006), *Stanovlenie i razvitie regional'nogo televideniya vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v.: na materialakh Amurskoi oblasti* [The formation and development of regional television in the second half of the 20th – early 21st century: based on the materials of the Amur region], Ph.D. Thesis (History), Khabarovsk, Russia.
- Lebina, N.B. (2021), *Povsednevnost' epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsiya bol'shogo stilya: Leningrad, 1950–1960-e gg.* [Everyday life in the era of space and corn: The destruction of the big style: Leningrad, the 1950s and the 1960s], Kriga, Saint Petersburg, Russia.
- Morozova, P.A. (2025), “From formal equality to informal leadership: The Leningrad Television Studio in the context of inter-regional relations in the 1960s”, *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya «Istoriya. Yazykoznanie»*, vol. 21, no. 1, pp. 66–75. Mukhametzyanova, E.V. (2006), *Istoriya razvitiya respublikanskogo televideniya i ego rol' v organizatsii kul'turnoi zhizni narodov Bashkortostana v 1956–2000 gg.* [The history of the development of republican television and its role in organizing the cultural life of the peoples of Bashkortostan in 1956–2000], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Orenburgskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, Orenburg, Russia.
- Novikova, A.A. (2013), *Televizionnaya real'nost': ekrannaya interpretatsiya deistvitel'nosti* [Television reality: on-screen interpretation of reality], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia.
- Roshal', L.M. (2001), *Effekt skrytogo izobrazheniya: Fakt i avtor v neigrovom kino* [The hidden image effect: a fact and an author in non-fiction cinema], Materik, Moscow, Russia.
- Tatarnikov, O.V. (2024), “The phenomenon of Soviet regional television (on the example of the Orenburg Region)”, *Via in Tempore. History and Political Science*, vol. 51, no. 3, pp. 739–746.
- Tovmasyan, A.K. (1971), *Iz istorii televideniya i fototelegrafa* [From the history of television and phototelegraphy], Izdatel'stvo Akademii nauk Armyanskoi SSR, Erevan, USSR.
- Tsvik, V. (1989), “Paradoxes of the development of local broadcasting”, in Dugin, E.Ya., comp., *Televidenie: vchera, segodnya, zavra* [Television: yesterday, today, tomorrow], Iskusstvo, Moscow, USSR.
- Zhukova, M.M. (2019), “Radio and television aquisition, storage, and study”, *Herald of an Archivist*, no. 1, pp. 89–101.

- Yarnykh, V.I. (2022), "Corporate TV as a tool of corporate brand journalism", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 10, pp. 73–81.
- Yurovskij, A.Yu. (1983), *Televidenie – poiski i resheniya: Ocherki istorii i teorii sovetskoi telezhurnalistiki* [Television – searches and solutions: Essays on the history and theory of Soviet television journalism], Iskusstvo, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Олег В. Татарников, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия; 460014, Россия, Оренбург, ул. Советская, д. 19; oleg14.07.2000@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-0009-9378

Information about the author

Oleg V. Tatarnikov, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia; 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014; oleg14.07.2000@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-0009-9378

УДК 930(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-122-138

Мемуары политических и государственных деятелей современной России как фактор формирования исторического нарратива

Наталья В. Елисеева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, NVElyseeva@yandex.ru*

Аннотация. История современной России документирована множеством источников, среди которых большой комплекс подставляют мемуары политических и государственных деятелей Советского Союза и Российской Федерации. В современной отечественной историографии мемуары признаются значимым источником, хотя их роль в формировании исторического нарратива требует дополнительного изучения. Они важны для реконструкции событий, верификации интерпретаций и развития новых направлений исследований. Мемуары влияют на коллективную память, служат политическим аргументом при оценке тех или иных событий российской истории. Однако их использование в исторических исследованиях связано с рядом проблем, включая политическую ангажированность и коммерческую заинтересованность авторов и издателей. С конца XX в. Советский Союз, а затем и Россия пережили революционные потрясения – распад огромного союзного государства и переход на новую парадигму развития. Коллизии этих событий породили уникальное явление современности – стремление политиков и государственных деятелей оставить свои воспоминания и сделать их достоянием общественности. Масштабность издания мемуаров президентов СССР и России, их помощников и советников, военных деятелей и дипломатов ставит на повестку вопрос о комплексном подходе к изучению этих уникальных по содержанию исторических свидетельств не только как единиц индивидуального воспоминания, но и как массовых исторических источников.

Ключевые слова: мемуары, интерпретация, нарратив, самоцензура, систематизация, массовые исторические источники

Статья поступила в редакцию 14 ноября 2025 г.;
принята к публикации 19 января 2026 г.

© Елисеева Н.В., 2026

Для цитирования: Елисеева Н.В. Мемуары политических и государственных деятелей современной России как фактор формирования исторического нарратива // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 122–138. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-122-138

Memoirs of political and state figures of contemporary Russia as a factor in the formation of historical narratives

Natalia V. Eliseeva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, NVElyseefa@yandex.ru*

Abstract. The history of modern Russia is documented by many sources, among which is a large complex that includes the memoirs of political and state figures of the Soviet Union and the Russian Federation. In modern Russian historiography, memoirs are recognized as a significant source, although their role in shaping the historical narrative requires additional study. They are important for reconstructing events, verifying interpretations, and developing new research directions. Memoirs influence the collective memory and serve as a political argument in assessing certain events in Russian history. However, their use in historical research is associated with a number of problems, including political bias and commercial interest of the authors and publishers. Since the end of the twentieth century, the Soviet Union and then Russia have experienced revolutionary upheavals – the collapse of a huge union state and the transition to a new development paradigm. The collisions of those events have given rise to a unique phenomenon of our time – the desire of politicians and statesmen to leave their reminiscences and make them public. The scale of the publication of the memoirs of the presidents of the USSR and Russia, their assistants and advisers, the military figures and diplomats raises the issue of a comprehensive approach to the study of these unique historical testimonies not only as the units of individual memory, but also as mass historical sources.

Keywords: memoirs, interpretation, narrative, self-censorship, systematization

The article was submitted for publication 14.11.2025;
accepted for publication 19.01.2026.

For citation: Eliseeva, N.V. (2026), “Memoirs of political and state figures of contemporary Russia as a factor in the formation of historical narratives “, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 122–138, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-122-138

Введение

История современной России берет свое начало с реформ М.С. Горбачева, известных как перестройка (1985–1991 гг.), и представляет собой многослойную и многогранную реальность недавнего прошлого, которая документирована обширным массивом исторических источников – законодательных актов, федеральных, региональных, ведомственных и партийных материалов, данных статистики, печатных и электронных СМИ. Особое значение в этом источниковом комплексе в последние годы приобрели мемуары позднесоветских и российских государственных и политических деятелей (политические мемуары).

Вовлеченность мемуаров в формирование нарратива по истории современной России во многом связана с отказом отечественной историографии от марксистской традиции трактовки исторического процесса только как действия масс и государства и признание в нем индивидуального человеческого участия. Сегодня политические мемуары (как и другие источники личного происхождения) уже не считаются второстепенными носителями исторической информации, «неполноценными свидетельствами», как это было характерно для советского периода развития обществоведения [Источникведение 2004]. Этот факт отмечается в отечественном источниковедении и исследовательской литературе [Архипова 2020, с. 609–613; Елисеева 2019, с. 155–166].

Политические мемуары уникальны по своей способности сочетать личный опыт с осмыслением ключевых политических процессов, интересны с точки зрения содержащейся в них информации, отсутствующей в официальных документах, в частности, такой как эмоциональный, неформальный контекст событий, мотивы принятия решений, сложные переплетения личностных отношений и их влияние на ход истории [Хорхордина 2024].

Политические мемуары по истории современной России отличаются от своих предшественников оперативностью написания и издания, зависимостью от медиа и условий производства. Их авторам присуща не только самоцензура, но и часто коммерческая заинтересованность, связь с различными политическими силами. На фоне конкуренции версий современной истории России между группами элит и идеологиями, политические мемуары по современной истории России выступают одновременно как источник уникальной информации и как элемент текущей политической борьбы за конструирование коллективной памяти.

В условиях реформ М.С. Горбачева и переходного состояния российского общества в 1990-е гг. интенсивность развития жанра

мемуаристики возростала благодаря общественному спросу на литературу подобного рода и деятельности отечественных издательств, отразившей не просто издательский тренд, а глубокий социокультурный феномен. Мемуарная литература по этому периоду представлена в исследовательских работах (см., например: [Безбородов, Елисеева 2021; Безбородов, Елисеева 2025]). Число мемуаров по истории современной России в итоге составило сотни разнообразных текстов в книжном и цифровом форматах, образовав гигантский массив свидетельств, без которого невозможно понять историю реформ М.С. Горбачева, эпохи Б.Н. Ельцина и сложных 2000-х гг.

Издательства выступают не просто агентами авторов мемуаров, но и полноценными создателями массовой мемуаристики и влиятельными акторами формирования мемуарного нарратива по истории современной России. По данным Российского книжного союза (РКС), в России функционируют более 3200 издательств – государственных, частных, кооперативных, акционерных, партийных и общественных. В зависимости от статусной принадлежности издательства отдают предпочтение разным авторам-мемуаристам, используют различные механизмы продвижения своей продукции к читателю: тираж, аннотации, маркетинговые ходы. При этом издатели руководствуются различными соображениями. Среди таковых: 1) политическая полезность (предпочтение отдается тем мемуарам, которые способствуют утверждению определенного нарратива при освещении описываемых событий); 2) коммерческая конъюнктура (публикации скандальных фигур или «горячих» тем»); 3) научная значимость [Источниковедение 2004, с. 59–65].

И политические, и научные, и коммерческие цели при издании политических мемуаров не исключают редакционной обработки мемуарных текстов. Она включает в себя: 1) редактуру (сокрытие или усиление неудобных фактов); 2) структурирование текста, написание предисловий, аннотаций, послесловий, способствующих заданности восприятия текста мемуаров; 3) использование возможностей рекламы, яркое оформление (книжного и электронного) обложки и т. д. К этому следует добавить, что многие издательства переиздают мемуары политиков, тиражируя текст в разных форматах (например, мемуары Б.Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему», «Президентский марафон» «Записки президента») издаются и переиздаются в трех-четырёх издательствах в течение ряда лет)¹.

¹ Мемуарная литература: проблемы издания и распространения // Российское историческое общество. URL: historyrussia.org/sobytiya/memuarnaya-literatura-problemy-izdaniya-i-rasprostraneniya.html (дата обращения: 20.09.2025).

Мемуары, прошедшие через фильтр издательской политики, превращаются в политический инструмент формирования общественного мнения, служат фактором дискуссий, аргументом историографических и исторических нарративов по истории современной России.

Другой аспект массового эффекта политических мемуаров связан с развитием новых технологий, их распространением в интернете администрациями различных сайтов в электронном формате, а также в виде аудиокниг, микроконтентов соцсетей, интерактивных веб-версий, интервью, что создает эффект «пополняемости» мемуаров новыми фактами и оценками.

Массовость мемуарных текстов по истории современной России ведет к возрастанию значимости этого источника в реконструкции ряда исторических событий, верификации или опровержения различных исторических интерпретаций, формирования дискурсивных проблем. В исторических исследованиях мемуары политиков и государственных деятелей позднесоветского Союза и современной России интенсивно используются в качестве иллюстраций, подтверждений или опровержений авторских версий исторических событий и оценок². Однако с учетом их многочисленности возможен подход к ним не только как к *единицам исторической информации*, но и как к *массовым историческим источникам*. Такой подход к мемуарной литературе уже опробован в отечественной историографической практике и связан с использованием количественных методов анализа [Гарскова, Симонженкова 2019; Колесникова 2005].

Цель статьи – выявить информационный потенциал политических мемуаров по истории современной России как массовых исторических источников.

Мемуары политиков и государственных деятелей как массовый исторический источник

Методология массовых исторических источников разработана в советской исторической науке в трудах Б.Г. Литвака и И.Д. Ковальченко и продолжена отечественными источниковедцами. Признаками массовых источников, согласно этой методологии, выступают: 1) ординарность обстоятельств происхождения; 2) однородность, аналогичность или повторяемость содержания;

² Подробнее см.: *Пашковская Т.Г.* Эвристический потенциал мемуаристики в историческом исследовании // Грамота. 2016. № 7 (69). С. 110–112. URL: www.gramota.net/editions/3.html (дата обращения: 20.09.2025).

3) стандартизация формы, а также однотипность общественных явлений, отраженных в источнике [Литвак 1979; Ковальченко 1987].

Политические мемуары по истории современной России соответствуют критериям массовости. В основе текстов этих мемуаров лежат одни и те же общественные явления – реформы второй половины 1980-х и 1990-х гг., коллизии политической жизни, обстоятельства принятия решений по одним и тем же вопросам. Авторы мемуаров пишут друг о друге, дают оценки своим и чужим действиям, иными словами, тексты мемуаров по современной истории России при всем разнообразии *ординарны по происхождению, достаточно однородны и повторяемы по содержанию*.

Политические мемуары относятся к литературно-публицистическому жанру, в котором авторы в ретроспективной форме излагают свои воспоминания о событиях, участниками или свидетелями которых они являлись. Особенность политической мемуаристики – ее не протокольный, а интерпретационный характер.

Понятие «политической мемуаристики» как специфической формы исторической памяти, воплощенной в нарративах политических деятелей и государственных лидеров, в теоретическом плане разработано слабо. Вместе с тем в практике исторических исследований с привлечением политических мемуаров можно выделить их типы: 1) литературные портреты: фокусируются на описании политических деятелей; 2) «историография»: акцент на событиях, а не персоналиях; 3) автобиография: субъективное повествование, где политические события становятся фоном личной истории.

Одним из ключевых при использовании политических мемуаров в исторических исследованиях является вопрос достоверности приводимых в них фактов. Его решение учитывает, во-первых, субъективность мемуариста, стремящегося идеализировать свою роль в тех или иных событиях и с этой целью искажающего факты. Во-вторых, идеологическую ангажированность автора, обусловленную задачей пропаганды определенных идей при изложении фактов. В-третьих, исторический контекст мемуарного повествования и время написания мемуара. Личная вовлеченность авторов мемуаров в большие политические события позволяет рассматривать политические мемуары как уникальный поджанр мемуаристики. Основной целью мемуаристов-политиков является не только документирование исторических событий, но и стремление продлить свою политическую жизнь, объяснить и оправдать свои действия, сохранить политический авторитет и влияние.

Систематизация совокупности массива политических мемуаров основывается на синтезе жанрового, историко-типологического и персоналистского подходов.

Самым общим подходом может служить группировка мемуаров по периодам: вторая половина 1980-х гг. – перестройка, 1990-е гг. – эпоха Б.Н. Ельцина, и 2000-е гг. – стабилизация. А также по описываемым событиям, например ГКЧП СССР, «шоковая терапия», «вертикаль власти». При такой группировке ясна структура события, его причины, следствия и оценки.

Зачинателем жанра политической мемуаристики в современной России стал М.С. Горбачев. Его основная работа в этом жанре – книга «Жизнь и реформы (двухтомное издание, опубликованное в 1995 г.). Богатое содержание (личная жизнь, механизм принятия решений, детали реформирования экономики и политической системы страны, борьба с оппозицией) включает в себя признание своих ошибок, объяснение и оправдание мотивов своих действий, дискуссии с оппонентами, защиту своих позиций, философские размышления и т. д.

Статус этого издания подчеркивает инсайдерское положение мемуаров: они вышли в России, когда их автор был не просто вне политики, но и в положении отверженного политика новой российской властью. Авторство мемуаров М.С. Горбачева не вызывает сомнений, хотя известно, что большую роль в его эпистолярном творчестве играл А.С. Черняев – помощник и соратник. М.С. Горбачев обращался к теме прошлого и издал серию книг (собрание сочинений М.С. Горбачева насчитывает 30 томов), дал десятки интервью, выступал на конференциях. Тексты Горбачева – сложный мемуарный комплекс, в котором автор вполне сознательно «обошел» многие «неудобные темы» (например, события в Прибалтике), порой опровергал собственные высказывания (о наличии программы перестройки). Его личная судьба как низвергнутого политика серьезно повлияла на содержание мемуаров: он полемизировал с новой российской властью, что сказалось не только на оценках истории перестройки, но и на отборе фактического материала.

Центральной фигурой в мемуарах по 1990-м гг. выступает первый российский президент Б.Н. Ельцин. Он сам не писал свои мемуары. Тексты создавались В.Б. Юмашевым – журналистом, сотрудником ряда российских газет и журнала «Огонек». Мемуары под именем Ельцина опубликованы в нескольких изданиях. Они представляют собой трилогию воспоминаний – «Исповедь на заданную тему» (о событиях до 1989 г.)³, «Записки президента» (события 1990–1993 гг., августовский путч 1991 г., распад СССР,

³ *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. М.: РОССПЭН, 2008. Англ. перевод: *El'tsin B.N.* Against the grain: An autobiography. N.Y.; L.: Summit Books, 1990.

начало реформ, конституционный кризис 1993 г.)⁴, «Президентский марафон» (второй президентский срок – 1996–1999 гг. – реформы, отставка 1999 г.)⁵. Стиль мемуаров – патетический, с элементами популизма и самовосхваления. В целом они – гибрид личных воспоминаний и политических посланий читателям. Мемуарное наследие Ельцина – вклад в разработку демократической историографии по истории современной России.

Мемуары и М.С. Горбачева, и Б.Н. Ельцина существенно повлияли на научный дискурс по истории второй половины 1980-х, 1990-х и 2000-х гг., формируя поляризованные нарративы и задавая ключевые исследовательские рамки.

Таблица 1

Ключевые различия в интерпретации событий

Событие	Позиция Б.Н. Ельцина	Позиция Горбачева
ГКЧП СССР 1991 г.	Путч доказал нежизнеспособность СССР	ГКЧП СССР уничтожил последние шансы на сохранение Союза
Беловежское соглашение, декабрь 1991 г.	Соглашение лишь юридически оформило распад СССР, который уже был случившимся фактом	Незаконный сговор разрушил СССР без правовых процедур
Запрет КПСС, 1991 г.	Необходимый шаг для ликвидации «имперского каркаса»	Предательство, лишившее страну управленческой системы

Вторую группу мемуаров по политической истории современной России составляют мемуары «второго ряда». Это свидетельства ближайшего окружения первых лиц СССР (М.С. Горбачева) и России (Б.Н. Ельцина). К числу таких в мемуаристике перестройки относятся воспоминания Н.И. Рыжкова (председателя правительства СССР в годы перестройки), Е.К. Лигачева (секретаря ЦК КПСС в 1985–1991 гг.), В.С. Павлова (премьер-министра СССР,

⁴ *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. То же. М.: РОССПЭН, 2008. То же. М.: Синдбад, 2015. Англ. перевод: *Yeltsin B.N.* The struggle for Russia. N.Y.: Belka Publications Corp.: Times Books, 1994.

⁵ *Ельцин Б.Н.* Президентский марафон: Размышления, воспоминания, впечатления. М.: АСТ, 2000. То же. М.: РОССПЭН, 2008. Англ. перевод: *El'tsin B.N.* Midnight Diaries. N.Y.: Public Affairs, 2000.

члена ГКЧП СССР) и др.⁶ Примечательно, что мемуаристы «второго ряда» оставили критические воспоминания о М.С. Горбачеве, фактически создав мемуарный критический нарратив.

«Второй ряд» в мемуаристике 1990-х гг. составляют книги А.В. Руцкого (вице-президента РСФСР в 1991–1993 гг.), Р.И. Хасбулатова (председателя ВС РСФСР в 1991–1993 гг.), В.С. Черномырдина (председателя правительства России в 1992–1998 гг.).⁷ Каждый из этих политиков оставил целые серии воспоминаний о годах, проведенных в структурах власти⁸.

Третью группу мемуаров (третий ряд) составляет большой комплекс мемуаров помощников и советников М.С. Горбачева (А.С. Черняева, В.И. Болдина, Г.Х. Шахназарова и др.)⁹ и Б.Н. Ельцина (Л.Е. Суханова М.Н. Полторанина, В.В. Костикова и др.)¹⁰. Авторы, находясь в центре событий, описывают такие детали, которые недоступны внешним наблюдателям: мотивы принятия решений, конфликты, неформальные отношения политических деятелей, их личностные качества. В текстах могут упоминаться слухи, закулисные интриги, провалы в деятельности, которые замалчивались публично. Эти мемуары незаменимы для понимания «кухни»

⁶ *Рыжков Н.И.* Перестройка: История предательства. М.: Новости. 1992 г.; *Он же.* Трагедия великой страны. М.: Вече. 2007; *Он же.* Главный свидетель: Дело о развале СССР. М.: Родина, 2009; *Он же.* Горбачев: Анатомия предательства. М.: Родина. 2021; *Лигачев Е.К.* Загадка Горбачева. М.: Интербук, 1992; *Он же.* Предостережение: воспоминания. М.: Газета «Правда», 1999; *Он же.* Борис был не прав. М.: Алгоритм, 2012; *Павлов В.С.* Август изнутри: Горбачев-путч. М.: Деловой мир: МП «Газета “Фрезер”», 1993.

⁷ *Руцкой А.В.* Лефортовские протоколы. М.: Палея, 1994; *Он же.* О нас и о себе. М.: Научная книга, 1995; *Хасбулатов Р.И.* Великая российская трагедия. М.: ТОО «СИМС», 1994; *Черномырдин В.С.* Народный премьер: 1990–1998: мемуары. М.: АНО «Музей В.С. Черномырдина», 2013; и др.

⁸ *Челноков М.* Россия без Союза, Россия без России: Записки депутата расстрелянного парламента / 3-е изд., перераб. и доп. М.: Модест Колеров, 2023.

⁹ *Черняев А.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М.: Терра: Республика, 1997; *Он же.* Совместный исход: Дневник двух эпох (1972–1991 гг.). М.: РОССПЭН, 2010; *Болдин В.И.* Крушение пьедестала: Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995; *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. М.: Вагриус, 2001.

¹⁰ *Полторанин М.Н.* Власть в тротиловом эквиваленте: Из тайников игорного Кремля. М.: Алгоритм, 2010; *Костиков В.В.* Роман с президентом. М.: Вагриус. 1997; *Суханов Л.Е.* Как Ельцин стал президентом: Записки первого помощника. М.: Алгоритм, 2016.

политики. Работа с ними предполагает изучение личности авторов, их «политическую судьбу» на момент написания мемуаров, перекрестную проверку данных и сопоставление с данными других источников, анализ мотивов написания мемуаров, структуру текста.

Особую группу составляют мемуары представителей дипломатического корпуса и военных. Они сориентированы на события, связанные с внешней политикой и историей Вооруженных сил, ограничения и сокращения ядерного оружия, безопасности, национальных интересов¹¹.

Большинство мемуаров всех вышеперечисленных групп написаны в традиционном ключе: хронологический ряд событий, вкрапления документов (часто из личных архивов мемуариста), множество умозаключений оценочного характера. Типичным их признаком является литературная обработка, которая принадлежит, как правило, редактору издательства.

Что касается мемуаристики по 2000-м гг., то в ней можно выделить несколько групп. Во-первых, единственная мемуарного характера книга Президента РФ В.В. Путина – «От первого лица»¹². Книга выстроена в жанре разговора-интервью с президентом журналистами Н. Геворкян, А. Колесниковым, Н. Тимаковой (замдиректора Департамента правительственной информации), в которой президент рассказывает о детстве в Ленинграде, увлечении самбо, работе в КГБ в ГДР и мотивах перехода в политику. Информация этой книги относится к периоду до 2000-х гг., что позволяет говорить скорее о биографической мемуарной работе.

¹¹ *Шеварднадзе Э.А.* Когда рухнул железный занавес: Встречи и воспоминания / пер. с нем. Г. Леоновой. М.: Европа, 2009; *Медведев В.А.* Распад, как он вызревал в «мировой системе социализма». М.: Международные отношения, 1994; *Дубинин Ю.В.* Время перемен: Записки посла в США. М.: АВИАРУС – XXI, 2003; *Квицинский Ю.А.* Время и случай: записки профессионала. М.: Олма-пресс, 1999; *Панкин Б.Д.* Пресловутая эпоха в лицах и масках, событиях и казусах. М.: Центрполиграф, 2002; *Терехов В.* Холодный блеск фортуны: Воспоминания дипломата. М.: МГИМО-Университет, 2012; *Гончаров С.Н.* Заметки о военно-техническом сотрудничестве Китая с СССР и Россией во 2-й половине XX века (с переводом избранных фрагментов из воспоминаний генерал-полковника Лю Хуацина). М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013 (Ученые записки отдела Китая ИВ РАН; вып. 10); *Тимербаев Р.М.* Рассказы о былом: Воспоминания о переговорах по нераспространению и по разоружению и о многом другом. М.: РОССПЭН, 2007; *Колотуша В.И.* Сколько стоит жизнь посла в тротиловом эквиваленте? Бейрутские зарисовки, 1986–1990 гг. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013.

¹² Путин В.В. От первого лица: разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000.

Во-вторых, серия мемуарно-исследовательских книг Е.М. Примакова, где автор рассказывает о своей жизни на протяжении длительного времени и дает немало интересных оценок событиям 1980-х, 1990-х и 2000-х гг., в которых участвовал, будучи и дипломатом, и государственным деятелем, и ученым¹³.

Важную часть мемуаристики о 2000-х гг. составляют воспоминания дипломатов. Среди них – мемуары С.В. Лаврова (министра иностранных дел РФ) «Мы вежливые люди! Размышления о внешней политике» (Серии «Служить России»); В.И. Чуркина, в разные периоды российской истории являвшегося послом в Чили, Бельгии, Канаде, Постоянным представителем России при НАТО, замминистра иностранных дел России, Постоянным представителем России при ООН и в Совете Безопасности этой организации¹⁴. А также книга С.К. Шойгу (военного и государственного деятеля, генерала армии, Героя России, президента Русского географического общества. Возглавлял МЧС РФ с 1991 по 2012 г.; министр обороны РФ с 2012 по 2024 г., Секретарь Совета Безопасности РФ) «Про вчера». Она представляет собой сборник автобиографических рассказов, включает истории из трех эпох: СССР, перестройки и России 1990–2000-х гг.¹⁵

К разряду мемуаров о 2000-х гг. можно отнести мемуары-публицизмы¹⁶. Представитель такого жанра – А. Колесников, журналист, с 2001 г. входил в президентский пул, написал несколько книг мемуарного характера по политической истории России, в центре повествования которых – В.В. Путин. О 2000-х гг. – серия мемуаров политиков-оппозиционеров, например Б.Е. Немцова¹⁷, Ю.М. Лужкова¹⁸ и др.

Группировка мемуаров по степени откровенности их авторов и цели написания позволяет выделить: а) апологетические, например мемуары А.С. Черняева, Л. Суханова; б) разоблачительные/критические (критика системы или своих оппонентов, поступков

¹³ *Примаков Е.М.* Встречи на перекрестках. М.: Центрполиграф, 2017.

¹⁴ *Чуркин В.И.* Трудности перевода. М.: Абрис: ОЛМА, 2020.

¹⁵ *Шойгу С.К.* Про вчера. М.: АСТ, 2020.

¹⁶ *Колесников А.И.* Путин: Человек с Ручьем. Наблюдения журналиста из-за Стенки. М.: Эксмо, 2018; *Он же.* Путин: Прораб на галерах. М.: Эксмо, 2017; *Он же.* Путин: Сверх всякой меры. М.: Изд-во «Э», 2017; *Он же.* Меня Путин видел! 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2005; *Он же.* Я Путина видел! 2-е изд., испр. и доп. М.: Эксмо, 2005.

¹⁷ *Немцов Б.Е.* Исповедь бунтаря. М.: Партизан, 2007; и другие книги автора.

¹⁸ *Лужков Ю.М.* Москва и жизнь. М.: ЭКСМО, 2018; и другие книги автора.

других и т. д.), например мемуары М.Н. Полторанина; в) сенсационные (акцент на скандале, «жареных» фактах и т. п.), например мемуары А.В. Коржакова, Ю. Скуратова¹⁹.

Среди политических мемуаров по истории современной России есть коллективные мемуары – записи заседаний Политбюро в период перестройки, сделанные помощниками М.С. Горбачева²⁰. Несмотря на фрагментированный характер этих записей, «кухня» работы Политбюро ЦК КПСС в годы перестройки представлена в них достаточно подробно.

Другой пример коллективных мемуаров – «Эпоха Ельцина. Очерки политической истории»²¹. Этот труд, созданный помощниками и советниками Б.Н. Ельцина, отражает консолидированный взгляд на историю России 1985–1999 гг., включает в себя фрагменты документов, малоизвестных исследователям. Феномен этих мемуаров – взвешенная позиция, несмотря на то что созданы они были авторами после их отставки с занимаемых постов.

Особую группу составляют мемуары военных деятелей²². Как правило, они не столько об армии, сколько о политике и военных, об участии военных в решении гражданских и региональных конфликтов в период перестройки и в 1990-е гг.

Западные авторы также составили часть мемуаристики по истории современной России. В основном это мемуары по внешней политике тех или иных стран и отношений с СССР или Россией²³.

¹⁹ *Коржаков А.В.* Борис Ельцин: От рассвета до заката. М.: Интербук, 1997; *Он же.* Ближний круг «царя Бориса». М.: Алгоритм, 2012; *Скуратов Ю.* Кремлевские подряды: Последнее дело прокурора. М.: Родина. 2020.

²⁰ В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

²¹ Эпоха Ельцина: Очерки политической истории / Ю.М. Батулин, А.Л. Ильин, В.Ф. Кадацкий, В.В. Костиков, М.А. Краснов, А.Я. Лившиц, К.В. Никифоров, Л.Г. Пихоя, Г.А. Сатаров. 2-е изд. М.: Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2011. Первое издание увидело свет в 2001 г.

²² *Язов Д.Т.* Удары судьбы: Воспоминания солдата и маршала. М.: Центрполиграф, 2016; *Куликов А.* Тяжелые «звезды». Мн.: Попурри, 2016.

²³ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим / пер. с англ. М., 2004; *Бювалда Р.* Дневник дипломата: Записки Чрезвычайного и Полномочного посла Королевства Нидерландов в Москве: 1986–1990 гг.: Пер. с нид. М.: Наука, 2000; *Мэтлок Дж.Ф.* Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза / пер. с англ. Т. Вудрявцевой, В. Мисюченко. М.: Рудомино, 2003; *Бешлосс М., Тэлбот С.* На самом высоком уровне: Закулисная история окончания «холодной войны». М.: АО «Все для вас», 1994;

Интересны воспоминания Р. Рейгана о перестройке, Б. Клинтона о России 1990-х гг., Х. Клинтон о «перезагрузке» российско-американских отношений и о ее встречах с В.В. Путиным, Д.А. Медведевым, С.В. Лавровым²⁴. Среди западных есть и мемуары по истории экономических отношений, в частности мемуары сотрудника МВФ, посвященные внутренним перипетиям в российских правящих кругах во время дефолта 1998 г.²⁵

Технологически труден подход «по статусу текста»: книги, интервью, статьи, колонки, блоги авторов, стенограммы выступлений/лекций, расшифровки частных бесед и т. п. Разработка этого подхода – задача исследователей, но результаты его использования позволят изучить эволюцию авторских позиций мемуаристов, существенно дополнить фактуру.

К числу мемуаров по современной истории России с определенными оговорками можно отнести тип литературы, в которой соединены жанры воспоминаний и научного исследования. Среди них монографии А.Н. Яковлева. Будучи профессиональным историком, он одновременно выступил и как участник реформ в годы перестройки, фактический автор политики гласности²⁶.

Похожий тип литературы-мемуара – монографические исследования А.В. Шубина, участвовавшего в неформальных организациях периода перестройки²⁷. Синтез анализа и воспоминаний представлен в работах В.Л. Шейниса, посвященных истории борьбы России за суверенитет в составе СССР и формирования первого российского парламента²⁸, Р.И. Хасбулатова, раскрывающих исто-

Они же. Измена в Кремле: Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами. М.: Алгоритм, 2021; *Тэтчер М.* Искусство управления государством: Стратегии для меняющегося мира. М.: Альпина Паблицер, 2003; *Олбрайт М.* Госпожа госсекретарь: Мемуары Мадлен Олбрайт / пер. с англ. А. Лисовского и др. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004; *Клинтон У.Дж.* Моя жизнь / [пер. с англ. М. Никольский и др.]. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005; *Рейган Р.* Жизнь по-американски. М.: Новости, 1992.

²⁴ *Клинтон Х.* Тяжелые времена / пер. с англ. К.А. Мовчан. М.: Эксмо, 2016.

²⁵ *Гилман М.* Дефолт, которого могло не быть / [пер. с англ. А. Багаева]. М.: Время, 2009.

²⁶ *Яковлев А.Н.* Омут памяти: От Столыпина до Путина: В 2 кн. М.: Вагриус, 2001. В переработанном варианте книга получила название «Сумерки».

²⁷ *Шубин А.В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М.: Вече, 2008; и другие книги автора.

²⁸ *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): В 2 т. М.: Изд-во Р. Элинина, 2005.

рию конфликта между ВС РСФСР и Президентом²⁹. К мемуарам-исследованиям, включающим сюжеты по истории СССР, России 1990-х и 2000-х гг., относятся монографии Н.С. Леонова – генерал-лейтенанта, начальника Аналитического управления КГБ СССР, замначальника Первого Главного управления КГБ СССР, доктора исторических наук профессора МГИМО, депутата Государственной Думы в 2003–2007 гг.³⁰

Другой подход к систематизации политических – различные способы их типологии по разным критериям.

Таблица 2

Типология политических мемуаров
по различным критериям

Критерии	Типология	Пример
Роль автора	Организатор, участник, помощник	М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, А.С. Черняев
Хронология	Описание события	Реформы в СССР в 1985–1991 гг.
Социальный статус	Генеральный секретарь ЦК КПСС, Президент СССР, председатель Правительства СССР, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, помощник организатора	Главный инициатор кардинальных преобразований в стране (М.С. Горбачев), участник экономического реформирования (Н.И. Рыжков), советник, помощник, координатор (А.С. Черняев)
Рефлексия	От социализма «с человеческим лицом» до перехода на рыночные отношения	(М.С. Горбачев), от соратника реформатора-Горбачева до его оппонента (Н.И. Рыжков), от советника-сопроводителя до советника-влиятельного на решения (А.С. Черняев)

Данный подход позволяет анализировать мемуарное наследие как полифоническое пространство, где сталкиваются различные версии прошлого.

²⁹ *Хасбулатов Р.И.* «Либеральная тирания» Ельцина: Международный заговор против России. М.: Яуза-пресс, 2016.

³⁰ *Леонов Н.С.* Крестный путь России. М.: Русский дом, 2003; *Он же.* Россия, 2000–2008: Закат или рассвет? М.: Русский дом, 2008; *Он же.* Что еще может Путин? М.: Алгоритм, 2012; *Он же.* Лихолетье: Последние годы СССР. М.: Родина, 2020.

Одной из разновидностей анализа комплекса политических мемуаров может служить метод составления мемуарных карт. Этот метод включает в себя построение текстов по событию и его описанию: центральная фигура (Б.Н. Ельцин); оппонент (М.С. Горбачев), свидетели «второго плана» (со стороны М.С. Горбачева и со стороны Б.Н. Ельцина) и т. д.

В Интернете можно обнаружить и так называемые аутсайдерские мемуары. Дефиниция «аутсайдерские мемуары» не разработана в новейшей историографии, но используется в политических дискуссиях. Этот тип мемуаров рождается в среде политических маргиналов, оппозиции, т. е. групп политиков и государственных деятелей, социально исключенных из категории «своих». Они также составляют часть мемуарного поля по истории современной России³¹.

Заключение

Массовый характер политических мемуаров по истории современной России позволяет значительно расширить исследовательскую проблематику при комплексной разработке методов их анализа с применением различных подходов – группировки, типологии, а также социологического анкетирования и т. п. Важной представляется проблематика распространения политических мемуаров в российском информационном пространстве (через интернет, обсуждение в социальных сетях) и влияние политики издательств и администраций сайтов на отбор и продвижение тех или иных мемуаров с определенными целями – научными, политическими, конъюнктурными, коммерческими, что значительно усиливает роль мемуаров в общественном восприятии современной российской истории в процессе формирования исторического сознания российских граждан.

³¹ *Шейнис В.Л.* Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993): В 2 т. М.: Изд-во Р. Элинина, 2005; *Хасбулатов Р.И.* «Либеральная тирания» Ельцина: Международный заговор против России. М.: Яуза-пресс, 2016; *Леонов Н.С.* Крестный путь России. М.: Русский дом, 2003; *Он же.* Россия 2000–2008: Закат или рассвет? М.: Русский дом, 2008; *Он же.* Что еще может Путин? М.: Алгоритм, 2012; *Он же.* Лихолетье: Последние годы СССР. М.: Родина, 2020.

Литература

- Архипова 2020 – *Архипова Т.Г.* Информативность мемуарных источников для изучения истории российской государственности // Документальное наследие и историческая наука: Материалы Уральского историко-архивного форума, посвященного 50-летию историко-архивной специальности в Уральском университете (Екатеринбург, 11–12 сентября 2020 г.). Екатеринбург: Уральский федеральный ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. 784 с.
- Безбородов, Елисеева 2021 – *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В.* Советский Союз и Российская Федерация: 1985–2018 гг.: Очерки истории: Кн. 1: Советский Союз в конце XX столетия: вызовы глобализации. М.: РГГУ, 2021. 508 с.
- Безбородов, Елисеева 2025 – *Безбородов А.Б., Елисеева Н.В.* Советский Союз и Российская Федерация: 1985–2018 гг.: Очерки истории: Кн. 2: Российская Федерация: 1990-е гг. Ч. 2. М.: РГГУ, 2025. 567 с.
- Гарскова, Симонженкова 2019 – *Гарскова И.М., Симонженкова Е.М.* О формализованной методике анализа комплексов мемуарных источников // Историческая информатика. 2019. № 1. С. 169–188.
- Елисеева 2019 – *Елисеева Н.В.* Мемуары современной истории России: проблемы анализа и интерпретации // История современности: Информационные ресурсы, методы и исследовательские практики в России и за рубежом: доклады Международной научно-практической конференции (Москва, 28–29 ноября 2019 г.). М.: РГГУ, 2019. С. 155–165.
- Источниковедение 2004 – Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / под общ. ред. А.К. Соколова. М.: РОССПЭН, 2004. 741 с.
- Ковальченко 1987 – *Ковальченко И.Д.* Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 440 с.
- Колесникова 2005 – *Колесникова Л.А.* Историко-революционная мемуаристика (1917–1935 гг.) как массовый источник по истории русских революций (методика количественного анализа): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 540 с.
- Литвак 1979 – *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации / отв. ред. И.Д. Ковальченко. М.: Наука, 1979. 294 с.
- Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь Мир, 2024. 808 с.

References

- Arkipova, T.G. (2020), “The informative value of memoir sources for studying the history of Russian statehood”, in *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka: Materialy Ural'skogo istoriko-arkhivnogo foruma, posvyashchennogo 50-letiyu istoriko-arkhivnoi spetsial'nosti v Ural'skom universitete (Ekaterinburg, 11–12 sentyabrya 2020 g.)* [Documentary heritage and historical science: Proceedings of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the historical and archival specialty at Ural University, Ekaterinburg (September 11–12, 2020)], Ural'skii federal'nyi un-t im. pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'tsina, Ekaterinburg, Russia.

- Bezborodov, A.B. and Eliseeva, N.V. (2021), *Sovetskii Soyuz i Rossiiskaya Federatsiya: 1985–2018 gg.: Ocherki istorii: Kniga 1: Sovetskii Soyuz v kontse KHKH stoletiya: vyzovy globalizatsii* [In the Soviet Union and the Russian Federation: 1985–2018: Essays on history. Book 1. The Soviet Union at the end of the 20th century: challenges of globalization], RGGU, Moscow, Russia.
- Bezborodov, A.B. and Eliseeva, N.V. (2025), *Sovetskii Soyuz i Rossiiskaya Federatsiya: 1985–2018 gg.: Ocherki istorii: Kniga 2: Rossiiskaya Federatsiya: 1990-e gg.* [The Soviet Union and the Russian Federation: 1985–2018: Essays on history. Book 2: The Russian Federation: The 1990s], RGGU, Moscow, Russia.
- Garskova, I.M. and Simonzhenkova, E.M. (2019), “On the formalized methodology of analyzing memoir source complexes”, *Istoricheskaya informatika*, no. 1, pp. 169–188.
- Eliseeva, N.V. (2019), “Memoirs of modern Russian history: problems of analysis and interpretation”, in *Istoriya sovremenosti: Informatsionnye resursy, metody i issledovatel'skie praktiki v Rossii i za rubezhom: doklady Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 28–29 noyabrya 2019 g.)* [History of modern times. Information resources, methods, and research practices in Russia and abroad. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 28–29, 2019)], Moscow, Russia.
- Khorkhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Archives of personal origin in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Kovalchenko, I.D. (1987), *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research], Nauka, Moscow, USSR.
- Kolesnikova, L.A. (2005), *Istoriko-revolyutsionnaya memuaristika (1917–1935 gg.) kak massovyi istochnik po istorii russkikh revolyutsii (metodika kolichestvennogo analiza)* [Historical and revolutionary memoirs (1917–1935) as a mass source on the history of the Russian revolutions (Methods of quantitative analysis)], D.Sc. Thesis (History), Moscow, Russia.
- Litvak, B.G. (1979), *Ocherki istochnikovedeniya massovoi dokumentatsii* [Essays on the source studies of mass documentation], Nauka, Moscow, USSR.
- Sokolov, A.K., ed. (2004), *Istochnikovedenie noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika* [Source studies of modern Russian history: theory, methodology, and practice], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Наталья В. Елисеева, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; NVElyseefa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6818-6786

Information about the author

Natalia V. Eliseeva, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; NVElyseefa@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6818-6786

Персональная история

УДК 001.32:314

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-139-159

Зигзаги судьбы советского комсомольца и американского социолога Джорджа Фишера

Андрей В. Попов

*Независимый исследователь,
Москва, Россия, insatiable@fryazino.net*

Аннотация. Статья посвящена биографии и творческому пути одного из ведущих американских социологов и политологов Джорджа Фишера (George Fischer) (1923–2005). Первая часть статьи посвящена биографии Дж. Фишера, его непростому жизненному пути, включающему детство и юность в Берлине и Москве, участие во Второй мировой войне в качестве офицера американской армии, научную и общественную деятельность после окончания войны в Германии и США. Особое внимание уделено воспоминаниям его матери – Берте Яковлевне Фишер (Маркуше), которая описывает советское общество 1920–1930-х гг.

Вторая часть статьи раскрывает основные этапы научной деятельности Дж. Фишера. Дается анализ его основных научных трудов, взглядов и концепций. Рассматривается концепция социальной интеграции и «инертности» советских людей, а также вопросы конформизма в западном обществе. В статье рассказывается о работах Дж. Фишера, посвященных пионерам советской социологии – советским социологам 1960-х гг. Рассматривается концепция советского общества как альтернативной модели общественного устройства. Особое внимание уделено выдвинутой Дж. Фишером концепции самоуправляющегося общества.

Ключевые слова: вторая волна эмиграции, Джордж Фишер, зарубежная социология, либерализм, россияка, русское зарубежье, самоуправление, советская социология, социология, социология в США, эмиграция

Статья поступила в редакцию 9 ноября 2025 г.;

принята к публикации 26 января 2025 г.

Для цитирования: Попов А.В. Зигзаги судьбы советского комсомольца и американского социолога Джорджа Фишера // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 139–159. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-139-159

© Попов А.В., 2026

Twists of fate of George Fischer, a Soviet Komsomol member and an American sociologist

Andrei V. Popov

Independent researcher, Moscow, Russia, insatiable@fryzino.net

Abstract. The article focuses on the biography and creative path of one of the leading American sociologists and political scientists George Fischer (1923–2005). The first part of the paper is devoted to G. Fischer's biography, his difficult way of life, including his childhood and youth in Berlin and Moscow, his participation in World War II as an officer in the United States Army, his scientific and social activities in Germany and the USA after the end of the war. Particular attention is paid to the reminiscences of his mother – Markoosha Fischer, who very vividly described the Soviet society of the 1920s and the 1930s.

The second part of the article reveals the main stages of G. Fischer's scientific activities. His main scientific works, views and concepts are analyzed here. The notion of social integration and the Soviet people's "inertia" is considered. The issues of conformism in the Western society are likewise scrutinized. The article also discusses G. Fischer's works dedicated to the pioneers of Soviet sociology – the Soviet sociologists of the 1960s. Besides, the research considers the concept of the Soviet society as an alternative model of a social structure. Special attention is paid to the notion of a self-governing society put forward by G. Fischer.

Keywords: second wave of emigration, George Fischer, foreign sociology, liberalism, rossika, Russian abroad, self-government, Soviet sociology, sociology, sociology in the USA, emigration

The article was submitted for publication 9.11.2025;

accepted for publication 26.01.2026.

For citation: Попов, А.В. (2026), "Twists of fate of George Fischer, a Soviet Komsomol member and an American sociologist", *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 139–159, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-139-159

Биография Джорджа Фишера

Джордж Фишер (George Fischer) – американский социолог, политолог, историк. Основными темами его научных интересов были: социология, политический строй СССР, история либерализма, самоуправление в университетах.

Дж. Фишер родился в Берлине 5 мая 1923 г. При рождении он получил имя Юрий. Только спустя годы, проживая в США, стал использовать имя Джордж.

Отец Дж. Фишера Луис Фишер (Louis Fischer, 1896–1970) родился в Филадельфии в семье эмигрантов из России. Его отец Дэвид Фишер был разнорабочим, затем торговцем рыбой и фруктами. Мать Л. Фишера – Шифра Фишер (девичья фамилия Канзапольски). Луис Фишер вырос в бедности. В Филадельфии работал учителем в образцово-показательной школе при Пенсильванском университете, затем в информационном агентстве. Постоянной работы никогда не имел, тем не менее Луис Фишер смог стать писателем, публицистом. Написал около 20 книг, в том числе биографии Махатмы Ганди и В.И. Ленина. Впоследствии гражданский муж дочери И.В. Сталина Светланы Аллилуевой.

Луи Фишер писал в автобиографии:

...Я никогда не имел постоянной работы. Я всегда хотел быть свободным... У меня никогда не было личной собственности, кроме пишущей машинки и позднее несгораемого шкафа для документов. Я никогда не имел акций и ценных бумаг. Я никогда ничего не страховал. Не был членом какой бы то ни было политической партии, профсоюза или попростивии юности – клуба. Я всегда был свободным человеком...¹

Мать Дж. Фишера Берта Яковлевна Марк (Маркуша) (1888–1977) родилась в России в Ревеле (Таллин), в семье учителя. С 1911 по 1914 г. училась в Лозаннском университете. В 1914–1916 гг. обучалась в Петербургской консерватории по классу фортепьяно. Свободно владела английским, немецким, французским и русскими языками.

Луис Фишер и Берта Марк познакомились в 1921 г. в Нью-Йорке, а поженились в 1922 г. в Москве. О себе и своих родителях Дж. Фишер писал:

Оба странствовали много. И мечтали, как дети прошлого века, более спокойного, чем наш. Первенство отдавали политике. Мечтам и жарким спорам вокруг государств и движений, бунтов и революций. Все это передалось мне. Уже в детстве я странствовал. И немало – без родителей. Без родителей ярких, с широкой натурой, но с шатким браком. Без почти холостяка-отца, без постоянно озабоченной матери, доступных мне лишь урывками. Я жил нынче здесь, завтра там [Фишер 1997, с. 178].

¹ *Фишер Л.* Люди и политика (выдержки из автобиографии) // Вольф М. Трое из 30-х: История несозданного фильма: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 215–216.

Дж. Фишер на протяжении жизни сохранял духовную близость с родителями. От родителей ему во многом передались энергия и жизнелюбие. И, конечно, он многое воспринял от своих выдающихся друзей и учителей, которых встретил на жизненном пути. Историю своей жизни Дж. Фишер называл цепочкой встреч с самим собой, во время которых заново переосмысливаешь биографию и эпоху, в которой выпало жить.

Мать Дж. Фишера, Берта Яковлевна, оставила интересные воспоминания “*My Lives in Russia*”, опубликованные на английском языке в 1944 г. в США. Воспоминания Б.Я. Фишер предваряет посвящение – «Моим сыновьям и их молодым друзьям».

Автор воспоминаний Б.Я. Фишер в годы Первой мировой войны работала в Нью-Йорке секретарем руководителя российской железнодорожной миссии Ю.В. Ломоносова. Затем работала в Копенгагене в датском Красном Кресте, где познакомилась с Н.И. Бухариным. В 1917 г. уехала в США. Была секретарем представителя Российского Красного Креста в Нью-Йорке Давида Дубровского. В 1921 г. переехала в Берлин на работу к своему прежнему начальнику – руководителю железнодорожной миссии профессору Ю.В. Ломоносову. В 1922 г. была личным переводчиком М.М. Литвинова на международной конференции в Генуе. Впоследствии принимала участие в качестве переводчицы в международных конференциях в Гааге и Лозанне, а также на шестом Конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1928 г.

Воспоминания Б.Я. Фишер являются ценным историческим источником, дающим непредвзятый взгляд на развитие политических процессов в СССР. Она подробно описывает свой опыт жизни в СССР, реалии советской жизни 1920–1930-х гг. и, конечно, взросление и становление личностей своих сыновей – Юрия и Виктора.

Она пишет:

Я прожила жизнь советской россиянки. Я делила тяготы и удовольствия жизни с советскими людьми. Я радовалась и мучилась со своими братьями-русскими. Думаю, я знаю, что делает Россию живой, богатой, реальной, которая может плакать, смеяться, бороться, петь, страдать. Если моя книга покажет, что в России есть хорошее и плохое и что мы можем восхищаться хорошим и остерегаться плохого, – я не буду жалеть о сердечной боли, с которой я написала эти страницы².

В 1927 г. семья Фишеров окончательно переезжает в Москву, куда Луи Фишер направлен корреспондентом американских газет “*The Nation*” и “*The Baltimore Sun*”.

² *Fischer M. My lives in Russia. Printed in the United States of America, 1944. P. 8.*

Первое постоянное жилье семьи Фишеров в Москве находилось в доме № 14 на Софийской набережной, принадлежавшем Наркомату иностранных дел. Особняк «сахарного короля» П.И. Харитonenko (Софийская набережная, дом 14) и в настоящее время принадлежит министерству иностранных дел, является памятником архитектуры. Здесь проживали нарком иностранных дел М.М. Литвинов, друзья семьи Фишеров – первый представитель СССР в Лиге Наций и посол в Испании в годы Гражданской войны М.И. Розенберг (1906–1938), канадская журналистка Рея Клейман (1896–1981) и др.

В это время братья Юрий и Виктор ходили в ведомственный детский сад НКВД. Маркуша Фишер писала, что детский сад был чистым и солнечным, полным украшений. У каждого ребенка был свой маленький шкафчик для туалетных предметов и одежды с изображением цветка или животного с ориентиром на детей, которые еще не могли прочесть свои имена. Воспитанники были в основном детьми сотрудников Наркомата иностранных дел. Летом дети выезжали в загородный лагерь наркомата. Как правило, их сопровождала Маркуша, помогая воспитателям. В детском лагере она жила от двух до трех недель.

В 1930 г. после передачи особняка посольству Великобритании семья Фишеров была вынуждена покинуть его. Постоянную квартиру семья получила только в конце 1932 г. В течение двух лет они сменили несколько коммунальных квартир, близко познакомившись с жизнью и бытом советских граждан. Особенно запомнилась семье коммунальная квартира в доме на Чистых прудах. Б.Я. Фишер описывала его: «Дом стоял рядом с живописным прудом, окруженным очень старыми деревьями. Летом пруд был игровой площадкой любителей гребных лодок, а зимой сверкающий лед привлекали сотни фигуристов». В коммунальных квартирах не было горячей воды, ванн, душевых. Поэтому всей семьей они ходили мыться к друзьям, проживавшим в гостинице «Метрополь». Чаще всего их принимал близкий друг – американский писатель и журналист, автор нескольких книг о Советской России Морис Гиндус, постоянно проживавший в гостинице.

В 1931 г. Б.Я. Фишер принимает решение отправить сыновей Виктора и Юрия из Москвы в Берлин. Она пишет:

Условия в нашем коммунальном доме в Москве с каждым днем становились все хуже. Поскольку дом должны были снести, домовому комитету не дали средств на ремонт. Дефектная сантехника, лопнувшие трубы, сломанные полы, окна и двери, которые отказывались открывать или закрывать, делали жизнь очень неудобной. Участились конфликты и ссоры среди соседей по коммунальной квартире.

Здоровье мальчиков было сильно подорвано, и в этих условиях было мало надежды на их полное выздоровление. У меня возникла идея отправить их к другу в Берлин, пока мы не получим новую квартиру³.

В Берлине Юрий и Виктор Фишеры жили в семье немецкого коммуниста, социолога Пауля Массинга. По словам Дж. Фишера, в семье Пауля Массинга он чувствовал себя как дома и мечтал жить с его красным семейством, почти российскими меньшевиками – немецкими социал-демократами, и дальше. Пауль Массинг, как и немецкие коммунисты, был уверен в том, что Гитлер не выиграет выборы. Однако случилось невозможное: Гитлер выиграл выборы и возглавил правительство. Массинг убеждал юного Юрия, что это ненадолго. Но действительность оказалась страшнее. После прихода Гитлера к власти Паулю Массингу пришлось перейти на нелегальное положение, а братья Фишеры через Чехословакию были переправлены в Москву [Попов 2026, с. 37].

Берлин и Германия навсегда стали для Юрия Фишера родными. В одном из интервью он сказал:

...У меня все-таки очень глубокая связь, не очень ясная связь с Берлином. Я там родился, я там жил как раз до прихода Гитлера к власти... И вошел там в школьную жизнь. И вообще, район был очень интересный, такой пролетарский, красный район Берлина. Я там себя чувствовал дома. И потом служил в американской армии в 1945–46 гг. тоже в Берлине... Я ощущал, что Берлин это мое место... Моя привязанность немецкая. Я не знаю, что поставить на первое место, но я знаю, что когда говорю по-немецки, читаю немецкую прозу, или классическую литературу, или хорошие немецкие журналы, то мне очень приятно. Я себя чувствую как-то более-менее тоже дома. Немецкий язык и литературу – это я ощущаю как свое... [Попов 2004, с. 26].

В конце 1932 г. семья переехала в большую благоустроенную квартиру в только что построенном доме по адресу: переулок Сивцев Вражек, дом 15/25⁴. В этой квартире братья Фишеры воссоединились с родителями и жили до 1939 г. В новой квартире Фишеров бывали многие известные люди, знакомство с которыми способствовало интеллектуальному и духовному развитию братьев. Среди гостей семьи Фишеров были режиссеры А.П. Довженко, Эрвин Пискатор, С.М. Эйзенштейн; певец Поль Робсон; общественные деятели и писатели Кеннет Дюрант, Женеваева Таггард, Морис Хиндус, Бернард Шоу и др.

³ Ibid. P. 47.

⁴ В настоящее время дом включен в список объектов культурного наследия Москвы.

Замечательный по своей архитектуре дом семьи Фишеров в Сивцевом Вражке, построенный по проекту архитектора Н.А. Ладовского и инженера Д.С. Лебедева, имел печальную славу. Жильцы дома, среди которых были партийные и государственные деятели, представители науки и искусства, не избежали репрессий 1930-х гг. Семнадцать жителей этого дома были арестованы. В настоящее время на доме уставлены мемориальные таблички проекта «Последний адрес».

Фишеры подружились с соседями по подъезду – семьей Григория Яковлевича Беленького, старого большевика, в 1912–1917 гг. – секретаря Парижской группы большевиков. Он был репрессирован и расстрелян в 1938 г. Была репрессирована и близкая подруга Маркуши, соседка по подъезду Бетти Николаевна Глан, директор ЦПКИО им. М. Горького, известная всей Москве под именем Бетти Джан.

В эти годы Юрий Фишер учился в 32-й образцовой школе им. Лепешинского, вступил в комсомол. Юрий увлекся городом, страной, смог быстро освоить русский язык. Его брат Виктор учился в немецкой школе им. Карла Либкнехта на Сухаревской площади, а затем в 110-й школе им Ф. Нансена. Маркуша Фишер пишет:

Между 1931 и 1933 годами, когда два наших сына были в Германии, они забыли русский язык, и по возвращении мы отправили их в московскую немецкую школу⁵. Она имела ту же программу, что и все советские школы, но велась на немецком языке. Дети антинацистских ссыльных, иностранных инженеров и техников, нанятых советской властью, и русских, которые хотели, чтобы их дети знали иностранный язык, учились в этой школе. Не утратив интереса к работе с детьми и родителями, я стала членом родительского совета этой школы, а также русской школы, в которую Юра перевелся в 1934 году.

В незабываемой Москве 1930-х гг. мальчики из Германии все больше чувствовали себя как дома. Они жили жизнью русских сверстников. Как вспоминает близкий друг Юрия Фишера Маркус Вольф:

Незаметно ребята перенимали привычки и манеры русских. Пленяло радушное гостеприимство русских, их готовность разделить с гостем или соседом кров, кусок хлеба, их верность в дружбе, желание сделать для близкого человека все, что в твоих силах. Наверное, на нас – подростков, ставших советскими гражданами, наложила

⁵ Немецкая школа в Москве имени Фритьофа Нансена.

отпечаток и этакая «московская вольница» – несвойственное немцам пренебрежение к дисциплине и порядку. Зато как научились мы веселиться на вечеринках тех лет! Нет сомнений, что к чертам русского характера можно отнести также способность, если надо, пожертвовать всем, собрать все силы, чтобы достойно ответить на вызов, постоять за себя⁶.

Маркуша Фишер писала о школе:

Школа Юры была самой аристократической школой Москвы, куда советская элита отправляла своих детей. Мальчик Сталина пошел туда. Но Комиссариат просвещения справедливо посчитал, что неправильно иметь в одной школе детей стольких важных людей. Большое их количество, среди них сын Сталина, было переведено в другие школы, а на их место пришли ученики окрестных школ, в основном рабочие дети. Но остались еще несколько детей выдающихся родителей: дочь комиссара тяжелой промышленности Орджоникидзе, пять сыновей комиссара продовольствия Микояна, дочери Радека и помощника комиссара иностранных дел Крестинского, сыновья комиссара внешней торговли Розенгольца и помощника комиссара тяжелой промышленности Пятакова и еще многих других, имевших меньшую известность, но достаточно значимых. До начала «чисток» встречи родителей в школе были оживленными и полными веселья. Крестинский особенно забавлял нас своими быстрыми, умными и остроумными ответами. Он и жена Микояна часто спорили по поводу поведения детей. Неудивительно, что Наташа Элис была тихой девочкой, которой было легко управлять, в то время как пять темных чертенят Микояна обрушили крышу в школе..⁷

Следует вспомнить и о ярких впечатлениях Юрия Фишера о лете 1936 г., проведенном в пионерском лагере «Артек».

В эти годы у него возникает еще одна глубокая, продолжавшаяся всю жизнь связь с Германией: знакомство и дружба с семьями беженцев из Германии немецкого писателя и драматурга Фридриха Вольфа и разведчика Вильгельма Влоха. Впоследствии Маркус Вольф посвятил книгу «Трое из 30-х» дружбе арбатских мальчиков Лотара Влоха, Конрада и Миши Вольфов, братьев Юры и Вити Фишеров.

Сразу же после прихода к власти национал-социалистов Фридриху Вольфу пришлось бежать из Германии. Он приезжает в СССР в ноябре 1933 г. после нескольких месяцев эмиграции во Франции

⁶ *Вольф М.* Трое из 30-х: История несозданного фильма: пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 50–51.

⁷ *Fischer M.* Op. cit. P. 104.

и Швейцарии. Несколько месяцев он пользуется гостеприимством Всеволода Вишневского и живет в его квартире по адресу: Нижний Кисловский пер., дом 8. Семья Фридриха Вольфа, жена Эльза с сыновьями Маркусом и Конрадом, приедут в апреле 1934 г. и поселятся в двухкомнатной квартире, полученной в том же доме. С тех пор Юрия, Маркуса и Конрада связывала дружба, сохранившаяся на всю жизнь.

В памяти юного Юрия Фишера навсегда осталось и Переделкино, где у семьи Вольфов была дача. В строительстве дома принимали участие все те, кто позднее будет в нем жить или гостить: семьи Вольфов, Фишеров, Влохов, Ламмертов и другие знакомые из немецкой среды. Построенный двухэтажный дом стоял в березовой роще, состоял из трех комнат на первом этаже и двух комнат на втором этаже.

Будущий разведчик Маркус Вольф писал:

Мы, мальчишки-немцы, вскоре становимся всеобщими любимцами писательского поселка, особенно его юных представительниц. Дочери Константина Федина и Ильи Сельвинского – Нина и Циля – под звуки старого граммофона пытаются учить нас танцам. На участке у драматурга Афиногенова, тоже одного из знакомых Фишера, разгораются волейбольные баталии. Даже Борис Пастернак отрывается от работы, чтобы взглянуть на шумную площадку по соседству, и, улыбаясь, наблюдает, как его жена Зинаида Николаевна с сигаретой в зубах гасит мяч на зависть нам, мальчишкам⁸.

Дочь писателя Ильи Сельвинского, Цецилия, писала в воспоминаниях:

Когда мы поселились там в 1936 году, началась моя дружба с мальчишками-немцами. Я узнала, что на половине дачи антифашистского писателя Фридриха Вольфа было всего две комнаты и терраса, но дом оказался – резиновым. До сих пор с трудом себе представляю, как все обитатели, обогретые гостеприимством Эльзы, могли разместиться на такой небольшой площади⁹.

Вспоминала Цецилия и о волейбольных баталиях, регулярно проходивших в Переделкино:

Играли мы на площадке в детском туберкулезном санатории, и на поле, и на даче у Афиногеновых, где тоже была площадка. Супруги

⁸ Вольф М. Указ. соч. С. 73.

⁹ Воскресенская Ц. Мои воспоминания. М.: Время, 2006. С. 256.

Афиногеновы играли хорошо, вровень с нами. И их присутствие нам было приятно... Вот едет на велосипеде Артем Веселый играть в волейбол. Площадка была на поле против дачи Павленко. Он играл хорошо, и его приход не вызывал в нас раздражения, как появление на площадке моих родителей и Пастернаков. Сейчас перед моими глазами стоит на подаче с папироской во рту Зинаида Николаевна Пастернак. Мяч не долетает. Она похохатывает и что-то бормочет себе под нос, а мама заливается смехом. Пастернак улыбается. Держит руки в карманах. Он играет спокойнее Ильи Львовича, без такого шума, азарта и беготни. Но глаза блестят [Лютикова 2025, с. 95].

Дом в Переделкино, принадлежавший Вольфам, был населен очень плотно: кроме Эльзы Вольф и двух ее сыновей Маркуса и Конрада, в нем жила ее подруга Маркуша Фишер с двумя сыновьями. Летом 1937 г. в доме прибавляется количество жильцов: Эльза Вольф дает приют семье арестованного по обвинению в шпионаже Вильгельма Влоха, его жене Эрне, сыну Лотару и дочери Маргот, а также семье Ламмертов из четырех человек.

Маркус Вольф с благодарностью вспоминал, какую роль играли матери в их тогдашней жизни:

Отцы, конечно, имели влияние на развитие мальчиков. Каждый из отцов был яркой личностью, готовой отстаивать свои убеждения. Многие из этого передалось детям. Но отцы, Луис Фишер и Фридрих Вольф, редко бывали дома. Они часто уезжали, в их жизни появлялись другие женщины. Матери, напротив, были постоянной поддержкой для сыновей, и каждая была по-своему замечательной женщиной [Лютикова 2025, с. 98].

В 1936 г. отец Юрия Луи Фишер уезжает корреспондентом на войну в Испанию. В его редкие приезды Маркуша рассказывает ему о репрессиях, арестах знакомых. Обстановка в СССР становится тревожной и опасной. Маркуша Фишер принимает решение переехать в США. Юра отказывался уезжать: для него это была трагедия. С большим трудом Маркуша уговорила его, пообещав, что он сможет вернуться, когда захочет. Достаточно трудно было получить визы, загранпаспорт Маркуши хранился в Наркомате иностранных дел. Тем не менее все преграды удалось преодолеть: в феврале 1939 г. вместе с сыновьями она навсегда покинула СССР. Маркуша Фишер писала:

Наступило 1 февраля 1939 года, день отъезда. Юра ушел утром и пришел домой вечером незадолго до отправления поезда. Он уже попрощался со своими друзьями. Весь тот последний день он провел,

прогуливаясь по Москве, запоминая знакомые и любимые места. Он побывал на любимых станциях метро... В свой последний день Юра посетил и новые дома, возведенные в нашем микрорайоне в те годы, когда мы там жили. Как и другие московские дети, он наблюдал за зданием каждого из них с интересом хозяина. Каждое благоустройство микрорайона, каждая вновь проложенная улица, каждый построенный дом, магазин, двор, превращенный в сад, наполняли детей гордостью. Это было гораздо больше, чем просто местный патриотизм района. Советская молодежь воспитывается, чтобы чувствовать, что все вокруг – их собственность и их ответственность. Новый построенный по соседству дом добавлял им чувства собственного достоинства. Юра ходил по полюбившимся мостам Москвы-реки и по реке, где они купались летом и где катались на лыжах зимой. Он пошел посмотреть все наши старые квартиры. Но в основном он просто гулял и ходил по улицам¹⁰.

Многое из того, о чем мечтал Юрий, а впоследствии Дж. Фишер, имеет свои корни в юности – в Москве тридцатых годов прошлого века. Он обрел романтическую, утопическую веру в революцию – в грандиозные перемены и счастливую жизнь. Он обрел чувство сопричастности к людям, которые разделяли его видение и ощущение народа как великого творца собственной судьбы.

В Нью-Йорке семья Фишеров оказывается под опекой старого друга семьи – социолога, советского разведчика Пауля Массинга, в будущем одного из создателей Института социальных исследований Франкфуртского университета. Группа эмигрантов стала окружением и душевным приютом Дж. Фишера. Все они были высланы из Германии и России. Среди них был и немецкий «отец мечты» Юрия – Пауль Массинг, который строил новую жизнь далеко от Берлина и далеко от Москвы. Дж. Фишер вспоминает:

Первое пристанище в Нью-Йорке – у беженцев. У эмигрантов из России, Германии. Социал-демократов и бывших коммунистов. Особенно вспоминаю сестру матери, меньшевичку, которую очень любил. В этой среде меня приютили, даже чуть не усыновили. Беженцы жили бедно, без копейки денег, на подачки. В США не прижились. Не находили работу. Не находили точку опоры для дела, для борьбы с большевизмом. За чаем рассуждали о мраке, окутавшем Европу. Сокрушались о победе зла. Поклонялись социал-демократическим ценностям. Мечте о равенстве, с буржуазной, гражданской свободой. Мечта привлекала. Судьба омрачила. Отчужденность напугала. В американской школе стал превращаться в американца. Ведь по отцу я родился гражданином

¹⁰ *Fischer M.* Op. cit. P. 136.

США. Теперь вот впервые попал туда. Впервые пользовался не советским паспортом, а американским. И взял другое имя! Вместо русского – англо-саксонское. Из Юры сделался Джорджем. Много общался с американцами, обо всем расспрашивал, тараторил на ломаном английском [Фишер 1997, с. 181].

Чтобы получить среднее образование, Дж. Фишеру нужно было закончить два старших класса. Вспоминая время учебы в общественной школе, он пишет:

О нью-йоркской школе я не помню почти ничего. Помню обширное здание, классные комнаты, большие и переполненные. Я нашел трех друзей. Один коммунист, он был прирожденный лидер. Вскоре он погиб на Второй мировой войне. Второй следовал за Троцким. Он был очень серьезным и после войны возглавил профсоюзы в Мичигане. Третий был прокоммунист, жесткий и умный редактор школьной газеты. Мы много говорили, обсуждали мировую революцию, Маркса, Ленина, Сталина и Троцкого. Это была наша нью-йоркская тайна¹¹.

В эти предвоенные годы Дж. Фишер находит старшего друга и наставника в лице Элеоноры Рузвельт, уважение к которой он сохранил на всю жизнь:

Рузвельт много беседовала со мной. Внимательно слушала. Рассказывала о своей деятельности либерала, о прогрессивной направленности американской государственной политики. Советовала сделать это поприще моим призванием. Она произвела на меня неизгладимое впечатление. Но не своей внешностью. Внешне она была светской дамой. Благородной и безукоризненно благопристойной. Я ощутил другое. Почувствовал в ней огненное сердце и страсть политического буреветника. Почувствовал волевою натуру и глубокий ум. Она сделалась моим кумиром. Однако ее окружение, среда высокопоставленных и зажиточных либералов, не пришлась мне по душе [Фишер 1997, с. 182].

В годы Второй мировой войны Дж. Фишер служил в американской армии. Маркус Вольф отмечал:

Американский офицер Джордж Фишер последний год войны тоже провел в Советском Союзе. Он служил офицером связи на американской воздушной базе под Полтавой. Во время Ялтинской встречи Сталина, Рузвельта и Черчилля в феврале 1945 г. работал

¹¹ *Fischer G. Insatiable. A story of my nine lives. Philadelphia, 2000. P. 77–78.*

на аэродроме в Саки, оборудованном для проведения этой важной конференции¹².

Демобилизовавшись из армии в 1947 г., Дж. Фишер завершает высшее образование в университете штата Висконсин. После окончания университета Дж. Фишер поступает в докторантуру по русской истории Гарвардского университета. В эти годы он приобрел двух наставников из России – Михаила Михайловича Карповича (1888–1959) и сэра Исайю Берлина (1909–1997).

23 марта 1951 г. Дж. Фишер был избран директором фонда «Свободная Россия», который позднее был переименован в Восточно-европейский фонд. Как директор Восточно-европейского фонда Дж. Фишер участвовал в создании и финансировании нью-йоркского русскоязычного издательства имени А.П. Чехова.

Дж. Фишер недолго проработал в Восточно-европейском фонде. В 1952 г. он отказался от должности директора фонда. С 1965 г. Дж. Фишер – старший научный сотрудник, директор Русского института Колумбийского университета¹³. В 1960-е гг. Дж. Фишер оказался в центре молодежных общественно-политических движений в США. Он ощутил новые веяния жизни и ужаснулся затхлостью и бюрократизацией университетской среды. Во многом его юношеские мечты сбывались. Высокие идеи и чувства распространялись повсюду, будя в людях огонь и страсть. Он был счастлив, выступая против «ненормальной нормальности». В 1968 г. Дж. Фишер поддержал восставших студентов Колумбийского университета [Попов 2004, с. 29].

После студенческих волнений ему пришлось расстаться с Колумбийским университетом и с должностью заведующего кафедрой. С 1969 г. Дж. Фишер – профессор социологии в городском университете Нью-Йорка (City University of New York). В 1985 г. досрочно уходит на пенсию. Джордж Фишер скончался после тяжелой болезни 25 июня 2005 г. в Филадельфии.

Научная деятельность

В период обучения в университете штата Висконсин Дж. Фишеру оказывает помощь новый учитель – профессор, социолог Селиг Перлман (Selig Perlman 1889–1959). Селиг Перлман был специа-

¹² Вольф М. Указ. соч. С. 97.

¹³ Фишер Джордж (Fischer George) // Американские советологи: Справочник. <Для служебного пользования>. М.: АН СССР; Ин-т научной информации по общественным наукам, 1981. С. 195.

листом по истории труда и рабочего движения, автором классической работы «Теория рабочего движения». С 1948 г. Дж. Фишер участвовал в проекте исследований послевоенных беженцев из СССР. До 1951 г. он координировал работу над проектом, проводившуюся Русским исследовательским центром Гарвардского университета. В этот период он часто посещает столицу послевоенных беженцев, Мюнхен, участвует в создании Института по изучению СССР и Русской библиотеки в Мюнхене.

В 1949 г. Дж. Фишер проходил стажировку в Праге, после завершения которой опубликовал работу о Русском заграничном историческом архиве [Fischer 1949].

В 1952 г. Дж. Фишер защитил докторскую диссертацию и опубликовал монографию на одноименную тему: «Советское противостояние Сталину во второй мировой войне» (Soviet opposition to Stalin: A case Study in World War II) [Fischer 1952].

Диссертация и книга стали во многом плодом его многочисленных поездок в послевоенную Германию, встреч и интервью с советскими беженцами, которые проходили в рамках проектов Центра по изучению России Гарвардского университета и Восточно-европейского фонда. Главная цель Дж. Фишера состояла в том, чтобы исследовать проблему советской оппозиции в различных проявлениях (организованное сопротивление; пассивное недовольство; внутренняя эмиграция) и подойти к пониманию функционирования советской системы в целом. Стержнем концепции Дж. Фишера является понятие «инертность». По мнению Дж. Фишера, инертность в СССР является аналогом конформизма американского среднего класса, офисных работников в правительстве и вне его [Fischer 1952, с. 124]. Инертность не эквивалентна тотальной пассивности и отсутствию инициативы советских людей, которые проявляют большую находчивость и независимость в личных и технических вопросах. Но выдвигаемая Дж. Фишером концепция инертности предполагает отказ Homo Sovieticus от вещей политических [Fischer 1952, с. 133]. Термин «Homo Sovieticus» впервые был выдвинут Дж. Фишером для обоснования концепции инертности советского человека. Позднее этот термин был развит социологом А.А. Зиновьевым в книге «Гомо советикус», опубликованной в 1982 г.¹⁴

Под влиянием своего учителя М.М. Карповича в начале 1950-х гг. Дж. Фишер обращается к теме русского либерализма второй половины XIX – начала XX в. Итогом становится появление новой книги «Русский либерализм от дворянства до интелли-

¹⁴ Зиновьев А.А. Гомо советикус. Lausanne: L'Âged'homme, Cop. 1982. 199 с.

генции» (Russian liberalism, fromgentry to intelligentsia), опубликованной в 1958 г. [Fischer 1958]. Высоко оценил работу Дж. Фишера, откликнувшись положительной рецензией, начинающий исследователь, а впоследствии директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Хедли Биллингтон [Billington 1960].

В 1960-е гг. Дж. Фишер часто приезжал в Москву. Спустя годы он напишет об этом времени:

После смерти Сталина навещал Москву часто. Залпом глотал повести и рассказы, свежие, не шаблонные. Влюбился в четверку друзей. Писатели и художники. Искушенные и страстные. Незабываемые. Так же привязался к молодым партийным социологам. В рамках партийности они старались обновить образ мыслей верхов, представление о советском человеке на работе и в свободное время [Фишер 1997, с. 211].

Результатом поездок Дж. Фишера в Советский Союз стала его книга «Наука и политика: новая социология в Советском Союзе» [Fischer 1964]. Работа была издана Центром по изучению международных проблем Корнелльского университета. Российский социолог и философ Б.М. Фирсов высоко оценил работу Дж. Фишера:

Оптимистичными были выводы, к которым пришел американский политолог и социолог Дж. Фишер после серии своих поездок в послесталинский Советский Союз. Установив знакомства с молодыми учеными, вовлеченными в процесс создания новой науки, Фишер высоко оценил их энтузиазм и серьезность намерений. Он обратил особое внимание на практическую ориентацию всего корпуса советских наук, будь то естественные, социальные, гуманитарные дисциплины, включая искусства, твердо стоявшие на платформе социалистического реализма. Один из сквозных тезисов Фишера – интенсивная кристаллизация науки, которую в 1961 г. не смогли в полной мере установить Мертон и Рикен [Фирсов 2013, с. 168–169].

В 2008 г. работа «Наука и политика: новая социология в Советском Союзе» была переиздана в России¹⁵. Дж. Фишер с симпатией пишет о молодых советских социологах. Он называет их очень способными пионерами советской социологии. По его мнению, они полностью соответствуют потребностям современной политики и являются активными советниками политических лидеров.

¹⁵ Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Симиренко. М.: Вече, 2008. 539 с.

По-видимому, они разделяют нетерпимость своих лидеров по отношению к сталинизму в политике. В то же время они занимаются поиском способов адаптации советской системы к усложняющемуся обществу и быстро меняющемуся миру. Близость социологии к политике придает социологии новую роль, похожую на феномен флюгера или барометра. Куда пойдет социология, возможно, туда пойдет и нация. Дж Фишер пишет:

В советской науке можно, в общем, отметить, ряд признанных ученых учреждений, представляющих ныне новую социологию. В Москве это Институт философии и Московский университет и такие ученые, как Андреева, Осипов, Семенов, Замошкин и Зворыкин. В Ленинграде выделяется университет прежней столицы и ученые, группирующиеся вокруг Ядова. На «периферии» имеется Уральский университет в Свердловске с Руткевичем и Коганом и новый Институт экономики Сибирского филиала Академии наук в Новосибирске и его социолог специалист по экономике труда Пруденский¹⁶.

В 1967 году Дж. Фишер публикует небольшую работу, посвященную американским исследованиям советского общества. Это был обзор по специализированным исследованиям советского общества, проведенным социологами США после Второй мировой войны. Работу опубликовал университет штата Нью-Йорк¹⁷.

В том же 1967 г. Дж. Фишер выступает в качестве редактора и составителя коллективной монографии «Science and ideology in Soviet society 1917–1967»¹⁸.

XX век иногда называют веком науки и идеологии. Дж. Фишер и его соавторы исследовали, как в Советском Союзе реагировали на взаимовлияние и взаимодействие идеологии и науки. Книга посвящена четырем различным областям науки: кибернетика, экономика, философия, социология. Дж. Фишер считал, что именно в этих научных дисциплинах наиболее ярко проявляются тенденции, свойственные советской науке в целом, а также наиболее наглядно происходит взаимодействие идеологии и науки. По мнению

¹⁶ *Фишер Дж.* Наука и политика: новая социология в Советском Союзе // Социология в СССР: взгляд изнутри и извне в работах Геннадия Осипова, Джорджа Фишера, Ильи Земцова, Алекса Самиренко. М.: Вече, 2008. С. 379.

¹⁷ *Fischer G.* American research on Soviet society: Guide to specialized studies since World War II. N.Y.: University of the State of New York, 1967. 82 p.

¹⁸ *Science and ideology in Soviet society / ed. by G. Fischer.* N. Y.: Atherton Press, 1967. IX, 176 p.

Дж. Фишера, коммунистический строй общества не обязательно приводит к конфликту между наукой и идеологией.

Таким образом, по Фишеру, социологические исследования и передовые методы их проведения обрели легитимацию, которой они не обладали ранее. Это относится и к социологии как научной дисциплине. Фишер считает, что в советской «новой социологии» между наукой и идеологией на самом деле может существовать больше гармонии, чем видится с Запада¹⁹.

В 1968 г. им опубликована монография «Советская система и современное общество» [Fischer 1968], представляющая анализ биографических данных высших должностных лиц КПСС. В его выборку вошло 306 чиновников, занимавших партийные должности в 1958 г. и 1962 г. Особый акцент он делает на предшествующем карьерном росте партийных чиновников в зависимости от того, в каких отраслях промышленности они работали и когда достигали тех или иных должностей. Эта тема разрабатывалась им для подтверждения тезиса, что современные промышленные общества могут развиваться не только по плюралистическим моделям с независимыми центрами власти, но и по централизованной модели, в которой политические чиновники приобретают, а затем используют опыт, полученный в различных сферах деятельности, главным образом, в промышленности. Дж. Фишер отстаивает тезис, что советская система представляет собой альтернативную модель общественного устройства, которая в будущем будет существовать и конкурировать с плюралистическими моделями организации общества и производства.

После увольнения из престижного Колумбийского университета Дж. Фишера пригласили на преподавательскую работу в городской университет Нью-Йорка. Он принял приглашение и в основном занимался с аспирантами и докторантами. Дж. Фишер ценил свой опыт работы в университете. Он чувствовал самоуважение, работая в «народном» университете, помогая добиваться успеха студентам из бедных семей, студентам из семей, не относящихся к категории элитарных. «В городском университете Нью-Йорка он содействовал борьбе против зажима новых веяний. Он возненавидел нетерпимость в храме науки. Возненавидел оруэлловский кошмар на длинном поводке» [Попов 2004, с. 29].

В 1978 г. Дж. Фишер издал сборник очерков «Пути к самоуправлению. Между марксизмом и анархизмом» [Fischer 1978], который стал его последней книгой. Он пытался воплотить свою мечту «не писать, как сирота», для «галочки», написать искренне, честно

¹⁹ Fischer G. *Sociology // Science and ideology in Soviet society* / ed. by G. Fischer. N.Y.: Atherton Press, 1967. P. 1–46.

о том, что волнует, затрагивает все движения души. Пережив яркие 1960-е гг. и застойные, по его мнению, 1970-е гг., он многое переосмыслил. Книга рассказывает о терзаниях, мечтах и переживаниях, подводя итоги его жизни, и представляет своеобразное интеллектуальное зеркало борьбы и душевной работы автора на протяжении всей его жизни. Эта книга – исповедь, в которой автор с предельной честностью попытался рассказать о поиске ответов на вопросы, которые мучили и вдохновляли его на всем протяжении жизненного пути. Он предупреждает читателя, что тот не найдет ответов на все вопросы. Вероятно, появится больше вопросов, чем будет найдено ответов. Он пишет, что эта книга о его прошлом, о сочетании теории и практики жизни, в ней отражены не все идеи самоуправления и собственной биографии. Методология его исследования неординарна для ученого. Обычно ученые ищут и открывают факты, закономерности и законы. Дж. Фишер, наоборот, старается искать и изучать процессы, с помощью которых мы создаем факты и законы. Он считает, что ученый должен уметь переключить фокус исследования с описания, сбора эмпирических данных, логики и логической индукции на глубокий анализ. Он пытается с помощью аналитического метода искать вещи, которые не могут быть. Поэтому он много пишет о том, что сделало бы иной образ жизни «мыслимым» и возможным...

Дж. Фишер пишет, что в Нью-Йорке и во всем мире за работающих людей все решают другие: начальники, политики, профсоюзные лидеры, пресса и т. д. Люди растят детей, делают свою работу, платят налоги, но ничего не контролируют. Он видит лучшее будущее, когда люди будут объединены в сообщество свободных людей, когда они сами будут управлять своей жизнью, смогут управлять больницами, школами, коммунальными службами. Он рассказывает на примере закрытого Нью-Йоркского городского университета о волнующих его проблемах образования в США. Он считает, что городской университет был возможностью, «дверью в будущее» для малообеспеченных жителей Нью-Йорка. Но работал университет не как демократическая институция, а как корпорация. Большая бюрократия и иерархия сверху вниз значили гораздо больше, чем голос и потребности студентов, преподавателей, сотрудников.

В заключении книги Дж. Фишер делает выводы и обосновывает свою концепцию самоуправления. По его мнению, ничто из того, чего мы когда-либо достигнем, не будет совершенным. Мы стараемся идти к лучшему, но никогда не приходим к финишу, всегда проходим только часть пути. Можно добиться успеха на некоторое время, а затем успех уйдет. Но это не означает, что мы потерпели поражение. Автор также обращает внимание на страх перед кооперацией и самоуправлением. В США он объясняется

гениальным американским изобретением – «длинным поводком». Всего один процент населения управляет политикой, экономкой, они же управляют остальными людьми, держа их на длинном поводке. Людям дается большая свобода в частной жизни, но они отстранены, находятся на периферии политической и общественной жизни.

Заключение

Дж. Фишер приходит к выводу, что гармония вытекает не из концентрации, а из сложной фрагментации. Истинная сложность означает не отдельные центры, а связанную сеть очень разнообразных, автономных групп. Обратная связь принимает форму федераций без установленных полномочий. В этом ракурсе самоуправление не должно рассматриваться как приз, который люди получают, а затем сохраняют длительное время. Самоуправление не означает конец истории. Фишер видит самоуправляющееся сознательное сообщество как одну из исторических возможностей. Каждое поколение будет выбирать из этих постоянно меняющихся возможностей и альтернатив, сделает свой выбор, исходя из собственного видения настоящего, а не в соответствии с выбором и желаниями прошлых поколений. Концепция Дж. Фишера указывает не просто на индивидуальность или просто общность, а на то и другое. Концепция указывает не на капитализм или социализм, а на смешанную систему. Важно быть деятельным и честным везде: дома, в соседской общине, на работе. Мы должны быть реалистичны и полны фантазии, заботиться об общественном и индивидуальном развитии, уметь создавать баланс умственной и физической работы для всех. Мы должны решать повседневные проблемы и мечтать о будущем, быть принципиальными и идти на компромисс.

Литература

- Лютикова 2025 – *Лютикова Г.В.* Коминтерн в Переделкине: Дом Вольфа // XI московские Анциферовские чтения: сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной 150-летию В.Д. Бонч-Бруевича / отв. ред. Д.С. Московская; сост. К.В. Сарычева. М.: ГМИРЛИ им. В.И. Даля: ИМЛИ РАН, 2025. С. 87–108.
- Попов 2004 – *Попов А. В.* Джордж Фишер – странник или пять раз по четыре // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб.: Информационно-культурный центр «Русская эмиграция», 2004. Т. 3. С. 25–30.

- Попов 2004 – *Попов А.В.* Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и «вторая волна» эмиграции // Новый исторический вестник. 2004. № 1 (10). С. 54–70.
- Фирсов 2013 – *Фирсов Б.М.* Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или “self-madesociologists” // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013. № 1. С. 8–24.
- Фишер 1997 – *Фишер Дж.Ю.(У.)* Две страсти // В поисках истины: Пути и судьбы второй эмиграции: Сб. статей / сост. В.С. Карпов, А.В. Попов, Н.А. Троицкий; под общ. ред. А.В. Попова; вступ. статья А.В. Попова. М.: РГГУ, 1997. С. 176–219. (Материалы к истории русской политической эмиграции; 2)
- Billington 1960 – *Billington J.H.* [Review of:] “Russian liberalism from gentry to intelligentsia” by George Fischer // *The American Slavic and East European Review*. 1960. Vol. 19. No. 2. P. 289–291.
- Fischer 1949 – *Fischer G.* The Russian archive in Prague // *The American Slavic and East European Review*. 1949. No. 8. P. 289–295.
- Fischer 1958 – *Fischer G.* Russian liberalism, from gentry to intelligentsia. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 240 p. (*Russian Research Center Studies*; iss. 30)
- Fischer 1964 – *Fischer G.* Science and politics: The new sociology in the Soviet Union. N.Y.: Cornell University Center for International Studies, 1964. 76 p.
- Fischer 1952 – *Fischer G.* Soviet opposition to Stalin: A case study in World War II. Cambridge: Harvard University Press, 1952. 230 p.
- Fischer 1968 – *Fischer G.* The Soviet system and modern society. N.Y.: Atherton Press, 1968. 199 p.
- Fischer 1978 – *Fischer G.* Ways to self-rule. Beyond Marxism and Anarchism. N.Y.: Exposition Press, 1978. 244 p.

References

- Billington, J.H. (1960), “[Review of:] Fischer, G., Russian liberalism from gentry to intelligentsia”, *The American Slavic and East European Review*, vol. 19, no. 2, pp. 289–291.
- Fischer, G.Yu. (U.) (1997), “Two passions”, in Popov, A.V., ed., *V poiskakh istiny: Puti i sud'by vtoroi eh migratsii: Sbornik statei* [Search of truth. Ways and fates of the second emigration. Collected articles], RGGU, Moscow, Russia, pp. 177–219. (*Materialy k istorii russkoi politicheskoi eh migratsii*; 2)
- Fischer, G. (1949), “The Russian archives in Prague”, *The American Slavic and East European Review*, no. 8, pp. 289–295.
- Fischer, G. (1952), *Soviet opposition to Stalin: A case study in World War II*, Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Fischer, G. (1958), *Russian liberalism, from gentry to intelligentsia*, Harvard University Press, Cambridge, USA. (*Russian Research Center Studies*; iss. 30)
- Fischer, G. (1964), *Science and politics: The new sociology in the Soviet Union*, Cornell University Center for International Studies, New York, USA.

- Fischer, G. (1968), *The Soviet system and modern society*, Atherton Press, New York, USA.
- Fischer, G. (1978), *Ways to self-rule. Beyond Marxism and anarchism*, Exposition Press, New York, USA.
- Firsov, B.M. (2013), “How bridges were built between Soviet and foreign sociology, or ‘self-made sociologists’”, *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy*, no. 1, pp. 8–24.
- Lyutikova, G.V. (2025), “Comintern in Peredelkino. Wolf’s house”, in Moskovskaya, D.S., ed., *XI moskovskie Antsiferovskie chteniya: sbornik statei po materialam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 150-letiyu V.D. Bonch-Bruevich* [11th Moscow Antsiferov Conference: Collected articles based on the materials from the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 150th anniversary of V.D. Bonch-Bruevich], MIRLI imeni V.I. Dalya, IMLI RAN, Moscow, Russia, pp. 87–108.
- Popov, A.V. (2004), “George Fisher is a strange wanderer or five times four”, in *Berega: Informatsionno-analiticheskiy sbornik o russkom zarubezh’e* [Shores. Information and analytical collection on “Russian Abroad”], Informatsionno-kul’turnyi tsentr «Russkaya eh migratsiya», Saint Petersburg, vol. 3, pp. 25–30.
- Popov, A.V. (2004), “Munich Institute for the Study of History and Culture of the USSR and the ‘second wave’ of emigration”, *The New Historical Bulletin*, vol. 10, no. 1, pp. 54–70.

Информация об авторе

Андрей В. Попов, кандидат исторических наук, доцент, независимый исследователь, Москва, Россия; insatiable@fryzino.net
ORCID ID: 0000-0003-4398-8154

Information about the author

Andrei V. Popov, Cand. of Sci. (History), associate professor, independent researcher, Moscow, Russia; insatiable@fryzino.net
ORCID ID: 0000-0003-4398-8154

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.25:94(470)"1941/1945"

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

«Чтобы помнили...»: деятельность государственных архивов по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне

Людмила Н. Мазур

*Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, LN.Mazur@urfu.ru*

Аннотация. Статья посвящена деятельности государственных архивов СССР по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне через сбор воспоминаний участников войны и тружеников тыла. Автор исследует эволюцию архивов от хранилищ управленческой документации к институтам памяти, занимающимся инициативным документированием. Особое внимание уделяется опыту госархивов Свердловской области по формированию коллекций воспоминаний ветеранов войны и тыла.

Работа основана на анализе документов фонда 1274 Государственного архива социально-политической истории Свердловской области (ГАСПИСО), содержащего 253 единицы хранения, включая 121 рукопись воспоминаний. Документы относятся к 1995–2006 гг. и представляют собой отложенные воспоминания представителей поколения 1920–1928 гг. рождения. Предложена типология воспоминаний («мемуары», «сообщения», «жалобы») в зависимости от мотивации их создателей. Раскрываются особенности отложенных воспоминаний, их двойственная природа: они содержат эмоционально правдивый образ военной повседневности, но одновременно подвержены влиянию медиасреды.

Отдельный раздел посвящен студенческим воспоминаниям о повседневной жизни учащейся молодежи военных лет, в том числе проблемам питания, жилья, учебе и трудовой деятельности студентов в условиях войны. Исследование демонстрирует ценность воспоминаний как свидетельств трудового подвига тыла, подчеркивая необходимость их критического анализа.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, народная память, воспоминания, архивы, документы личного происхождения, инициативное документирование, тыловая повседневность, отложенные воспоминания

Статья поступила в редакцию 17 октября 2025 г.;

принята к публикации 9 февраля 2026 г.

Для цитирования: Мазур Л.Н. «Чтобы помнили...»: деятельность государственных архивов по сохранению народной памяти о Великой Отечественной войне // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 160–178. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

“So that they remember...”:
the activities of state archives
in preserving the people’s memory
of the Great Patriotic War

Ludmila N. Mazur

Ural Federal University

*named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia, LN.Mazur@urfu.ru*

Abstract. The article examines the efforts of the USSR state archives to preserve public memory of the Great Patriotic War by collecting the memoirs of war veterans and home front workers. The author explores the evolution of archives from the repositories of administrative documentation to the institutions of memory engaged in proactive documentation. Particular attention is paid to the experience of the Sverdlovsk Region State Archives in compiling the collections of war veterans’ memoirs.

This work is based on the analysis of Collection 1274 of the State Archive of Social and Political History of the Sverdlovsk Region (GASPI SO), which contains 253 storage units, including 121 manuscripts of memoirs. The documents date from 1995-2006 and represent the deferred memories of the authors born between 1920 and 1928. The article proposes a typology of the memoirs (“memoirs”, “messages”, and “complaints”) based on their originators’ motivations. The author explores the unique characteristics of deferred memories, demonstrating their dual nature: they contain an emotionally authentic portrayal of everyday life in the war, but, at the same time, they are influenced by the media environment.

A separate section is devoted to students’ reminiscences of the daily life of young students during the war, including the issues of nutrition, housing, education, and work throughout the wartime. The research demonstrates

the value of popular memory as a source for studying the labor exploits on the home front, emphasizing the need for critical analysis when working with deferred memories.

Keywords: Great Patriotic War, popular memory, memoirs, archives, personal documents, proactive documentation, everyday life in the rear, deferred memories

The article was submitted for publication 17.10.2025;

accepted for publication 09.02.2026.

For citation: Mazur, L.N (2026), “ ‘So that they remember...’: the activities of state archives in preserving the people’s memory of the Great Patriotic War”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 160–178, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-160-178

Введение

80 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне заставляют вновь задуматься о ее цене – миллионах отдавших жизни людей и необходимости сохранения памяти о них. Не все солдаты вернулись с фронта, но дома оставались их родные, преимущественно женщины – матери, жены, сестры. Семейные воспоминания о фронте или работе в тылу, о близких, вернувшихся или погибших, дополняют образный ряд войны, придавая ему новые смыслы. Благодаря этим воспоминаниям героический нарратив войны приобретает черты бытописания, отражая военную повседневность.

Воспоминания как вид меморативных практик

Воспоминания представляют собой особый вид меморативных практик, основанный на мобилизации в памяти образов прошлого и консолидации следа памяти в форме текста. Воспоминания позволяют сохранить и передать читателю *знание + эмоцию + оценочное суждение* об исторических событиях.

Личностное (эмпирическое) знание, транслируемое очевидцем событий, вызывает особое доверие у читателя, чувство прикосновения к прошлому, создает эффект соучастия. Между тем знание подвержено влиянию определенных факторов – не только идеологии. С течением времени образы прошлого тускнеют и становятся более стандартизированными, испытывая влияние медиасреды [Алёшина и др. 2021]. Могут меняться и оценочные суждения. Неизменной остается эмоция, она составляет основу образа прошлого, служит

верным ориентиром, позволяющим пронести через года человеческую правду о войне.

Меморативные практики сохранения памяти о войне в форме воспоминаний начинают оформляться уже в ходе боевых действий. В январе 1942 г. при АН СССР была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны, аналогичные комиссии – при ЦК ВЛКСМ, наркоматах, в армии и на флоте, в областях, краях и республиках. Основным направлением их работы был сбор документов личного происхождения, включая записи бесед, устных свидетельств участников сражений, партизанского движения, рассказов о трудовых *буднях* тыла¹. После войны комиссии были упразднены, а собранные материалы переданы на хранение в архивы. В ГАСПИСО документы Уральской комиссии Академии наук СССР по истории Великой Отечественной войны представлены в фонде 520 [Уральский филиал 2024].

После окончания войны в соответствии с традициями военной мемуаристики свои «полувоспоминания» (тексты, опиравшиеся не только на память автора, но и на архивные документы, статистику, научную литературу) сначала публиковали полководцы, затем наступил черед мемуаров политиков, Героев Советского Союза и деятелей культуры². В них излагаются и оцениваются события войны, восстанавливается история в классическом понимании. Одновременно исследователи отмечают тенденцию к унификации мемуарного нарратива советского периода и «нейтрализации» субъективного взгляда авторов на события войны в соответствии с официальной историографией [Тартаковский 1999, с. 37].

Наряду с мемуарами главных действующих лиц особую ценность в 1970–1980-е гг. приобретают образы прошлого, хранимые рядовыми участниками событий. Их воспоминания повествуют не столько о событиях, сколько о людях, повседневной жизни, надеждах, страхах – той стороне военной реальности, которая обычно остается в тени официальной истории войны³.

¹ Признание подвига тыла относится к более позднему времени – 1970-м гг.

² См., например: Буг в огне. Мн.: Беларусь, 1965. 528 с.; Корсунь-Шевченковская битва <Сб. / редкол.: М.В. Захаров и др. 2-е изд., доп.>. Киев: Политиздат Украины, 1975. 303 с.; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т. 1. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 415 с.; Покрышкин А.И. На истребителе: Из записок летчика / <Лит. обработка Н.Н. Денисова. Новосибирск>: Новосибиргиз, 1948. 144 с.; Людников И.И. Огненный остров. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1971. 176 с.; и др.

³ Резкий рост числа публикаций мемуаров приходится на период 1958–1982 гг., что получило отражение в создании библиографических

«Народная» память становится объектом документирования не сразу, поскольку для записи своих воспоминаний авторам нужна особая мотивация – осознание своей значимости как *свидетеля* или *участника* событий. Различие состоит в фокусе восприятия прошлого:

- «свидетель» рассказывает о других – тех, кто больше заслуживает коммеморации: «Лично о себе я не стала бы писать, но девчата, которые работали в нашей бригаде, вполне заслуживают этого внимания. О них и расскажу» (М. Урусова)⁴;
- «участник» повествует о себе – своих чувствах, настроениях, опыте и своем восприятии событий прошлого («Мой труд был важен для победы над врагом. Вот и вся моя военная история» (А. Лебедева)⁵).

В 1970-е гг. получило развитие поисковое движение, в ходе которого народная память становится основным объектом документирования. В 1981–1985 гг. прошла Всесоюзная экспедиция «Летопись Великой Отечественной», направленная на сбор фронтовых документов и воспоминаний. В результате этих мероприятий формировались коллекции документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны.

Архивы – собиратели воспоминаний

Свой вклад в создание корпуса «народных» воспоминаний о войне внесли архивы. Во второй половине XX в. архивы из хранилищ документов постепенно трансформируются в институты памяти, выполняя не только функции комплектования и хранения преимущественно управленческой документации, они переходят к практикам сбора документов личного происхождения и инициативному документированию. После окончания войны работа с источниками личного происхождения разворачивалась в архивах по двум направлениям: 1) формирование личных фондов ветеранов войны и тыла; 2) создание коллекций.

указателей [Горшкова 2023]. См., например: Кузница Победы: Подвиг тыла в годы Великой Отечественной войны: Очерки и воспоминания. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 423 с.; О войне, о товарищах, о себе <Фронтовые заметки, воспоминания, письма / предисл. И. Падерина>. М.: Политиздат, 1969. 479 с.; Добровольцы Урала: Очерки. Воспоминания. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. 240 с.; и др.

⁴ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 50. Л. 12–14.

⁵ Мы приближали победу: Очерки, воспоминания, письма. Екатеринбург: АРД–ЛТД, 2000. С. 419.

Комплектование личных фондов участников войны приходится на 1960–1970-е гг. Были выделены три группы лиц, документы которых подлежали хранению: выдающиеся представители народа; их последователи; активные участники движения [Колосова, Цаплин 1965, с. 20]. Дискуссию вызвала группа лиц, обозначаемых как «рядовые граждане», поскольку они воспринимались «пассивными» участниками событий или «попутчиками»⁶. Только в конце 1980-х гг. идея собирания документов личного происхождения «рядовых» граждан получила официальное признание. Большой вклад в решение этого вопроса внес Б.С. Илизаров, возглавивший Центр документации «Народный архив»⁷.

Формирование архивных коллекций воспоминаний тружеников тыла и ветеранов боевых действий относится к 1980-м гг. 18 апреля 1985 г. состоялось заседание Межведомственного научно-методического Совета по работе с документами личного происхождения, на котором призвали представителей архивных учреждений, музеев, библиотек, вузов и школ, научных и общественных организаций активизировать работу по выявлению и собиранию документов участников войны и тружеников тыла [Хорхордина 2024]. Вопросы взаимодействия различных институций в деле собирания документов личного происхождения периода Великой Отечественной войны, были предметом рассмотрения на заседании Коллегии Главархива СССР 30 июля 1986 г. В 1985–1986 гг. по инициативе Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ) архивами страны была проведена операция «Поиск» по выявлению и передаче на хранение документов личного происхождения архивистов – участников войны. В 1990 г. ВНИИДАД совместно с Центральным государственным маркшивом Советской армии (ЦГАСА) подготовил и опубликовал Методические рекомендации по вопросу комплектования источников личного происхождения⁸.

Региональные архивы активно включились в работу по отбору документов ветеранов войны и тыла на постоянное хранение. В 1984 г. в ходе подготовки к 40-летию Победы Архивный отдел Свердловского облисполкома выступил с призывом к жителям

⁶ Материалы Всесоюзного совещания-семинара по комплектованию государственных архивов документами личного происхождения, экспертизе их ценности и фондированию. М.: ГАУ СССР, 1965. С. 207–208.

⁷ Центр документации «Народный архив»: справочник по фондам / ред. Б.С. Илизаров. М.: Народный архив, 1998.

⁸ Комплектование государственных архивов документами личного происхождения участников Великой Отечественной войны: Методические рекомендации. М.: Главархив СССР, ВНИИДАД, 1990.

области нести свои воспоминания о войне в архив. Наиболее активно работа велась с 1990 по 1997 г. Сформированная коллекция документов состоит из рукописей, писем, фотографий участников боевых действий. В 1998 г. коллекция пополнилась документами, собранными Г.П. Шантиным – работником станции Свердловск-Пассажирский. Всего коллекция ГАСО включает 231 дело – документы ветеранов (23 человека), интервью с жителями Свердловска (79 записей) и воспоминания (41 рукопись)⁹.

Работу по сбору документов провели филиалы ГАСО. В Красноуфимске архив приступил к работе с участниками Великой Отечественной войны в 1989 г. Всего в составе коллекции хранятся документы 18 ветеранов. Коллекция ГА в г. Ирбите была образована в 1994 г. и включает 111 ед. хр.¹⁰ В составе фондов Госархива административных органов Свердловской области (ГААОСО) сохранились документы мирных граждан, депортированных в Германию; членов Ассоциации «Харбин»; бывших советских военнопленных; поискового отряда «Память» г. Сухого Лога – всего 444 дела¹¹. В 2022 г. архив опубликовал сборник документов «Эх!!! А жить хочется!!!»¹², включив в него фронтовые дневники и письма, воспоминания детей участников войны.

Другая стратегия была реализована ГАСПИСО – он стал инициатором и организатором сбора воспоминаний. В своих мемуарах А.А. Капустин так оценивает новые практики:

В работе Центра документации большое место в 90-е годы стало занимать инициативное документирование и инициативное комплектование. Сначала с бытовой кинокамерой, затем с профессиональной, сотрудники Центра посещали всевозможные митинги, конференции и съезды, массовые мероприятия, проводимые партийными и общественными организациями. Мы сумели записать на видео и сфотографировать мероприятия, связанные с ГКЧП, поддержкой Б.Н. Ельцина, митинги и шествия различных политических сил. Так мы документировали события, вошедшие в историю страны.

Мы также обратились к ветеранам партийно-государственных органов власти с просьбой передать нам свои личные архивы, фото-

⁹ Межархивный путеводитель по фондам и коллекциям личного происхождения государственных архивов Свердловской области. Екатеринбург, 2018. С. 480–487.

¹⁰ Там же. С. 493–501.

¹¹ Там же. С. 490–492.

¹² «Эх!!! А жить хочется!!!» (фронтовые дневники, воспоминания, письма): Сб. архивных документов / под ред. Р.С. Тараборина. Екатеринбург: ГААОСО, 2022. 207 с.

графии и воспоминания. Так, постепенно мы наладили инициативное комплектование, которое осуществляется и поныне¹³.

Начало сбору документов положило обращение Управления архивами Свердловской области к ветеранам фронта и тыла с просьбой присылать свои воспоминания. Оно было опубликовано 1 июня 1994 г. в газете «Уральский рабочий». Союз ветеранов разработал анкету с вопросами о военной службе, боевых эпизодах, наградах, сослуживцах.

В 1998 г. опубликовано еще одно обращение к ветеранским организациям с просьбой о помощи в сборе материалов для книги «Тыл в годы войны». За год в архив поступило более 700 писем с воспоминаниями, которые использованы для публикации нескольких тематических сборников¹⁴. Особый интерес представляет издание «Мы приближали победу», где использованы воспоминания 178 авторов, среди них 99 женщин (55%)¹⁵.

Всего в фонде 1274 ГАСПИСО хранится 253 ед., в том числе 121 рукопись воспоминаний¹⁶. Кроме воспоминаний, в фонде сохранились официальные документы, которые позволяют восстановить историю сбора, комплектования и использования воспоминаний.

Особенности отложенных/поздних воспоминаний ветеранов войны и тыла (ф. 1274 ГАСПИСО)

Воспоминания как исторический источник вызывают стабильный интерес исследователей. Несмотря на общепризнанную субъективность воспоминаний и зависимость от множества внутренних и внешних факторов, они сохраняют статус документированных

¹³ *Капустин А.А.* Об архивах и не только...: 30 лет на службе архивам. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2023. 328 с.

¹⁴ Ленинградская блокада (900 дней и 900 ночей), 1941–1944: В 3 кн. / сост. В.А. Гетманских, А.И. Глухина. Екатеринбург: Диамант, 1994–1996; Радисты Великой Отечественной о себе и своих товарищах: Воспоминания ветеранов войны. Екатеринбург, 2005; *Клепикова И.А.* «Главная в жизни роль...: Продолжение. Екатеринбург: Свердловское отд-ние Союза театральных деятелей РФ (ВТО): Изд-во АМБ, 2013. 192 с; Главная в жизни роль...: Сб. воспоминаний / сост. Н. Коляда. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. 336 с.

¹⁵ Мы приближали победу: Очерки, воспоминания, письма. Екатеринбург: АРД–ЛТД, 2000. 552 с.

¹⁶ Межархивный путеводитель по фондам... С. 488–490.

свидетельств прошлого¹⁷. Особое место занимает мемуаристика о событиях Великой Отечественной войны, которая отличается не только тематико-видовым разнообразием, но и своими масштабами [Горшкова 2023, с.57].

Интерес к воспоминаниям усиливается в 1990-е гг. в связи с развитием такого направления, как *memory studies*. Это-документы в целом и воспоминания, в частности, стали рассматриваться как меморативный продукт – результат производства не только индивидуальной памяти, но и совокупности социальных факторов и практик. В результате, по мнению исследователей, «воспоминание является для конкретного индивида не реконструкцией прошлого, а реконструкцией настоящего под воздействием прошлого» [Алёшина и др. 2021, с. 22]. Свой отпечаток на индивидуальные воспоминания о войне накладывает травма, она оставила глубокий след в сознании общества [Аникин 2017]. Травма способствует эмоционализации коллективной памяти [Шнирельман 2021, с. 20]. Этому, как ни странно, способствуют меморативные практики, нацеленные на сохранение памяти о войне с акцентом на героическом прошлом. Как отмечает О.В. Головашина, «мы не переживаем наши травмы, если заменяем дискурс трагедии нарративом победителя» [Головашина 2018].

Актуальным направлением исследований воспоминаний является изучение их связи с медиа в традиционном и современном понимании этого слова. В. Зоммер отмечает, что медиа и воспоминания необходимо рассматривать как элементы одного процесса: индивидуальные воспоминания трансформируются в общественные процессы сохранения памяти и наоборот [Sommer 2018]. При этом значение имеют не отдельные медиа, а их совокупность (сети). С этой точки зрения производство памяти о войне – это сложный коллективный процесс, определяющую роль в котором играют не столько рассказчики его фронтовой или тыловой опыт, сколько «социальные рамки памяти» (Николаи 2019).

Медиа не только распространяют, но и конструируют представления о прошлом при помощи меморативных практик. Медийная народная память опирается на семейные воспоминания, в которых представления о прошлом основаны на личных эмоциональных

¹⁷ Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, Д.А. Добровольский, Р.Б. Казаков и др.; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». М., 2015. 685 с.; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие для вузов / И.Н. Данилевский <и др.>. М.: РГГУ, 1998. 703 с.; *Приймак Н.И., Валегина К.О.* Мемуары, дневники, письма как исторический источник: учеб. пособие. СПб.: Изд-во «ЛЕМА», 2018, 71 с.

переживаниях. Она демократична, поскольку фиксируется посредством обыденного языка, дополненного высокой лексикой, придающей торжественность текстам.

Рассмотрим на примере коллекции документов ГАСПИСО особенности поздних воспоминаний о войне. Они систематизированы по авторам – воспоминания ветеранов боевых действий, тружеников тыла и их детей. Авторы принадлежат к поколению 1920–1928 гг. рождения. Это, вероятно, было последнее поколение носителей живой памяти о войне, воспоминания которых опираются на личный опыт. Последующие поколения – дети войны и дети, родившиеся после войны, выступают либо свидетелями, либо трансляторами воспоминаний своих родителей, бабушек и дедушек. Когда контакт с носителями живой памяти о войне прерывается (через три поколения), семейная память приобретает черты преданий и мифологизируется.

Таким образом в 1990–2000-е гг. архиву удалось сохранить воспоминания участников событий 1941–1945 гг., которые только что закончили школу и стояли перед выбором будущего пути. Но выбора у них не было. Вместо учебы в институте они оказались на производстве, в трудармии или на сельскохозяйственных работах. Одним из повторяющихся образов прошлого в воспоминаниях было восприятие войны как события, перевернувшего жизнь и разрушившего мечты¹⁸.

Мне было 15 лет, когда началась война. Отец и брат ушли на фронт, а мне пришлось устраиваться на работу. Я оказалась старшей в нашей большой семье, и надо было помогать маме кормить младших братьев и сестер. Мои мечты окончить 10 классов и поступить в юридический институт не сбылись (Р. Зонova)¹⁹.

С учетом мотивации авторов воспоминаний их можно подразделить на три категории:

- «*мемуары*», написанные в целях увековечения памяти о героях и событиях Великой Отечественной войны, в которых автор выполняет функции свидетеля. Из воспоминаний В.Д. Радионовой:

И мне бывшей партизанке-разведчице прославленного соединения Бати (Коляды Н.З.) на Смоленщине хочется рассказать об участнике партизанского движения, одном из организаторов отрядов «народных мстителей» – Иване Романовиче Шлапакове²⁰.

¹⁸ Мы приближали победу... С. 148.

¹⁹ Там же. С. 190.

²⁰ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

Рукопись написана литературным языком, автор активно использует статистические данные о количестве уничтоженных вражеских эшелонов, техники и солдат, подчерпнутые из научной литературы и архивных документов;

- «сообщения» о военном прошлом (формализованные и неформализованные) – об условиях жизни, чувствах и отношениях, деятельности (производственной, бытовой, общественной), т. е. тексты воспроизводят прошлое с позиций «участника».

Формализованные сообщения содержат краткие ответы на вопросы анкеты. Как правило, это стандартной текст с повторяющейся или очень общей информацией:

Период войны был трудный и на фронте, и в тылу. Мы, подростки, это тоже понимали и работали на военных заводах по 12–20 часов в сутки наравне со взрослыми, делая все для фронта (Н. Прямикова)²¹.

Неформализованные сообщения – тексты очеркового типа с фактами и оценочными суждениями. Сюжет сообщения обычно построен вокруг описания определенного объекта – места работы/учебы автора (завод, школа/вуз, госпиталь, транспорт, колхоз), реже представляет собой жизнеописание (быт, учеба, фронтовые производственные/концертные бригады). Неформализованные сообщения отличаются сюжетностью, логической структурой, фактографичностью, литературным стилем – «жалобы» – тексты с описанием военных заслуг, цель которых обратить внимание на бедственное положение ветеранов в условиях кризиса 1990-х гг. (настоящее с позиций участника).

А теперь о нас даже в День Победы не вспомнят, как будто по щучьему велению все делалось. ...Нас осталось мало. О нас практически забыли (А. Яновская)²².

Всё забыто и все забыты (А.С. Бабинцева)²³.

В архиве сохранились воспоминания ветеранов боевых действий, работников эвакуированных предприятий, учителей, школьников и студентов, врачей и комиссара госпиталя, колхозниц и рабочих. Особую группу составили воспоминания детей.

²¹ Там же. Д. 45. Л. 18.

²² Там же. Д. 53. Л. 29.

²³ Там же. Д. 24. Л. 7.

Особенности воспоминаний, собранных в 1990-е гг., сформулировал в дневниках В.В. Цаплин – директор ЦГАНХ:

Пишутся они <воспоминания> тяжело, т. к. многое давно исчезло из памяти. Хорошо, что осталась записная книжка, которая является стержнем моего мемуарного творчества (запись от 18 августа 1985 г.)²⁴.

Сложность актуализации событий отдаленного прошлого побуждает авторов искать опору в других источниках информации – дневниковых записях, научных трудах, кинообразах, опубликованных воспоминаниях. В результате наблюдается эффект замещения собственных воспоминаний фактами и образами из медиапространства. Отложенные воспоминания приобретают конструируемый характер. Изучение комплекса воспоминаний, имеющих сходную структуру, позволяет выявить повторяющиеся образы и факты, а главное – эмоцию. И если факты могут быть присвоенными, то эмоция остается реальной и подлинной. В воспоминаниях правдивы, прежде всего, чувства, но они также способны исказить факты. Так, например, погода в Свердловске 9 мая 1945 г. по-разному представлена в воспоминаниях:

Сообщение об окончании войны мы услышали по радио в общежитии. Все дружно закричали «Ура!» и помчались на завод. ...Все обнимались, плакали, целовались ...Потом нам объявили, что этот день выходной. *Погода была плохая, шел мокрый снег*, но мы все пошли в город, на площадь 1905 года (А. Лебедева)²⁵.

Объявляют, что сегодня (9 мая) нерабочий день, можно идти отдыхать. А мы не уходим из цеха, не верится, что сегодня не работаем. И вот мы, девчата и ребята, на берегу Исети. Светит яркое солнце. Мы поем, дурачимся до вечера, как малые дети, хотя нам уже по 18–20 лет (Н. Прямикова)²⁶.

Радость от известия о Победе преобразует в памяти окружающий мир и ненастный день Н. Прямикова вспоминает как солнечный.

Другой специфической чертой воспоминаний, отмеченной В.В. Цаплиным, является восприятие героического как коллективной нормы:

²⁴ Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. С. 476.

²⁵ Мы приближали победу... С. 399.

²⁶ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 45. Л. 18.

Мы воевали не за ордена, а за Победу... Я делал то, что делали тысячи других. Это были наши армейские будни (запись от 30 марта 1980 г.)²⁷.

Аналогичные оценки характерны и для тыловых воспоминаний.

Можно выделить гендерные особенности текстов: женские воспоминания более эмоциональны, наполнены бытовыми сюжетами и деталями. Женская память окрашена в зимние цвета – вспоминаются морозы, холод, постоянное недосыпание и усталость. Тепло, солнце и веселье остались в прошлом. Так, повествование Е.Ф. Шабалиной о днях накануне войны (22 июня 1941 г.) наполнено «солнечным» ощущением счастья мирного дня:

20 июня мы, второкурсники, сдали экзамен по физике и 21-го всей группой пошли в лес. Играли в волейбол, пели. Было очень весело. Вернулись с букетами купавок. *Солнечный букет желтых купавок для меня – символ предвоенной безоблачной жизни*²⁸.

Женское восприятие прошлого, сконцентрированное на внутренних переживаниях, отличается от мужского более рационального взгляда. Для сравнения приведем описание первого дня войны, составленное Г. Пушкаревым:

Запомнился первый день войны. ...*Помню спящих встревоженных жителей – с бидонами, ведрами и другой разнокалиберной тарой: разбирали керосин. Тащили, сколько было мочи, соль, раскупали спички.* Народ был опытный – пережили не одну войну, еще были живы участники Первой мировой войны²⁹.

Более сложная эмоция сопровождает воспоминания о дне Победы (9 мая 1945 г.) – всеобщее ликование, горечь от необратимых потерь и неожиданная радость от провозглашенного выходного дня.

В этот день был объявлен выходной, первый выходной за все 1418 дней войны. Потом снова была работа... (В. Плешаков)³⁰.

²⁷ Цит. по: *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. С. 476.

²⁸ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп.1. Д. 52. Л. 8.

²⁹ Там же. Д. 39. Л. 19.

³⁰ Мы приближали победу... С. 70. В воспоминаниях имеются как косвенные, так и прямые указания на предоставление работникам выходных дней: Мы приближали победу... С. 419 (И. Мирошникова); ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 44. Л. 35 (В. Дербукова). С конца 1943 г. по свидетельству

Воспоминания о тыловой повседневности (в отличие от фронтовой) характеризуются также особым восприятием времени:

И вдруг *время остановилось*, – пишет Н. Толмачева, – ...солнце спряталось за тяжелую тучу. А из черной тарелки динамика, прикрепленного на столбе у крыльца, раздалось: «Сегодня Германия без объявления войны, вероломно...». Потом радио замолкло³¹.

Война – это безвременье, наполненное ожиданием, потерями, невзгодами, тяжелым трудом, голодом и усталостью, а еще любовью, надеждой, терпением.

*«Студенческая юность –
пусть и голодная, и военная – все равно юность!»*

Мое внимание привлекли воспоминания нескольких авторов (женщин) о студенческой жизни в условиях войны – это развернутые неформализованные сообщения, в которых содержится рассказ о праздниках и буднях, учебе и работе, способах выживания и условиях жизни студентов Уральского индустриального института и Свердловского государственного университета.

Первое, на что обращаешь внимание – это свидетельства о гендерном составе студентов: даже на «мужских» факультетах учились преимущественно девушки. И только к 1943 г. происходит нормализация ситуации³². Учеба показана через преодоление трудностей – необустроенность учебных помещений, холод, теснота в общежитиях, так как большинство помещений были заняты эвакуированными. В. Полякова отмечает:

Учиться на первом курсе было нелегко – ведь война продолжалась. Университет не имел своего помещения, занятия проходили в разных местах: в зданиях горного и педагогического институтов, в школе № 119 и других. Было холодно, сидели в пальто, в валенках, варежках. В чернильницах замерзали чернила. Не хватало столов, умещались по двое на табуретках, сидели на подоконниках³³.

Н. Кочевой был введен один выходной в неделю (Мы приближали победу... С. 138).

³¹ Мы приближали победу... С. 364.

³² ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 2; Мы приближали победу... С. 290.

³³ Мы приближали победу... С. 150.

Бывшие студенты вспоминают о трудовом дне, включенном в учебное расписание. Один день в неделю студенты бесплатно (за тарелку супа) трудились на производстве, в госпиталях – там, где требовались рабочие руки. Студенты помогали ухаживать за ранеными, особенно запомнились ситуации, связанные с разгрузкой эшелонов с ранеными. Для молодых девчонок это была не только проверка на выносливость, но и на взаимную поддержку и дружбу.

Часто, почему-то именно ночью, поднимали студенток на выгрузку раненых из санитарных вагонов. Это было очень тяжело. Однажды одна довольно хрупкая девочка не выдержала и поставила носилки на землю. Это естественно причинило боль раненому. Солдат выругался, а девочка стоит и плачет. Ей жалко и солдата, и себя, что нет сил поднять эти тяжелые носилки. Выручили подружки (Т. Городенцева-Троицкая)³⁴.

Характерной чертой студенческой повседневности были проблемы с питанием: память о голоде проходит через все тыловые воспоминания, часто включая сведения о кулинарных рецептах.

Самое большое лакомство в осеннее время – это «завариха». Нужно заварить муку кипятком и чуть-чуть вскипятить – дело не сложное. Вкуснятина-то какая! А зима – время трудное, все идет в ход: замерзшие овощи и турнепс, если достанешь его. Все очень любят оладьи из картофельной кожуры (И. Гордеева)³⁵.

И если в воспоминаниях рабочих ощущение постоянного голода и усталости дополняется фактами голодной смерти или несчастных случаев на производстве³⁶, подчеркивая масштаб проблемы, то в воспоминаниях студентов чувство голода – это привычное состояние, но не фатальное. Может быть потому, что у студенческой молодежи было больше возможностей для решения этой проблемы. Среди практик выживания студентов упоминается дополнительная работа, «вылазки» в деревню для обмена вещей на продукты. Для работников предприятий такие варианты были малодоступны, поскольку они находились на военном положении, и нарушение трудовой дисциплины (опоздания или прогулы) каралось трибуналом³⁷. Распространенным способом получения

³⁴ Там же. С. 290.

³⁵ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

³⁶ Там же. Д. 42. Л. 1: Воспоминание Л.А. Мельниковой.

³⁷ Там же. Д. 48. Л. 3: Воспоминание Е.П. Сотниковой.

дополнительного питания для студентов была сдача крови. Из дневника И. Гордеевой:

Мы, студенты, стали донорами. У меня группа крови 1 А – наиболее ходовая. Сдавать кровь будем через месяц. ...После сдачи крови нам выдают надбавку к хлебной карточке в течение месяца по 100 граммов на день. Такое богатство! Три килограмма! Конечно, весь мой хлеб мы выкупали сразу же и для полного счастья шли в кино³⁸.

Традиционным сюжетом воспоминаний студентов были сельскохозяйственные работы. Запомнился тяжелый труд на колхозных полях, «экзотические» условия жизни и ...возможность «подкормиться»:

Институт направил нас на работу в Туринский район, в колхоз. ... проработали мы более четырех месяцев: ухаживали за овощами, убирали их, помогали в уборке хлеба, копали картошку... На ногах вся обувь изорвалась, и мы привязывали подошву веревочками, поясами. Давали нам по 400 граммов черного хлеба, чекушку молока, картошку ели сами прямо на поле (Е.Тимина)³⁹.

Несмотря на непривычный тяжелый труд, студенты не унывали – шутили, пели песни, помогали друг другу. Наверное, эти полярные образы – война, голод, тяжелый физический труд, с одной стороны, и студенческая юность, устремленная в будущее, вера в победу и дружба – с другой, создавали тот особый эмоциональный фон, который ощущается в воспоминаниях спустя полвека.

Почти каждое воскресенье мы бегали на танцы в военное училище рядом с институтом. В актовом зале танцевали под духовой оркестр и напрочь забывали о своих голодных желудках (А. Замыслова)⁴⁰.

Заключение

Народная память хранит особый образ войны, для которого характерны героическое преодоление нарастающих проблем повседневности и обыденность подвига, т.е. превращение его в коллективную норму. Н.Ф. Стародубова в воспоминаниях так объясняет данный феномен:

³⁸ Там же. Л. 4–6.

³⁹ Там же. Д. 50. Л. 2.

⁴⁰ Мы приближали победу... С. 286–287.

Работали мы, молодые, по 12 часов на морозе, испытыв и холод, и голод, и болезни. Но сильная любовь к Родине, страшная ненависть к лютому врагу, порушившему все наши планы и мечты и наладившуюся для большинства уже вполне сносную жизнь, придавали нам силы и энергию. Мы не должны были уступать, отступать, поддаваться, нам надо было выстоять, выдюжить и вновь вернуться к довоенному времени⁴¹.

Поздние (отложенные) воспоминания ветеранов войны и тружеников тыла, написанные в 1990-е гг. – ценный, но непростой для анализа источник. Он содержит *эмоционально правдивый образ* военной повседневности, включает как реальные факты, так конструируемые медиасредой образы.

Литература

- Алёшина, и др. 2021 – *Алёшина Е.Ю., Блох М.Я., Разуваева Т.А., Вагнер Х., Комплеев А.В.* Глобальный конфликт прошлого в современном медиапространстве: историческая память в дискурсивном ракурсе // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. Т. 3. № 4. С. 17–50.
- Аникин 2017 – *Аникин Д.А., Головашина О.В.* Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 4. С. 78–84.
- Головашина 2018 – *Головашина О.В.* Как боль становится общей? Культурная травма как процесс // *Studia Humanitatis*. 2018. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-bol-stanovitsya-obschey-kulturnaya-travma-kak-protsess> (дата обращения: 17.10.2025).
- Горшкова 2023 – *Горшкова Н.В.* Мемуары о Великой Отечественной войне (библиографический ракурс) // *Библиография и книговедение*. 2023. № 6. С. 55–60. <https://doi.org/10.25281/2411-2305-2023-6-55-60>
- Колосова, Цаплин 1965 – *Колосова Э.В., Цаплин В.В.* Государственные архивы и документальные фонды личного происхождения // *Вопросы архивоведения*. 1965. № 4. С. 14–23.
- Николаи 2019 – *Николаи Ф.* [Рец.:] Мнемозина и Марс: «новые войны» и старые рамки памяти // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 5 (159). С. 353–364.
- Тартаковский 1999 – *Тартаковский А.Г.* Мемуаристика как феномен культуры // *Вопросы литературы*. 1999. № 1. С. 35–55.
- Уральский филиал 2024 – *Уральский филиал Комиссии по истории Великой Отечественной войны Академии наук СССР: архивный фонд, деятельность, документы / науч. ред. А.С. Мохов, А.В. Шаманаев.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2024. 292 с.

⁴¹ ГАСПИСО. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 69. Л. 7.

- Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. 808 с.
- Шнирельман 2021 – *Шнирельман В.А.* Травматическое прошлое: память и нарратив // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.
- Sommer 2018 – *Sommer V.* Mediatisierte Erinnerungen. Medienwissenschaftliche Perspektiven für eine Theoretisierung digitaler Erinnerungsprozesse // (Digitale) Medien und soziale Gedächtnisse, Erinnern und Vergessen – Memory Studies / Hrsg. von G. Sebald, M.-K. Döbler (Eds.). Wiesbaden: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 2018. S. 53–79. DOI: 10.1007/978-3-658-19513-7_3.

References

- Aleshina, E.Yu., Blokh, M.Ya., Razuvaeva, T.A., Wagner, H. and Kompleev, A.V. (2021), “Global conflict of the past in contemporary media space: historical memory in a discursive perspective”, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, vol. 3, no. 4, pp. 17–50.
- Anikin, D.A. and Golovashina, O.V (2017), “Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research”, *Tomsk State University Journal*, no. 4, pp. 102–123.
- Golovashina, O.V. (2018), “How does pain become common? Cultural trauma as a process”, *Studia Humanitatis*, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-bol-stanovitsya-obschey-kulturnaya-travma-kak-protsess> (Accessed 17 Oct. 2025).
- Gorshkova, N.V. (2023), “Memoirs about the Great Patriotic War (bibliographic perspective)”, *Bibliografiya i knigovedenie*, no. 6, pp. 55–60.
- Khorkhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Personal origin archives in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Kolosova, E.V. and Tsaplin, V.V. (1965), “State archives and documentary funds of personal origin”, *Voprosy arkhivovedeniya*, no. 4, pp. 14–23.
- Mokhov, A.S. and Shamanaev, A.V., eds. (2024), *Ural'skii filial Komissii po istorii Velikoi Otechestvennoi voiny Akademii nauk SSSR: arkhivnyi fond, deyatel'nost', dokumenty* [The Ural branch of the Commission on the history of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences: archival fund, activities, documents], Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, Ekaterinburg, Russia.
- Nikolai, F. (2019), “[Review of:] Mnemosyne and Mars: ‘new wars’ and old memory frameworks”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, vol. 159, no. 5, pp. 353–364.
- Shnirel'man, V.A. (2021), “Traumatic past: memory and narrative”, *Siberian Historical Research*, no. 2, pp. 6–29.
- Sommer, V. (2018), “Mediatisierte Erinnerungen. Medien wissenschaftliche Perspektiven für eine Theoretisierung digitaler Erinnerungsprozesse”, in Sebald, G. and Döbler, M.-K., Hrsg., *(Digitale) Medien und soziale Gedächtnisse. Soziales Gedächtnis, Erinnern und Vergessen – Memory Studies*, Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, Wiesbaden, Germany, pp. 53–79.
- Tartakovskii, A.G. (1999), “Memoir writing as a cultural phenomenon”, *Voprosy literatury*, no. 1, pp. 35–55.

Информация об авторе

Людмила Н. Мазур, доктор исторических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия: 620000, Россия, Екатеринбург, пр-кт Ленина, д. 51; Lmaz@mail.ru

ORCID ID:0000-0003-0407-3816

Information about the author

Ludmila N. Mazur, Dr. of Sci. (History), Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; 51, Lenin Av., Ekaterinburg, Russia, 620000; Lmaz@mail.ru

ORCIDID: 0000-0003-0407-3816

Путь на восток: эвакуация документов Государственного архива Калининской области в годы Великой Отечественной войны

Андрей А. Павлов

*Государственный архив Тверской области,
Тверь, Россия, andrey.pavlov1994@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется деятельность Государственного архива Калининской области в годы Великой Отечественной войны в условиях эвакуации. Рассматриваются шаги, которые предпринимал Архивный отдел УНКВД по Калининской области (позднее Отдел государственных архивов) в области спасения архивных документов подчиненного областного архива в Калинин и его филиала в Ржеве. Акцентируется внимание на экономических и кадровых проблемах, с которыми пришлось столкнуться архивистам на подготовительном этапе при отборе документов к эвакуации. Автор статьи исследовал комплекс документов об условиях хранения архивных материалов в Уфе и Чкалове, куда часть Архивного фонда Калининской области была эвакуирована, состояния архивохранилищ в Калинин после освобождения города от немецко-фашистской оккупации. Отдельное внимание уделено тем действиям, которые предпринимались архивистами в области переучета, реставрации и использования архивных документов в 1942–1945 гг. в условиях разрозненности архивных фондов. При проведении исследования автором статьи были привлечены архивные материалы (планы, обзоры, акты, приказы, рапорты, инструкции и др.) из фондов Государственного архива Тверской области и Государственного архива Российской Федерации.

Ключевые слова: Калининская область, архивы, эвакуация, документы, использование документов, Великая Отечественная война, потери, Калинин, Ржев, Уфа, Чкалов

Статья поступила в редакцию 1 декабря 2025 г.;
принята к публикации 26 января 2026 г.

Для цитирования: Павлов А.А. Путь на восток: эвакуация документов Государственного архива Калининской области в годы Великой Отечественной войны // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 179–193. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-179-193

The way to the East: evacuation of the documents from the State Archives of the Kalinin region during the Great Patriotic War

Andrei A. Pavlov

*State Archives of the Tver region,
Tver, Russia, andrey.pavlov1994@yandex.ru*

Abstract. The article provides an analysis of the activities and evacuation of the State Archives of the Kalinin region during the Great Patriotic War. The paper examines the steps taken by the Archival Department of the UNKVD in the Kalinin region (thereafter the State Archives Department) for saving the archival materials of the subordinate regional archives in Kalinin and its branch in Rzhev. Attention is focused on the economic and personnel problems that the archivists had to face at the preparatory stage when selecting the documents for the evacuation. The author of the article examined a set of the documents concerning the storage conditions of the archival materials in Ufa and Chkalov, where part of the Archival Fund of the Kalinin region had been evacuated, and the conditions of the archives in Kalinin after the liberation of the town from the Nazi occupation. Special attention is paid to the actions taken by the archivists in the field of re-accounting, restoration and the use of the archival documents in 1942–1945 under the disunity of archival funds. During the research, the author used the archival materials (the plans, reviews, acts, orders, reports, instructions, etc.) from the funds of the State Archives of the Tver region and the State Archives of the Russian Federation.

Keywords: Kalinin archives, evacuation, documents, use of archival documents, Great Patriotic War, losses, Kalinin, Rzhev, Ufa, Chkalov

The article was submitted for publication 01.12.2025;
accepted for publication 26.01.2026.

For citation: Pavlov, A.A. (2026), “The way to the East: evacuation of the documents from the State Archives of the Kalinin region during the Great Patriotic War”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 179–193, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-179-193

Введение

Великая Отечественная война – тяжелейший этап в истории архивов СССР. Накануне войны не было принято должных мер со стороны Главного архивного управления НКВД по подготовке нормативной базы, архивов и архивистов к работе в условиях военного времени. Архивы на местах оказались почти парализованы,

приходилось действовать в большой спешке и без четких инструкций [Хорхордина 1994, с. 260].

Осмысление опыта деятельности архивов СССР в годы войны началось еще в 1940-е гг.¹, а в настоящее время сформировалась обширная, хотя и не исчерпывающая, историография по этому вопросу. Общие вопросы о положении архивов, роли центральных органов архивного управления в спасении Государственного архивного фонда страны получило отражение в работах В.В. Максакова, О.Н. Копыловой, Т.И. Хорхординой [Максаков 1961; Максаков 1969; Копылова 1989; Копылова 1990; Копылова 2005; Копылова 2019; Хорхордина 1994]. Потери, конкретные шаги по спасению и использованию документов в условиях войны проанализированы на материале региональных архивов, например, в статье Н.М. Корневой и Д.И. Раскина, посвященной положению ленинградских архивов в годы Великой Отечественной войны [Корнева, Раскин 2020], Л.М. Сориной, которая наиболее полно проанализировала статистику по эвакуированным документам из архивов Калининской области и утратам [Сорина 2001]. Отдельное место в историографии занимают статьи, посвященные деятельности архивных отделов регионов Востока страны, которые принимали эвакуированные документы [Боброва 2008; Бурангулов 2014; Хакимов 2018].

В настоящей статье на основе архивного материала анализируются те действия, которые были предприняты Архивным отделом УНКВД по Калининской области и архивистами областного архива для спасения документов, условия хранения документальных материалов в эвакуации, освобожденном от оккупации Калининне, а также особенности использования документов в военное время.

Подготовка к эвакуации

Незадолго до начала Великой Отечественной войны Циркуляром Главного архивного управления НКВД СССР 7 апреля 1941 г. предписывалось на основании Постановления СНК СССР от 29 марта 1941 г. провести реорганизацию областных государственных архивов. Реорганизация архивов в Калининской области закончилась к 1 июня 1941 г. На базе существовавших самостоятельно двух областных архивов – Исторического и Октябрьской революции – был создан единый областной государственный архив. Бывшие самостоятельные архивы вошли в состав

¹ *Соффинов П.Г.* Советские архивы в период Великой Отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 11. С. 64–65.

Отдела государственных архивов УНКВД по Калининской области в качестве отделов (подотделов), хотя в документах какое-то время еще сохранялось прежнее наименование: АОР – Архив октябрьской революции и Истарх – Исторический архив².

После рокового дня, 22 июня 1941 г., архивы страны стали переводить на военный режим. Приказ ГАУ НКВД СССР, утверждавший меры по устройству светомаскировки, круглосуточного дежурства и укрытия документов был издан в 16 часов 23 июня 1941 г. [Хорхордина 1994, с. 260–261]. Этим же числом был подготовлен приказ № 69 по Архивному отделу УНКВД по Калининской области. Ввиду угрожающего положения для сохранности документов с 23 июня при Отделе вводилось ежедневное ночное дежурство с 18:30 и до 9 часов утра следующего дня. Ответственный дежурный по Отделу должен был держать связь:

- со штабом Местной противовоздушной обороны (МПВО) Заволжского района г. Калинина (в этом районе размещалось помещение для руководства АО УНКВД),
- со штабом МПВО УНКВД,
- с ответственными дежурными по УНКВД Калининской области,
- со сторожами-дворниками архивов.

Также, за обязанностями ответственного закреплялось:

- 1) следить за светомаскировкой;
- 2) не покидать рабочее место в Отделе;
- 3) держать радио-репродуктор всегда включенным;
- 4) в случае возникновения какого-либо происшествия, как в архивах, а также и на объекте, ответственный дежурный по Отделу должен был принять меры по его ликвидации и немедленно оповестить о происшествии Штаб МПВО Заволжского района, ШТАБ МПВО УНКВД КО и ответственного дежурного по УНКВД;
- 5) при необходимости срочно вызывать начальника Отдела и других сотрудников Отдела и архивов по установленной очередности;
- 6) до прибытия начальника Архивного отдела осуществлять выполнение плана мероприятий МПВО³.

Стоит обратить внимание, что еще до войны личный состав Архивного отдела и областных архивов регулярно сдавал зачеты на значок «противовоздушная и противохимическая оборона» (ПВХО). Обучение и сдача норм на значок ПВХО регулировалась распоряжениями Центрального Совета Осоавиахима СССР. Актуальными знания оставались два года, на третий происходила

² Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 157. Л. 89.

³ Там же. Л. 71.

пересдача. Последний зачет группа сотрудников сдавала в марте 1941 г.⁴

В каждом хранилище к 24–25 сентября 1941 г. предполагалось организовать пожарные звенья и увеличить количество инструментов и ресурсов для борьбы с возможными возгораниями – бочек с водой, ящиков с песком, рукавиц, щипцов, ведер. В АОРе и Архивном отделе пожарные звенья состояли из трех человек, на каждого из которых приходилось по одному ящику с песком и водой. В здании № 1 Истарха (Успенская церковь бывшего Отроч монастыря) звено должно было состоять из пяти человек с размещением пяти бочек с водой и пяти ящиков с песком. Здание № 2 (Экономическая секция, близ ул. Советская) снабжалось таким же количеством противопожарного оборудования, как в здании № 1, а звено было меньше – три человека. Также планом предусматривалось формирование при Архивном отделе по 1 противохимическому и медико-санитарному звену, по пять и четыре человека соответственно⁵.

5 июля 1941 г. Совнарком СССР совместно с ЦК ВКП(б) под грифом «Совершенно секретно» за подписью И.В. Сталина издал постановление «Об эвакуации архивов». В этом постановлении определялись центральные архивы страны, подлежащие эвакуации, и города, которые должны были принять документы и сроки эвакуации [Копылова 2019, с. 87]. Впоследствии вместе с документами центральных архивов в эвакуацию в Уфу и Чкалов отправились документы региональных архивов, в том числе Калининской области.

В первые два месяца после начала войны для Калининского областного государственного архива и его филиала в г. Ржеве первостепенными стали задачи по отбору к эвакуации наиболее ценных документальных материалов и выделению к уничтожению материалов, не имеющих научно-исторического или практического значения в текущей военной обстановке. Решать эти задачи приходилось в соответствии с упомянутым постановлением СНК и ЦК ВКП(б) «Об эвакуации архивов», особым приказом НКВД СССР № 0401 от 30 августа 1941 г. «Об охране государственных архивов в военное время»⁶ и инструкцией «По выделению документальных материалов, не подлежащих хранению в государственных архивах», утвержденной приказом Главного архивного управления НКВД СССР № 16 от 16 июля 1941 г.⁷

Еще 22 апреля 1941 г. начальником Архивного отдела УНКВД по Калининской области были утверждены штатные расписания

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Д. 205. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 294. Л. 2.

⁷ Там же. Д. 157. Л. 83.

самого отдела и областного госархива. В областном архиве было 38 штатных единиц, из которых были заняты 36, в ржевском филиале значились 14 штатных единиц, из них фактически заняты были 13⁸, в самом Архивном отделе было 14 должностей, три из которых были вакантны⁹. С началом войны ситуация с кадрами коренным образом поменялась. 21 июля 1941 г. в Калинин из работников Архивного отдела и областного архива на земляные работы мобилизовали 18 человек (из них 17 из облгосархива), в филиале г. Ржева ситуация оказалось совсем критической – из работников остались директор и один сторож¹⁰. О тяжести кадровой ситуации и возможном срыве подготовительной работы по эвакуации документальных материалов председателю исполкома Калининского облсовета неоднократно докладывал начальник Архивного отдела УНКВД или врио¹¹.

Добавляла сложности ситуация с финансированием, средств не хватало. В сентябре 1941 г. лейтенант госбезопасности Андреев сообщал, что в распоряжение Архивного отдела УНКВД ежемесячно поступали 17 900 руб., из которых 16 000 руб. уходили на зарплату сотрудникам. При этом, по расчетам, для эвакуации наиболее важных материалов областного архива требовалось в два раза больше средств: на закупку ящиков (5500 шт.) и оплату железнодорожных тарифов (за 23 вагона) – 35 000 руб.

К эвакуации первой очереди были выделены секретные документальные материалы Калининского областного архива в объеме 394 фонда (146 из АОРа и 248 из Истарха) общим объемом 646 117 ед. хр. или 172 тонны. На такой объем документов требовалось 4,5 тыс. ящиков и 17 вагонов¹² (дальнейший перерасчет показал, что требуется 20 вагонов на ОАР и Истарх). В филиале г. Ржева к эвакуации был выделен 181 фонд объемом 91 940 ед. хр., под которые должны были отвести шесть вагонов. Еще 48 тонн документов в трех вагонах предполагалось вывезти из районных архивов¹³. Для эвакуации архивных материалов по всему Калининскому областному архиву потребовался бы 51 вагон под 28 тыс. ящиков для 2053 фондов весом 877 т¹⁴.

⁸ К 1 июня фактически было 12 человек. См.: ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 205. Л. 12.

⁹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 199. Л. 4–10.

¹⁰ Там же. Д. 205. Л. 19.

¹¹ Там же. Л. 4, 18.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Л. 16.

Работу по отбору фондов и дел к эвакуации необходимо было проводить совместно с работой по выделению макулатуры. Сохранились инструкции врио начальника АО УНКВД по Калининской области: «Усильте работу по выделению макулатуры, явную макулатуру выделяйте независимо от сроков хранения по перечням»¹⁵, «К уничтожению могут также отбираться дела и документы, находящиеся в текущем делопроизводстве, срок хранения которых еще не истек, но в дальнейшем эти дела в оперативно-справочных целях не потребуются <...> Уничтожение архивных материалов должно производиться после утверждения актов или отборочных списков председателем Райисполкома <...> Архивные материалы от учреждений в Обл. архив не принимать за исключением учреждений, которые полностью ликвидируются <...> принимать только наиболее ценные материалы...»¹⁶.

Для выделения из областного архива материалов, не имеющих научно-исторического или практического значения, была создана комиссия в составе начальника отдела Октябрьской революции (в документе он значится как директор архива, имеется в виду директор АОРа) В.Н. Кустова, старшего научного сотрудника Н.Ф. Дюковой и научного сотрудника В.А. Зайцевой. В.Н. Кустов был назначен председателем комиссии¹⁷.

Положение областного архива в эвакуации

30 августа 1941 г. из Ржевского филиала областного архива в г. Чкалов были отправлены шесть вагонов документов. Эвакуированные материалы разместили в «загородном церковном помещении» (здание бывшего собора Николая Чудотворца в Форштадте). Это помещение уже было занято под архивные нужды, помимо ржевских, сюда же свезли свыше 60 вагонов с документами из крупнейших архивов СССР. Документы ржевского филиала делили помещение с Ленинградским военно-морским архивом. Хранилище было темным, электроосвещение отсутствовало, часть окон была забита фанерами. В ходе обследования один из инспекторов сообщила, что ранее помещение было занято зернохранилищем. В связи с этим обстоятельством имелись грызуны: «кроме кошек и мышеловок других средств борьбы с ними не применяется». Документальные материалы находились в связках, размещались навалом, оставался полутораметровый проход. Проветривание осуществлялось за счет двух дверей хранилища. В хранилище были минимальные

¹⁵ Там же. Л. 51.

¹⁶ Там же. Л. 52.

¹⁷ Там же. Д. 157. Л. 83.

необходимые противопожарные средства, для охраны круглосуточно дежурил вахтер¹⁸. Стесненные условия, отсутствие необходимого рабочего кабинета с достаточным пространством и топлива для отопления тормозили работу с документами.

Из Калинина в период с 25 августа по 13 октября 1941 г. в г. Уфу были эвакуированы 15 вагонов документальных материалов, имеющих научно-справочное, народно-хозяйственное и справочное значение (162 тыс. ед. хр. – 408 фондов)¹⁹. Для размещения эвакуированных документов была предоставлена часть конюшни кавэскадрона милиции НКВД БАССР по ул. Цюрупы, д. 15. Это помещение использовалось под склад, и к моменту прибытия документов ранее запланированный ремонт не был произведен²⁰. Также сообщалось, что хранение документов в этом помещении вызывало у специалистов опасения, так как «на них могут действовать испарение рядом расположенных стоящих лошадей, кроме того конюшня наводнена грызунами»²¹. Еще в одном помещении – на стадионе «Динамо» по ул. К-Маркса, д. 2., документы были сложены в отведенных помещениях с пола до потолка и соседствовали с документами, эвакуированными из Воронежской области. Наблюдалась проблема с вентиляцией. Помещения, ставшие хранилищами для архивных документов, соседствовали с бильярдной и детской площадкой, тут же располагалось несколько жилых комнат (для начальника АО УНКВД КО и одна для секретаря спортобщества «Динамо»)²². Работа с документами в Уфе имела те же характерные особенности, что и в Чкалове: рабочие комнаты были крайне малы, в условиях зимы были вовсе не пригодны для работы. Тем не менее в акте за август 1942 г. отмечалось, что сотрудники проделали большую работу по выделению документов к уничтожению и по реставрации документов районных архивов²³, а в докладных записках, направляемых в Москву, указывали, что эвакуированные материалы находятся в хорошем состоянии, за исключением хранилища, размещенного в конюшне кавэскадрона в Уфе²⁴.

¹⁸ Там же. Д. 260. Л. 35.

¹⁹ Там же. Д. 264. Л. 22.

²⁰ В докладе от 24.08.1942 г. отмечено, что ремонт произведен. См.: ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 264. Л. 22 об.

²¹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 264. Л. 22 об.

²² Там же. Д. 260. Л. 32. Позднее СО «Динамо» затребовало выселить архив из некоторых занимаемых им комнат, т.к. требовались помещения для обслуживания детей и кассы при зимнем катке. См.: ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 284. Л. 12.

²³ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 260. Л. 33.

²⁴ Там же. Д. 264. Л. 13, 14, 17.

В начале сентября 1942 г. была подготовлена докладная записка со сводными данными по документам, эвакуированным из областного архива в Уфу и Чкалов. Однако логика этой докладной записки нарушена. Приводимые в ней данные перемешаны, наряду с цифрами по количеству эвакуированных архивных фондов и документов из хранилищ областного архива, приводятся данные по районным архивам и историческо-научно-справочной библиотеке. Общая цифра об эвакуации 580 509 ед. хр. не складывается из подробных данных, которые приведены в этом же документе, с количеством эвакуированных фондов наблюдается такая же путаница²⁵.

Состояние хранилищ после освобождения г. Калинина от оккупации

Тем временем в Калининской области велись ожесточенные бои, областной центр находился в оккупации с 13 октября по 16 декабря 1941 г. Архивный отдел УНКВД Калининской области²⁶ был эвакуирован в Уфу, где находился в подчинении НКВД Башкирской АССР. В Уфу были эвакуированы девять сотрудников из состава Архивного отдела и Калининского областного архива²⁷, в Чкалов – всего один сотрудник²⁸.

Работа Отдела госархивов УНКВД Калининской области была возобновлена после освобождения г. Калинина. В январе в Калинин был откомандирован начальник Отдела Н.Е. Андреев, затем из Уфы вернулись еще пять сотрудников. Три сотрудника остались в Уфе до полной реэвакуации документов в 1945 г. [Сорина 2001, с. 8].

Одна из первых задач, которую предстояло решить архивистам после отступления немецко-фашистских захватчиков, – это оценка состояния хранилищ. Согласно актам от 15–24 февраля 1942 г. положение было следующим. Здание бывшей Воскресенской церкви по Первомайской наб., д. 38, в котором располагались Архивный

²⁵ Там же. Л. 27–27 об.

²⁶ С 1 января 1942 по 12 мая 1944 г. Архивный отдел УНКВД по Калининской области был реорганизован в Отдел государственных архивов УНКВД по Калининской области. 12 мая 1944 г. отделу было возвращено прежнее наименование.

²⁷ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 284. Л. 8–9.

²⁸ Там же. Д. 205. Л. 12. Согласно докладной записке начальника Отдела госархивов УНКВД по Калининской области от <августа> 1942 г. в Чкалов никто из сотрудников не выезжал (ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 264. Л. 13–13 об. Там же. Д. 284. Л. 6).

отдел, отдел секретных фондов и научно-справочная библиотека, пострадало от прямых попаданий орудийных снарядов: трещины в стенах, потолках, обвал штукатурки от ружейно-пулеметной стрельбы, выбитые стекла, поломанные рамы, взломанная входная дверь, повреждения печей. Был расхищен хозяйственный инвентарь, выломана часть стеллажей, неэвакуированная часть научно-справочной библиотеки была разбросана. Наблюдались признаки того, что помещение использовалось под «отхожее место»²⁹.

Здание бывшей Скорбященской церкви по ул. Володарского, д. 1, в котором располагались материалы фондов Октябрьской революции и соц. строительства (бывш. АОР), имело разрушения того же характера, что и здание по Первомайской набережной. Часть оставшихся в здании материалов была сброшена со стеллажей и превращена в состояние россыпи, часть была сожжена, часть – похищена³⁰.

Здание-хранилище документальных материалов дореволюционных фондов (бывш. Успенская церковь Отроч монастыря) по адресу Первомайская наб., д. 1 имело, как и другие хранилища, повреждения от попадания орудийных снарядов: обвалы штукатурки, трещины в стенах, выбитые стекла, взломанные двери, разрушенные стеллажи и т. д. От разрывов снарядов были повреждены материалы порядка 11 фондов, вскрыты ящики с документами, которые эвакуировать не успели³¹.

Здание бывшей Филипповской церкви по Первомайской наб., д. 108 и квартира старшего научного сотрудника при нем также имели следы пяти прямых попаданий орудийных снарядов, разрушений и разграблений.

При этом в хранилищах по Первомайской наб., д. 1 и д. 108 сохранились в порядке 260 ящиков, 25 кулей и 600 связок, которые не успели эвакуировать³².

Планы работы и направления деятельности областного архива в 1942–1945 гг.

На основании обследования хранилищ облгосархива был составлен план неотложных задач:

1. Укомплектовать штаты Отдела и областного архива.

²⁹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 260. Л. 1–2.

³⁰ Там же. Л. 3–4.

³¹ Там же. Л. 7–8.

³² Там же. Л. 8.

2. Наиболее ценные из оставшихся материалов отобрать и эвакуировать до 15 марта³³.
3. Принять срочные меры по обеспечению сохранности документальных материалов от вражеских бомбардировок и хищений, подыскать подвальные и другие безопасные помещения для размещения важнейших материалов.
4. Немедленно организовать унитарную команду, все противопожарные оборудования привести в боевой порядок, усилить охрану архива в ночное время.
5. Составить план работы Отдела и облархива на март и II-й квартал 1942 г.
6. Произвести точный учет всех поврежденных и расхищенных документальных материалов, составив инвентарные описи.
7. Произвести полную инвентаризацию всего имущества Отдела госархивов и областного архива.
8. Произвести ремонт инвентаря, окна архивохранилищ заделать ставнями.
9. Возобновить работу всех районных архивов, очищенных от немецкой оккупации³⁴.

Боле того, требовались средства на ремонт зданий, восстановление стеллажей. Начальник Отдела государственных архивов УНКВД по Калининской области лейтенант госбезопасности Андреев рапортовал в Москву: «Без проведения вышеуказанных мероприятий и ремонтных работ как отдел, так и Областной Государственный архив нормально работать не могут». Поэтому было затребовано 75 тыс. руб.³⁵

Помимо первостепенных задач учета, хранения и эвакуации архивных материалов в 1942 г. в план были внесены задачи по использованию документов. «Перед Отделами Государственных архивов НКВД и УНКВД республик, краев и областей в 1942 г. стоит поэтому важнейшая задача организации максимального использования документальных материалов Государственного архивного фонда...». ГАУ НКВД предлагало установить связь с заинтересованными в использовании документальных материалов учреждениями и организациями. Запросы учреждений, предприятий и организаций по выявлению необходимых им документов предписывалось «выполнять в кратчайшие сроки, организуя, в случае необходимости, работу круглосуточно»³⁶.

³³ Новая партия документов в пяти вагонах была эвакуирована в Уфу 26 апреля 1942 г.

³⁴ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 260. Л. 21–22.

³⁵ Там же. Д. 264. Л. 10.

³⁶ Там же. Д. 284. Л. 15.

Например, в 1943 г. от Облплана Калининской области в ОГА УНКВД по Калининской области поступили запросы на выявление документов по темам: «Полезные ископаемые Калининской области», «Сельское хозяйство Калининской области». Для облеглопрома были выявлены материалы о кустарных промыслах Калининской области³⁷.

В октябре 1942 г. в плане облгосархива значилось составление двух сборников: «Строительство советской власти в Тверской губернии в первые годы революции» (объемом 7–8 печ. л.) и «Тверь в 1812 г.» (объемом 5 печ. л.)³⁸. В области научно-исследовательской работы были выявлены документальные материалы по темам:

1. Тверитяне в 1812 г.
2. Зверства немцев в 1-ю Империалистическую войну (опубликована статья).
3. Строительство дорог в Тверской губернии.
4. Сбор средств в фонд обороны в годы гражданской войны.
5. Зверства, грабежи и разрушения немецко-фашистских захватчиков в оккупированных районах Калининской области.

В 1943 г. научно-исследовательская работа включала подбор материалов для различных публикаций, в том числе в местной печати (например, «Установление Советской власти в г. Твери», а тема «Сбор средств Тверской губ. в фонд обороны в годы гражданской войны» перекочевала из прошлогоднего плана), разбор архивных документов для подготовки издания «Империалистическая война 1914–1918 гг.», написание характеристик к различным фондам³⁹.

Работа по выявлению документов проводилась по материалам, находящимся в г. Калинин. Многие из задуманного не доходило до публикации⁴⁰. Руководство сообщало, что «разборка ящиков по фондам и работа над самими материалами в тех условиях, которые имеются в Уфе и Чкалове, возможна только с мая месяца», так как помещения не отапливались⁴¹.

В целом в области научной деятельности работы должна быть развернута работа по выявлению и подбору документального материала для подготовки и издания архивных сборников, отдельных документов, брошюр, статей, выставок на актуальные политические и хозяйственно-экономические темы. По мере возможностей проводилась научно-исследовательская работа, научно-издательская,

³⁷ Там же. Д. 294. Л. 17–20.

³⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1652. Л. 6.

³⁹ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 346. Л. 4–8.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 1652. Л. 7.

⁴¹ Там же. Л. 6.

агитационно-пропагандистская (культурно-массовая и пропагандистская работа среди трудящихся и в госпиталях)⁴².

Реэвакуация документальных материалов в Калининскую область началась в 1944 г. и была завершена в сентябре 1945 г.⁴³ Сотрудники сразу приступили к разбору вернувшихся фондов и продолжили работу по оценке ущерба, которая длилась несколько послевоенных лет.

Заключение

Таким образом, обстоятельства военного времени кардинально поменяли привычную работу архивов Калининской области, в кратчайшие сроки приходилось решать задачи по выделению документов к эвакуации и разгрузке хранилищ от документов, не имевших исторической, научной или оперативной ценности, и не всегда это происходило успешно. Выполнение этих задач теснейшим образом было связано с ограниченными средствами, временем, штатом сотрудников, архивы оказались зависимы от решений вышестоящих организаций: Калининского облисполкома, городских отделов НКВД, за которыми оставались решения по вопросам финансов, выделения транспорта, возвращения сотрудников с земельных работ. Тем не менее часть документов Калининского государственного областного архива была эвакуирована в первые месяцы войны. Анализ отчетной документации, докладных записок и иных учетных документов, не позволил определить точные цифры эвакуированных из облгосархива документов, они смешаны с данными по районным архивам, а документы из филиала в г. Ржеве были отправлены в эвакуацию вовсе без точного учета. Несмотря на не самые лучшие условия для хранения в помещениях, выделенных в Уфе и Чкалове, по меньшей мере 38% архивных документов областного архива оказались вне зоны боевых действий, были спасены от оружейных взрывов и возможных расхищений. Однако отчеты в то же время показывали, что среди эвакуированных документов оказались те, которые не должны были попасть в «списки на спасение». Работа Отдела госархивов УНКВД по Калининской области не прекращалась, а после освобождения г. Калинина от оккупации помимо переучета, оценки ущерба, обеспечения сохранности стали решаться задачи по использованию документов в научных, издательских и агитационных целях.

⁴² Там же. Л. 2–3; ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 346. Л. 3.

⁴³ ГАТО. Ф. Р-1583. Оп. 1. Д. 497. Л. 2, 8.

Литература

- Бурангулов 2014 – *Бурангулов Б.В.* Эвакуация государственных архивов в Башкирскую АССР в годы Великой Отечественной войны // Отечественные архивы. 2014. № 2. С. 30–35.
- Боброва 2008 – *Боброва В.С.* Сибирь как база для эвакуации архивных документов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2008. С. 58–65.
- Копылова 1989 – *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны // Архивы СССР: История и современность: сб. науч. трудов. М.: МГИАИ, 1989. С. 136–142.
- Копылова 1990 – *Копылова О.Н.* К проблеме сохранности ГАФ СССР в годы Великой Отечественной войны // Советские архивы. 1990. № 5. С. 37–44.
- Копылова 2005 – *Копылова О.Н.* Организация и проведение эвакуации центральных государственных архивов СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник архивиста. 2005. № 5–6 (89–90). С. 372–380.
- Копылова 2019 – *Копылова О.Н.* Совнарком – Совмин СССР и архивы: постановления высшего органа исполнительной власти СССР в области архивного дела в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенный период // История и архивы. 2019. № 3. С. 84–100.
- Корнева, Раскин 2020 – *Корнева Н.М., Раскин Д.И.* Ленинградские архивы и архивисты в Великой Отечественной войне: эвакуация, борьба за спасение архивов, потери, архивные документы на службе Отечеству // История и архивы. 2020. № 4. С. 53–75.
- Максаков 1961 – *Максаков В.В.* Архивы и архивное дело СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы архивоведения. 1961. № 2. С. 3–13.
- Максаков 1969 – *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969. 431 с.
- Сорина 2001 – *Сорина А.А.* Тверские архивы в годы Великой Отечественной войны // Тверские архивы в годы Великой Отечественной войны: 1941–1945: К 60-летию освобождения города Калинин. Тверь, 2001. С. 5–16.
- Хакимов 2018 – *Хакимов С.Х.* Из истории организации и деятельности архивного отдела НКВД Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Академическая мысль. № 4 (5). 2018. С. 53–57.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы: 1917–1980 гг. М.: РГГУ, 1994. 360 с.

References

- Burangulov, B.V. (2014), “Evacuation of state archives to the Bashkir ASSR during the Great Patriotic War of 1941–1945”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 2, pp. 30–34.
- Bobrova, V.S. (2008), “Siberia as an evacuation center of archival documents during the Great Patriotic War (1941–1945)”, *Tomsk State University Journal*, vol. 311, pp. 58–65.

- Khakimov, S.Kh. (2018), "From the history of organization and activities of the Archival Department of the NKVD of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic during the Great Patriotic War 1941–1945", *Akademicheskaya mysl'*, vol. 5, no. 4, pp. 53–57.
- Khorkhordina, T.I. (1994), *Istoriya otechestva i arkhivy: 1917–1980 gg.* [History of the Fatherland and archives: 1917–1980], RGGU, Moscow, Russia.
- Maksakov, V.V. (1961), "Archives and archives administration of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945», *Voprosy arkhivovedeniya*, no. 2, pp. 3–13.
- Maksakov, V.V. (1969), *Istoriya i organizatsiya arkhivnogo dela v SSSR (1917–1945)* [History and organization of archives administration in the USSR (1917–1945)], Nauka, Moscow, USSR.
- Kopylova, O.N. (1989), "The Central State Archives of the USSR during the Great Patriotic War", in *Arkhivy SSSR. Istoriya i Sovremennost': sbornik nauchnykh trudov* [Archives of the USSR: History and modernity. Collected scientific papers], MGIAI, Moscow, USSR, pp. 136–142.
- Kopylova, O.N. (1990), "On the problem of preservation of the SAF of the USSR during the Great Patriotic War», *Sovetskie arkhivy*, no. 5, pp. 37–44.
- Kopylova, O.N. (2005), "Organizing and carrying out the evacuation of the central state archives of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945", *Herald of an Archivist*, vol. 89–90, no. 5–6, pp. 372–380.
- Kopylova, O.N. (2019), "Sovnarcom – Sovmin of the USSR and archives: The resolutions of the supreme body of the USSR executive power in the field of archives administration during the Great Patriotic War of 1941–1945 and in the post-war period", *History and Archives*, no. 3, pp. 84–100.
- Korneva, N.M. and Raskin, D.I. (2020), "Leningrad archives and archivists in the Great Patriotic War. Evacuation, the struggle to save the archives, losses, archival documents in the service of the Fatherland", *History and Archives*, no. 4, pp. 53–75.
- Sorina, A.A. (2001), "Tver archives during the Great Patriotic War", in *Tverskie arkhivy v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: 1941–1945: K 60-letiyu osvobozhdeniya goroda Kalinina* [Tver archives during the Great Patriotic War. 1941–1945. Dedicated to the 60th anniversary of the liberation of the town of Kalinin], Tver', Russia, pp. 5–16.

Информация об авторе

Андрей А. Павлов, Государственный архив Тверской области, Тверь, Россия; 170026, Россия, Тверь, ул. Горького, д. 71а; andrey.pavlov1994@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0007-1669-3306

Information about the author

Andrei A. Pavlov, State Archives of the Tver region, Tver, Russia; 71a, Gorky St., Tver, Russia, 170026; andrey.pavlov1994@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-1669-3306

В фондах отечественных и зарубежных архивов

УДК 930.25(470.46)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-194-219

Родословная семьи Алексея Лукьяновича Смирнова – прадеда В.И. Ульянова (Ленина): по фондам Государственного архива Астраханской области

Алексей С. Нилогов

*Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории,
Абакан, Россия, nilogov1981@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос документальной реконструкции родословной семьи Алексея Лукьяновича Смирнова (около 1758–1841) – прадеда В.И. Ульянова (Ленина). Источниковой базой исследования стали фонды ГАО. Благодаря интернет-сервису Яндекса «Поиск по архивам», где размещены цифровые образы массовых генеалогических источников, удалось выявить новые архивные документы об астраханских предках Владимира Ильича. Генеалогия Смирновых была менее всего реконструирована в его родословной. Посредством технологии искусственного интеллекта по распознаванию рукописного текста обнаружены важные первоисточники по истории семьи А.Л. Смирнова. Выяснилось, что астраханские мещане Смирновы, в 1809 г. породнившись с семьей В.Н. Ульянина, происходили из Малороссии и поселились в Астраханской губернии во второй половине XVIII в. Это новое обстоятельство опровергает так называемую калмыцкую гипотезу о происхождении Смирновых, высказанную писательницей М.С. Шагинян в 1937 г. На материале церковных метрических записей, ревизских сказок, брачных обысков, исповедных росписей, рекрутских и посемейных списков в научный оборот введены документально подтвержденные факты о членах семьи Смирновых и их свойственниках.

Ключевые слова: родословная, Смирновы, Ульяновы, Астрахань, ревизская сказка, метрическая книга, Государственный архив Астраханской области, генеалогия, малороссияне, брачный обыск

Статья поступила в редакцию 2 октября 2025 г.;

принята к публикации 10 ноября 2025 г.

Для цитирования: Нилогов А.С. Родословная семьи Алексея Лукьяновича Смирнова – прадеда В.И. Ульянова (Ленина): по фондам Государственного архива Астраханской области // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 194–219. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-194-219

The genealogy of Aleksei Lukyanovich Smirnov – the great-grandfather of V.I. Ulyanov (Lenin). According to the funds of the State Archives of the Astrakhan Region

Aleksei S. Nilogov

*Khakass Research Institute for Language, Literature and History,
Abakan, Russia, nilogov1981@yandex.ru*

Abstract. The article discusses the issue of a documentary reconstruction of the family tree of Aleksei Lukyanovich Smirnov (around 1758–1841), the great-grandfather of Vladimir Ilyich Ulyanov (Lenin). The study is based on the collections of the State Archives of the Astrakhan region. Thanks to the Yandex “Search by Archives” online service, which contains the digital images of mass genealogical sources, new archival documents about Vladimir Ilyich’s Astrakhan ancestors have been identified. The Smirnov family’s genealogy has been the least reconstructed in his family tree. Using artificial intelligence technology to recognize handwritten text, which is utilized by the Yandex “Search by Archives” service, we have discovered some important primary sources on the history of A.L. Smirnov’s family, including his ancestors and descendants. It has been revealed that the Smirnovs, the Astrakhan bourgeois who married into the Ulyanin family in 1809, came from Little Russia and settled in the Astrakhan province in the second half of the 18th century. This new circumstance refutes the so-called Kalmyk hypothesis, which was proposed by the Soviet-Armenian writer M.S. Shaginyan in 1937. Based on the church records, census reports, marriage records, confession records, and the recruitment and family lists, this article provides documented information about the Smirnov family members and their relatives.

Keywords: family tree, Smirnovs, Ulyanovs, Astrakhan, census report, register book, State Archives of the Astrakhan region, genealogy, Little Russians, marriage search

The article was submitted for publication 2.10.2025;

accepted for publication 10.11.2025.

For citation: Nilogov, A.S. (2026), “The genealogy of Aleksei Lukyanovich Smirnov – the great-grandfather of V.I. Ulyanov (Lenin). According to the funds of the State Archives of the Astrakhan Region”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 194–219, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-194-219

Генеалогия – наука точная, подтасовок не терпит.
Только и изучать ее, и информировать общество
о полученных результатах необходимо спокойно,
без надрыва и идеологической зашоренности.
М.Г. Штейн [Штейн 2006, с. 33]

Введение

Генеалогия астраханских мещан Смирновых в родословной В.И. Ульянова (Ленина) является малоизученной. Во многом это связано с калмыцкой версией их происхождения, безусловно вброшенной в исследовательское поле М.С. Шагинян. На родословной схеме, экспонируемой в Доме-музее В. И. Ленина (филиал ОГАУК «Ленинский мемориал»), линия Смирновых представлена куце – указаны Анна Алексеевна Смирнова, мать Ильи Николаевича Ульянова, и ее отец – Алексей Лукьянович Смирнов, причем последний без дат жизни. На всех известных нам генеалогических схемах ветвь Смирновых практически не реконструирована. Поэтому мы решили восполнить этот пробел, обратившись к фондам Государственного архива Астраханской области (далее – ГААО). Благодаря технологии искусственного интеллекта по распознаванию рукописного текста на интернет-сервисе Яндекса «Поиск по архивам»¹ появилась возможность изучения большого массива источников по генеалогии жителей г. Астрахани и Астраханской губернии².

Основная часть

Важной архивной находкой стала информация о роде Смирновых, обнаруженная в пятой ревизской сказке 1795 г. Астраханского уезда Кавказского наместничества о государственных крестьянах,

¹ Сервис Яндекса «Поиск по архивам». URL: <https://yandex.ru/archive>

² Интернет-проект «Твоя родословная» // ГААО. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru>. См. также: Сайт Генеалогического общества штата Юта, США (подразделение Церкви Иисуса Христа Святых последних дней). URL: <https://www.familysearch.org>.

именуемых малороссиянами. Согласно материалам ревизии, семья 37-летнего Алексея Лукьяновича Смирнова включала жену Марфу Васильевну 31 года и двух дочерей – Наталью 10 лет и Анну 7 лет. Также зафиксирована умершая около 1789 г. мать Алексея Смирнова – Дарья Ивановна (по ревизии 1782 г. ей показано 70 лет). Она не записана как вдова, однако это следует предположить, так как ее муж Лукьян Смирнов умер еще до проведения четвертой ревизии 1782 г.³ На момент составления ревизской сказки в августе 1795 г. Марфа Васильевна была уже беременна дочерью Татьяной, которая родилась 7(18) января 1796 г.⁴

В шестой ревизской сказке сентября 1811 г. женский пол не учитывался, поэтому Алексей Смирнов задокументирован лишь со своим 14-летним сыном Василием⁵. В ревизии записано, что А.Л. Смирнов «поступил в 1802 г. из крестьян», т. е. вошел в сословие астраханских мещан. Учитывая данные пятой ревизии 1795 г., можно считать, что на территории Астраханского уезда Смирновы проживали уже в 1782 г., поскольку пятая ревизия отсылает к материалам четвертой. И действительно, государственные

³ ГААО. Ф. 498. Оп. 1. Д. 499: Семья Алексея Лукьянова сына Смирнова. Л. 88 об. Скан 110: Ревизская сказка государственных крестьян, именуемых малороссиянами, Астраханского уезда Кавказского наместничества 17(28) августа 1795 г. // Ревизские сказки казенных и помещичьих крестьян за 1795 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-498-op-1-d-499> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3QSQ-G9CY-BSW6?cat=1387802&i=247&lang=ru> ((дата обращения: 30.09.2025)). Яндекс «Поиск по архивам»: <https://yandex.ru/archive/catalog/3c40ea26-cd69-4872-9ec0-f97095cb6dbd/111> (дата обращения: 30.09.2025); См. также: *Осколкова З.* Предки Ленина дважды оказались родом с Украины // РИА «Новый день». 28.07.2025. URL: <https://newdaynews.ru/society/858055.html> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴ ГААО. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 8. № 3. Скан 11: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорожественской церкви г. Астрахани за 1796 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3QSQ-G9CY-8WFX?cat=752419&i=486&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵ ГААО. Ф. 687. Оп. 8. Д. 1. Л. 53об. № 653. Скан 95: Ревизская сказка жителей г. Астрахани и Астраханского уезда сентября 1811 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-8-d-1> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3QSQ-G9CY-9CR?cat=831081&i=437&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

крестьяне-малороссияне были учтены в ревизской сказке 1782 г., которая также отложилась в ГААО⁶. В статье Е.А. Васильевой приведены сведения об украинской миграции в Поволжье, включая Астраханскую губернию: «В XVIII в. в Поволжье появились украинцы, приезжавшие на заработки. Вокруг соляных озер Баскунчак и Эльтон появилась “чумацкая” миграция, украинская по происхождению. Украинцы поселились в Саратове, Камышине, Черном Яру, Красном Яру и Астрахани, образуя земледельческие слободы. Каждая слобода возглавлялась старостой. Все члены общин платили государству семигривенную подать [Васильева 2011, с. 331].

Далее Е.А. Васильева сообщает о важных массовых генеалогических источниках 2-й половины XVIII в. по малороссиянам Астраханской губернии: «В фондах астраханского архива сохранились документы за 1782 г., содержащие сведения об украинском сообществе, которые не публиковались до 1967 г. Один из этих документов – ревизский реестр, представленный местным властям украинским старостой Игнатом Дюжинковым (Игнат Герасимов Дюженков. – *А. Н.*)⁷ о последней переписи украинцев на территории Астрахани. Всего было произведено две переписи украинского населения на территории Астраханской области – в 1763 и 1782 гг. Эти два документа дают сведения об украинцах в Астрахани. Как свидетельствует рукопись «Топографического описания Астраханской губернии» 1785 г., украинцы были приписаны к ведомству губернской канцелярии, а не к магистрату, к которому приписывались купцы и мастеровые люди. Когда точно возникло в Астрахани украинское сообщество – сказать трудно. Указом 1763 г. на украинцев был распространен «подушный» налог. Однако документы о «подушном» налоге не дают ясного представления о том, сколько украинцев было в рыбацких ватагах, на судах и на верфях в Персии. Для переработки богатых рыбных уловов требовались работники, и украинцев нанимали на промыслы и на суда, которые ходили вниз и вверх по Волге. Перепись 1782 г. на территории Астраханской губернии выявила 811 украинцев (486 мужчин, 325 женщин и детей) – выходцев из Лубенского, Нежинского и Полтавского уездов Украины.

⁶ ГААО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 5524. Л. 100: Ревизская сказка семьи малороссиянина Алексея Лукьянова сына Смирнова от 10(21) апреля 1782 г. // Ревизская сказка малороссиян ведомства Астраханской губернской канцелярии за 1782 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-394-op-1-d-5524> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷ В ревизской сказке малороссиян г. Астрахани 1795 г. Игнатею Герасимову сыну Дюженкову показано 60 лет (скан 101).

Астрахань была важным торгово-промышленным узлом, губернским центром, а также центром Волжско-Каспийского рыбацкого промысла. Проживая теперь здесь, украинцы легко приспособились к укладу основной части местного населения [Васильева 2011, с. 331–332].

В конце XVIII – начале XIX в. записи о семействе Смирновых зафиксированы в метрических книгах Христорождественской церкви г. Астрахани. Так, нами были выявлены следующие метрические записи (по хронологии):

1) запись № 3 о рождении/крещении 07(18) января/12(23) января 1796 г. дочери Татьяны: в столбце «1796 года родилось» читаем: «Того ж числа (7 января. – А. Н.) малороссийского оклада Алексея Смирнова родилась дочь Татиана крещена 12 числа». В столбце «Кто были у них восприемники» написано: «Того же ведомства Ивана Григорьева жена его Анна Спиридонов<н>а»⁸. Благодаря этой записи теперь мы знаем, что Смирновы принадлежали к малороссийскому окладу (ведомству, обществу). В других метрических записях встречаются такие выражения, как «хохлацкого общества», «хохлацкого оклада». Запись в ревизской сказке 1795 г. и метрическая запись 1796 г. полностью опровергают калмыцкую версию происхождения государственных крестьян Смирновых, поселившихся в Астраханской губернии во второй половине XVIII в. Татьяна Алексеевна Смирнова стала крестной Ильи Николаевича Ульянова, замуж не вышла, умерла в девицах после 08(20) августа 1858 г. (по десятой ревизской сказке ей показано 60 лет)⁹. Метрическая запись о ее смерти/погребении не сохранилась. В посемейном списке астраханских мещан за 1875 г. она записана вместе с вдовой своего племянника Г.В. Смирнова – Анастасией Ивановной (умерла в 1885 г.), ей указано 76 лет, однако не исключено, что она могла умереть до 1875 г., однако по списку могла числиться в живых, как ее сестра Анна Алексеевна Ульянова, зафиксированная в таком же списке как живая, хотя скончалась

⁸ ГААО. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 8. № 3. Скан 11: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1796 г. / 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-8WFX?cat=752419&i=486&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁹ ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 33 св. 45. Л. 269об. – 270. № 3742. Скан 271: Ревизская сказка семьи Григория Васильева Смирнова 08(20) августа 1858 г. // Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1858 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-33sv45> (дата обращения: 30.09.2025).

еще в 1871 г.¹⁰ Годы жизни Т.А. Смирновой: 07(18).01.1796 – после 08(20).08.1858 (или после 01 января 1875?);

2) запись № 12 о бракосочетании/венчании 18(29) сентября 1799 г. дочери Натальи: в столбце «1799 года венчаны» читаем: «Астраханский государственный крестьянин Никита Андреев сын Боровков оного же ведомства Алексея Лукоянова с дочерию его родною девицею Натальею Алексевою, оба первым браком со взятием сказки»¹¹. Старшая дочь А.Л. Смирнова согласно ревизии 1795 г. родилась около 1785 г., то есть в брак она вступила в возрасте 14–15 лет. Однако их брак продлился недолго: 21 января (01 февраля) 1800 г. «малороссийского общества Никита Андреев Боровков» скончался в возрасте 40 лет, о чем имеется соответствующая запись № 5 о смерти/погребении. «С покаянием и причащением святых таин погребен 22 числа», т. е. 22 января (02 февраля)¹². Запись о смерти Н.А. Боровкова также доказывает факт принадлежности Смирновых к малороссийскому обществу губернии. О дальнейшей судьбе Натальи Алексеевны нам неизвестно. Видимо, полный тезка государственный крестьянин «Никита Андреев Боровков» проживал в селении Карантинном малороссийского ведомства в первой половине XIX в.¹³;

3) запись № 4 о рождении/крещении 13(25) января/18(30) января 1803 г. дочери Ксении: в столбце «Кто у кого родились?» читаем: «Астраханского государственного крестьянина Алексея

¹⁰ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Т. 5. Д. 32074. Л. 252об. – 253. № 3037. Скан 265: Посемейный список мещанского сословия г. Астрахани, том третий, составленный в 1875 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-94-op-1t5-d-32074> (дата обращения: 30.09.2025).

¹¹ Там же. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 45об. № 12. Скан 40: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1799 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025).

¹² Там же. Л. 58. № 5. Скан 56: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1800 г. 1795–1829 гг. // URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025).

¹³ Там же. Ф. 729. Оп. 1 доп. Д. 2. Л. 36. Скан 49: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших церкви Петра и Павла г. Астрахани за 1817 г. / 1803–1820 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-729-op-1dop-d-2> (дата обращения: 30.09.2025). См. также: ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 645. Л. 340 об. – 341. № 53. Скан 364: Ревизские сказки о крестьянах Астраханского уезда Астраханской губернии за 1816 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-2-d-645> (дата обращения: 30.09.2025).

Лукоянова родилась дочь Ксения (стоит знак прочерка, отсылающий к предыдущей записи с числом «13». – *А. Н.*), крещена того ж месяца 18го числа, молитвование и крещение сему младенцу совершал приходский священник Иван Игнатъев с причетником Максимом Никитиным». В столбце «Кто восприемниками были» написано: «Мещанина Алексея Кузнецова жена Прасковья Львов<н>а»¹⁴;

4) запись № 3 о смерти/погребении 20 января (01 февраля) 1803 г. дочери Ксении: в столбце «1803го года померли» читаем: «Астраханского государственного крестьянина Алексея Смирнова дочь Ксения 7 дней. Погребение сие исправлял приходский священник Иван Игнатъев с диаконом Иваном Васильевым и с причетником Илией Никитиным». Погребена того ж числа, то есть в день смерти¹⁵. Обратим внимание, что в 1803 г. А.Л. Смирнов значится еще государственным крестьянином, хотя в ревизии 1811 г. написано, что он поступил из крестьян в мещане в 1802 г.;

5) запись № 29 о смерти/погребении 10(22) ноября 1815 г. жены Марфы Васильевны: в столбце «Кто имянно померли» читаем: «Астраханского мещанина Алексея Смирнова жена Марфа Васильева, погребал иерей соборный Алявдин с прочим духовенством». М.В. Смирнова умерла в возрасте 55 лет от лихорадки¹⁶. С семьей священника Кафедрального Успенского собора Евфима Васильева Алявдина и его сына священника Казанской церкви Михаила Евфимова Алявдина у Смирновых имеется родственная связь, которая подтверждается документально, в том числе через восприемство и поручительство.

Согласно седьмой ревизской сказке о мещанах г. Астрахани от 18(30) марта 1816 г., семья А.Л. Смирнова записана под № 1414/1177¹⁷. На тот момент семья Смирновых насчитывала

¹⁴ ГААО. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 81. № 4. Скан 84: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорожественской церкви г. Астрахани за 1803 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁵ Там же. Л. 85 об. № 3. Скан 90.

¹⁶ Там же. Л. 268 об. № 29. Скан 285: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорожественской церкви г. Астрахани за 1815 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-89CY-8Z74?cat=752419&i=760&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁷ ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 662. Семья Смирнова А. Л. № 1414/1177. Л. 321об. – 322: Ревизская сказка о семействе мещан г. Астрахани 18(30) марта 1816 г. / Ревизские сказки о купцах и мещанах г. Астрахани за 1815–1816 гг.

4 члена: 61-летнего отца, его 19-летнего сына Василия и двух дочерей – 18-летнюю Татьяну и 15-летнюю Марию. О дочери Марии мы ничего не знали до обращения к материалам данной ревизии. В лениноведческой литературе имелась информация только о двух дочерях А.Л. Смирнова – старшей дочери Анне, ставшей прабабушкой В.И. Ульянова, и младшей – Татьяне, крестной И.Н. Ульянова. Мария Алексеевна Смирнова родилась около 1800–1802 гг., однако в метрической книге Христорождественской церкви, прихожанами которой были Смирновы, запись о ее рождении/крещении отсутствует. По восьмой ревизии 25 апреля (07 мая) 1835 г., в семье А.Л. Смирнова его дочь Мария не зафиксирована¹⁸. Следовательно, между проведением ревизий она или вышла замуж, или умерла. В метрических записях о членах семьи Смирновых Мария Алексеевна в качестве восприемницы не встречается.

Воспользовавшись сервисом Яндекса «Поиск по архивам», мы обратились к фондам Госархива Астраханской области и смогли выявить метрическую запись о бракосочетании/венчании № 4 от 25 октября (06 ноября) 1825 г. в книге Пророко-Ильинской церкви: «Астраханский мещанин Илья Иванов Москотов с дочерью астраханского же мещанина Алексея Лукьянова девицею Марьею он третьим, а она первым браком венчаны Ильинским священником Георгием Никольским с дьячком Феодором Иларионовским»¹⁹. Поручителями выступили отставной солдат Матвей Васильев Рывинский и астраханский мещанин Алексей Лукьянов. Без дополнительной информации из ревизии 1816 г. атрибутировать Марию Алексеевну Смирнову было проблематично, так как она сама и ее

¹⁸ Там же. Оп. 1а. Д. 20 св. 13. Л. 493–494. № 1771. Сканы 495–496: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. / Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-20sv13> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-N5N8?cat=831081&i=83&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025). См. также: ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 33 св. 23. Л. 499–500. № 1771. Сканы 518–519: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. / Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-33sv23> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-ZC77?cat=831081&i=800&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

¹⁹ ГААО. Ф. 726. Оп. 2. Д. 2. Л. 36об. № 4. Скан 44: Метрическая книга о рождении, бракосочетавшихся и умерших Пророко-Ильинской церкви г. Астрахани за 1825 г. 1806–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-726-op-2-d-2> (дата обращения: 30.09.2025).

отец в метрической книге указаны без фамилии. Брак с И.И. Москотовым продлился недолго. М.А. Москотова скончалась 12(24) января 1829 г. в возрасте 26 лет от простуды, о чем свидетельствует запись о смерти № 3 в метрической книге Христорождественской церкви²⁰. Сам И.И. Москотов умер 26 октября (07 ноября) того же 1829 г. в возрасте 35 лет от чахотки²¹. Записи о рождении детей у Ильи и Марии Москотовых не зафиксированы. По ревизской сказке 08(20) октября 1834 г. Илья Москотов записан умершим в 1829 г., там же зафиксированы его 16-летний сын Федор (от первой жены) и мать, 65-летняя вдова Орина (Ирина) Макаровна²². Получается, что из четырех выживших сестер Смирновых – Натальи, Анны, Татьяны, Марии – лишь у Анны Ульяновой были потомки.

Вероятно, единственный сын А.Л. Смирнова – Василий, – который также оставил потомство, родился около 1797 г. К сожалению, метрическая запись о его рождении/крещении отсутствует. По ревизии 1811 г. ему показано 14 лет, по ревизии 1816 г. – 19 лет. 07(19) февраля 1826 г. астраханский мещанин Василий Алексеевич Смирнов женился на дочери астраханского мещанина Бориса Логинова – Марии²³. Поручителями выступили сами отцы брачующихся – Борис Логинов и Алексей Смирнов. Сохранился даже брачный обыск № 3²⁴, согласно которому А.Л. Смирнов был неграмотным: «По сей присяге со стороны жениха – сына моего

²⁰ Там же. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 2. Л. 23. № 3. Скан 31: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1829 г. 1828–1836 гг. // URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-2> (дата обращения: 30.09.2025).

²¹ Там же. Ф. 726. Оп. 2. Д. 2. Л. 6. № 16. Скан 7: Метрическая книга о рождении, бракосочетавшихся и умерших Пророко-Ильинской церкви г. Астрахани за 1829 г. 1806–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-726-op-2-d-2> (дата обращения: 30.09.2025).

²² Там же. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 1 св. 5. Л. 93об. – 94. Скан 105: Ревизская сказка мещанина Орины Макаровой Москотовой 08(20) октября 1834 г. // Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1834–1835 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-1sv5> (дата обращения: 30.09.2025).

²³ Там же. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 377. № 3. Скан 424: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1826 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 32. Л. 93 об. – 94 об. № 3. Сканы 110–111: Книга брачных обысков Христорождественской церкви г. Астрахани за 1826 г. 1820–1830 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1-d-32> (дата обращения: 30.09.2025).

родного Василия Алексева Смирнова – отец его родной астраханский мещанин Алексей Лукоянов Смирнов присягал, а вместо его неграмотного Христорожественской церкви диакон Григорий Степанов подписался»²⁵.

Вторым источником, свидетельствующим о неграмотности тестя Н.В. Ульянова, является восьмая ревизская сказка от 25 апреля (07 мая) 1835 г. о семье А.Л. Смирнова. 80-летний Алексей Лукоянов «за неумением его грамоте по личной просьбе таковой же мещанский сын Василий Ульянов руку приложил», то есть за неграмотного деда расписался его грамотный внук²⁶. Еще один источник – брачный обыск № 12 за 15(27) июля 1835 г. о венчании Василия Самсонова и дочери умершего священника Казанской церкви Михаила Евфимова Алявдина Пелагии, где поручителем со стороны невесты выступил А.Л. Смирнов²⁷: «по сей присяге присягал со стороны невесты в лице (посаженого. – А. Н.) отца астраханский мещанин Алексей Лукьянов Смирнов, а за неумением грамоте по личной его просьбе казанский мещанин Дмитрий Гаврилов Котельников расписался»²⁸. Сироты Пелагея и Манефы Михайловны Алявдины проживали у Смирновых, так как женой Алексея Смирнова была Марфа Васильевна Алявдина, родная тетя священника Михаила Ефимовича Алявдина. Неграмотной же была и дочь А.Л. Смирнова – Анна, жена Николая Васильевича Ульянова,

²⁵ Там же. Л. 94.

²⁶ ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 20 св. 13. Л. 493–494. № 1771. Сканы 495–496: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. // Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-20sv13> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-N5N8?cat=831081&i=83&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025); См. также: ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 33 св. 23. Л. 499–500. № 1771. Сканы 518–519: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-33sv23> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-ZC77?cat=831081&i=800&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁷ ГААО. Ф. 739. Оп. 1/2. Д. 3. Л. 295. № 12. Скан 646: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Казанской церкви г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-1-2-d-3> (дата обращения: 30.09.2025).

²⁸ Там же. Оп. 1. Д. 7. Л. 58об. – 59об. № 12. Сканы 125–126: Брачно-обыскная книга Казанской церкви г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-1-d-7> (дата обращения: 30.09.2025).

вместо которой ее сын родной Василий Николаевич Ульянов расписывался в документах²⁹. М.Г. Штейн недоумевает по этому поводу: «Непонятно, почему, будучи грамотным, А.Л. Смирнов так и не научил расписываться свою дочь, Анну Алексеевну, жену Н.В. Ульянова? В выписке из настольного регистра Астраханской ремесленной управы о выплате 100 руб. мещанину Н.В. Ульянину, в частности, говорится, что “вместо нее (А.А. Ульяновой. – М. Ш.) неграмотной по приказанию ее родной сын Василий Николаев Ульянин расписался”»³⁰. Если бы М.Г. Штейн лично работал в ГААО с документами, он рано или поздно обнаружил бы, что А.Л. Смирнов был вовсе не старостой, обученным грамоте и делопроизводству. Таким образом, опровергается еще одна недостоверная информация о том, что А.Л. Смирнов был мещанским старостой. Во втором и третьем изданиях книги «Ульяновы в Астрахани» А.С. Марков не называет Алексея Смирнова старостой, хотя в первой журнальной публикации он писал: «Мариэтта Шагинян считала, что Николай Васильевич Ульянов и Александра Ульянова не просто однофамильцы, а родственники. Николай Васильевич был женат на дочери мещанского старосты Анне Алексеевне Смирновой. <...> По сохранившимся рапортам в Астраханский магистрат, написанным собственноручно Алексеем Смирновым, видно, что он имел завидный опыт составлять деловые письма. Не исключено, что Алексей Лукьянович помог своему будущему зятю Николаю Ульянову вступить в сословие мещан. Возможно, новые находки в Астраханском архиве прольют свет на некоторые неясности биографии Николая Васильевича»³¹. Новые находки в ГААО показали, что А.Л. Смирнов был неграмотным³².

²⁹ Говорят документы (О жизни и деятельности И. Н. Ульянова): В 3 т. Т. 1 / Гл. ред. Н.Д. Фомин. Ульяновск, 1995. С. 28.

³⁰ ГААО. Ф. 491. Оп. 1. Д. 5. Л. 5об. – 6: Выписка из настольного реестра Астраханской ремесленной управы о выплате 100 рублей мещанину Н.В. Ульянину 05(17) июня 1836 г. См. также: [Штейн 2007, с. 500].

³¹ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани // Волга. 1969. № 4. С. 108.

³² Удивительно, что, указывая письмоводителя Смирнова на обороте ревизской сказки 29 января (10 февраля) 1835 г. о семье Н. В. Ульянова, А.М. Марков почему-то не сослался на подпись этого Смирнова: «На обороте сказки: Семейство Ульянова внести в городскую обывательскую книгу с получением в доход города двух рублей пятидесяти копеек. Гласный Абрам ... (нрзб.). В городскую обывательскую книгу записано под № 1117. Письмоводитель Смирнов. Два рубля пятьдесят копеек в книгу записал, квитанцию выдал за № 842 29 января. Казначей Смирнов» (Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1969. С. 111). См. также: ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 799. Л. 48 об. Скан 49: Ревизские сказки мещан г. Астрахани

А.С. Марков не принял версию Шагинян о калмыцком происхождении Смирновых: «...утверждение Мариэтты Шагинян, что Алексей Лукьянович Смирнов родом из крещеных калмыков, документально не доказано»³³. В 1969 г. он писал: «И все же трудно предположить, что Алексей Смирнов был родом из крещеных инородцев. Мещанских старост выбирали из людей, хорошо известных в городе, они должны были иметь значительную недвижимую собственность, хорошо знать грамоту»³⁴. Более того, в посемейном рекрутском списке мещан Астрахани набора 1837 г. имеются сведения об А.Л. Смирнове и его внуке Григории Васильевиче, которые значатся «коренного российского происхождения»³⁵. По утверждению историка В.М. Кабузана, специализировавшегося «на изучении народонаселения России, в первой половине XIX в. этот термин использовался в официальных документах для указания на принадлежность к одному из трех коренных народов Российской империи: русскому, украинскому или белорусскому»³⁶. Как констатирует историк Г.А. Бородулина, «к сожалению, Марков не указал документы, из которых были почерпнуты сведения. <...> Дальнейшие поиски в Госархиве Астраханской области привели Маркова к выводу, что мещанский староста Смирнов и дед Ильи Николаевича Ульянова по материнской линии – разные люди. В издании 1983 г. он утверждал: «Женился Ульянов на дочери бедного астраханского мещанина».

Этот вывод автор сделал на основании «Сказки о домовом строении» (1805) отца Анны Алексеевны, где было записано: «Прозвание – Смирнов, имя и отчество – Алексей Лукьянович, чин и звание – мещанин астраханский». Из документа следовало, что дом выстроен самим Алексеем Лукьяновичем в 1790 г., был небольшим, в четыре квадратных сажени, и располагался

1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-480-op-1-d-799> (дата обращения: 30.09.2025).

³³ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1969. С. 108. См. также: Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1970. С. 23.

³⁴ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1969. С. 108.

³⁵ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 863. Л. 342 об. – 343. № 1981. Скан 361: Списки мужчин по г. Астрахани для предстоящего рекрутского набора 1837 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-480-op-1-d-863> (дата обращения: 30.09.2025). То же на FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3QSQ-G9CY-C7MH?cat=1387802&i=78&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

³⁶ Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г. Между правдой и истиной (Об истории спекуляций вокруг родословия В.И. Ленина). М., 1998. С. 84.

на Луковской улице, где селилась астраханская беднота»³⁷. На самом деле в начале XIX в. в Астрахани было несколько старост по фамилии «Смирнов»: и мещанский староста Алексей Смирнов, встречающийся в документах за 1825 г.³⁸, и староста Яков Смирнов, получавший плату за причисление крестьян Подгорной слободы в астраханские мещане в 1824 г.³⁹, однако прадед Ленина был безграмотным, а следовательно, составлять и подписывать бумаги никак не мог. Путаница возникла с подачи самих лениноведов: в частности, составители сборника «Говорят документы», содержащие источники по семье Ульяновых, ошибочно включили два приказа № 598 и № 902 за 1825 г., где фигурирует «староста Смирнов» (причем даже без имени), которого М.С. Шагинян ошибочно отождествила с А.Л. Смирновым⁴⁰. Мы не исключаем, что в этих приказах речь шла именно о мещанском старосте Алексее Смирнове, поскольку он упомянут вместе с рагманом Вороновым в другом выявленном нами приказе № 2251 от 12(24) ноября 1825 г., однако этот староста был неполным тезкой А.Л. Смирнова. Г.А. Бородулина справедливо заметила: «Неизвестно, почему М.С. Шагинян решила, что тесть Николая Васильевича Ульянова и мещанский староста – одно и то же лицо. В тексте приказов имя старосты не называлось»⁴¹. К чести А.С. Маркова отметим, что краевед все-таки исключил эти приказы⁴² из третьего издания своей книги. По всей видимости, Г.А. Бородулина также не знала, что настоящий А.Л. Смирнов был неграмотным, иначе бы она не домыслила за А.С. Маркова, что выявленный им документ за 1805 г. был якобы с личной подписью А.Л. Смирнова: «Как видим, даже немногочисленные сведения о семье Смирновых, почерпнутые Марковым из архивных документов, Штейн

³⁷ Там же. С. 80, 81.

³⁸ ГААО. Ф. 877. Оп. 1. Д. 7. Л. 1, 10. Сканы 2, 12: Дело о причислении в мещанское общество рязанского мещанина Прохора Ильина в 1825 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-877-op-1-d-7> (дата обращения: 30.09.2025). См. также: ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 1080. Л. 1–2. Сканы 2–3: Ревизские сказки о мещанах Астраханской губернии за 1826 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-2-d-1080> (дата обращения: 30.09.2025).

³⁹ ГААО. Ф. 877. Оп. 1. Д. 5: Список государственных крестьян Подгорной слободы, причисленных в мещанское общество за 1824 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-877-op-1-d-5> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴⁰ Говорят документы... С. 25–26.

⁴¹ *Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г.* Указ. соч. С. 73.

⁴² Кстати, в литературе отсутствуют архивные шифры этих документов, чьи фотокопии также не публиковались.

не принимает в расчет. Он обращает внимание на противоречивые сведения о тесте Н.В. Ульянова, которого в первом издании Марков представляет состоятельным мещанским старостой, а в последнем – бедным астраханским мещанином. Штейн объясняет это конъюнктурной позицией автора. “Как мы знаем, – замечает он, – для В.И. годились только бедные предки”. При этом умалчивает, что Марков изменил свою позицию под влиянием новых данных архивного документа, подписанного собственноручно Алексеем Лукьяновичем Смирновым⁴³. Приведем отрывок из этого архивного документа: «1805 г. августа 11 дня я, нижеподписавшийся, даю сию сказку учрежденному в Астрахани в управлении повинностей комитету, по силе состоявшегося по 2-й день июля 1804 на доклад министра внутренних дел его императорского величества конфирмации о дворовом месте, о доме и других строениях: сей дом выстроен мною в 1790 г. И сие мое объявление учинил по самой истине, и по долгу чести гражданина»⁴⁴.

На самом деле слово «нижеподписавшийся» набрано типографским шрифтом на бланке, а на обороте листа имеется фраза «к сему показанию руку приложил сам хозяин дому», после которой ставилась собственноручная подпись или хозяина (при условии, что тот был грамотным), или человека, который расписывался вместо неграмотного хозяина⁴⁵. И возникает закономерный вопрос к А.С. Маркову: видел ли он подлинник документа, или довольствовался расшифровкой, притом неполной? В общем, запутались все...

Также А.С. Марков ошибся по поводу потомков А.Л. Смирнова, которых обнаружил в родовом склепе на Духосошестввенском кладбище Астрахани. С одной стороны, это неудивительно, ведь фамилия «Смирнов» – самая распространенная в России, поэтому есть риск наткнуться на частичного или полного тезку, с другой – в отношении семьи А.Л. Смирнова поисковая работа в ГААО была проведена фрагментарно, так как основной упор по выявлению документов делался на семью Н.В. Ульянова. Так, А.С. Марков в первых двух изданиях книги «Ульяновы в Астрахани» (1969, 1970) совершил

⁴³ *Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г.* Указ. соч. С. 82.

⁴⁴ ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 430. Л. 102–102 об.: Ревизские сказки об имуществе домовладельцев 1805 г. См. также [Марков 1983, с. 22].

⁴⁵ Ср.: «В таком историческом контексте представляется маловероятным, чтобы астраханский мещанин Алексей Лукьянович Смирнов, построивший в 1790 г. в губернском городе собственный дом и грамотно заверивший все необходимые документы собственной подписью, происходил из “уважаемого в астраханском мещанстве крещеного калмыцкого рода”» (*Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г.* Указ. соч. С. 83).

ошибочное отождествление⁴⁶, на которое без всякой верификации сослался М.Г. Штейн в докторской диссертации: «На этом же кладбище находился склеп Смирновых. Рода, к которому относилась жена Николая Васильевича Анна Алексеевна. В этом склепе, кроме А.Л. Смирнова, были похоронены: его сын, Алексей Алексеевич (ум. 1866 г.), невестка Евдокия Платоновна и внуки, двоюродные братья В.Н., И.Н., М.Н. и Ф.Н. Ульяновых: Николай (ум. 1860 г.) и Василий (ум. 1870 г.)» [Штейн 2007, с. 508]. В издании 1983 г. Марков ограничился только кратким упоминанием без сноски: «Василий Ульянов был похоронен на астраханском Духосошестввенском кладбище. На том же кладбище находился и склеп семьи Смирновых» [Марков 1983, с. 73]. А вот полный текст сноски по второму изданию книги: «В архиве Астраханского обкома КПСС среди документов П.И. Усачева я отыскал фотографию с семейного склепа Смирновых. На фотографии 1933⁴⁷ г. видна четырехступенчатая пирамида, наверху которой мы видим башенку и четырехгранную крышу. Под фотографией надпись: «Семейный склеп Смирновых (№ 7222) на астраханском кладбище – родственников семьи Ульяновых (предков В.И. Ленина)». Этот склеп сохранился и по сей день. Я отыскал его в заброшенной части астраханского кладбища среди разрушенных и стертых временем надгробий. Из надписи на этом старом мраморе я установил, что мещанский староста имел сына Алексея Алексеевича, который умер в 1866 г., сноху Евдокию Платоновну и внуков Николая и Василия, один из которых умер в 1860 г., другой – в 1870 г.»⁴⁸. Сейчас фото склепа № 7222 находится в фонде № П-4957 ГААО⁴⁹. Сначала ошибку допустил архивист П.И. Усачев, затем ее повторил краевед А.С. Марков и, наконец, кандидат экономических наук М.Г. Штейн включил ее в докторскую диссертацию по отечественной истории.

Нам пришлось специально выяснять подробности об этих Смирновых. В результате поиска мы установили, что речь идет о семье коллежского секретаря Астраханской городской думы Алексея Алексеевича Смирнова и его законной жены астраханской мещанки

⁴⁶ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1969. С. 136. См. также: Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1970. С. 72.

⁴⁷ В первой журнальной публикации указан 1934 г.

⁴⁸ Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1969. С. 136. См. также: Марков А.С. Ульяновы в Астрахани... 1970. С. 72.

⁴⁹ ГААО. Ф. П-4957. Оп. 2. Д. 891: Семейный склеп № 7222 родственников семьи Ульяновых (Смирновых – предков В. И. Ленина) на астраханском кладбище. URL: <https://yandex.ru/archive/catalog/73cce739-2806-4502-bdd5-5dda9798011/143?center=252+488> (дата обращения: 30.09.2025).

Евдокии Платоновны <Петровой>, чье венчание состоялось 29 сентября (11 октября) 1835 г. в Тихвинской церкви⁵⁰; в метрической записи указана неверная дата венчания – 22 сентября⁵¹. Коллежский секретарь А.А. Смирнов женился первым браком в 42 года, т. е. родился он около 1793 г., а скончался 22 февраля (06 марта) 1859 г. в возрасте якобы 75 лет от чахотки⁵². А вот Марков годом смерти А.А. Смирнова почему-то называет 1866-й. Эти Смирновы проживали в 3-й части 2-го квартала в приходе церкви Михаила Архангела⁵³.

Еще одно недоразумение вызывают «находки» журналиста, первого биографа семьи Ульяновых и заведующего Астраханским городским архивным бюро П.И. Усачева, который отождествил девицу Татьяну Алексеевну Смирнову, крестную И.Н. Ульянова, с астраханской чиновницей Татьяной Алексеевной Смирновой. Однако А.С. Марков справедливо усомнился: «У Петра Ивановича даже возникло сомнение – принадлежала ли Татьяна Алексеевна к семье Смирновых? Но, видимо, Лисина рассеяла эти сомнения. Татьяна Алексеевна и по одежде, и по разговору была женщина из простонародья. А документ, виденный Усачевым, видимо, касался другой женщины»⁵⁴.

⁵⁰ Там же. Ф. 691. Оп. 2. Д. 3. № 3: Книга записи брачных свидетельств Тихвинской церкви г. Астрахани за 1835 г. 1810–1836 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-691-op-2-d-3> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵¹ Там же. Д. 7. Л. 46 об. – 47. № 3. Скан 53: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Тихвинской церкви г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-691-op-2-d-7> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵² Там же. Ф. 631. Оп. 1. Д. 5. Л. 824 об. – 825. № 4. Скан 862: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Знаменской церкви г. Астрахани за 1859 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-631-op-1-d-5> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵³ Там же. Ф. 727. Оп. 1. Д. 60а. Л. 95. № 26. Скан 94: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших церкви Иоанна Златоуста г. Астрахани за 1831 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-727-op-1-d-60a> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵⁴ П.И. Усачев ошибочно считал Т.А. Смирнову восприемницей (крестной) для сына Н.В. Ульянина – Василия, который родился в 1819 г., но его единственным крестным был коллежский ассessor Петр Семенович Богомол, сосед Ульяниных (ГААО. Ф. 630. Оп. 1а. Д. 1. Л. 447 об. № 31. Скан 408: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Николаевской <Гостинно-Николаевской> церкви г. Астрахани за 1819 г. 1793–1820 гг. <с пропусками>. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl>.

Оставим в стороне источниковедческие опыты журналиста Усачева, писательницы Шагинян⁵⁵, краеведа Маркова и экономиста Штейна⁵⁶: «Мало кто из современных ученых может поспорить с Михаилом Штейном в прилежности и точности его генеалогических исследований, которым, увы, недостает интерпретационной широты, сравнительного подхода и знания еврейского историко-культурного контекста» [Петровский, Штерн 2012, с. 19]. Куда, спрашивается, смотрели сотрудники Ленинского мемориала (как и сотрудники Государственного исторического музея), с одной стороны, раскритиковавшие калмыцкую версию о происхождении предков Ленина – Смирновых, а с другой – опубликовавшие в сборнике атрибутированных биографических и генеалогических документов два невалидных источника – приказ № 598 и приказ № 902 за 1825 г.?

ru/archive/f-630-op-1a-d-1 <дата обращения: 30.09.2025>. См. также: Марков А.С. Ульяновы в Астрахани. Волгоград, 1983. С. 29:

«Усачев: У Василия Николаевича по церковным книгам крестной матерью была Смирнова, может быть, это и есть Татьяна Алексеевна? [Марков 1983, с. 29]

Лисина: Не знаю, только Василий Николаевич и Федосья Николаевна звали ее крестной» [Марков 1983, с. 88]).

⁵⁵ Ср.: «Важно отметить, что Мариэтта Сергеевна сама не занималась поисками документов по родословию Ульяновых. Отдав дань первооткрывателям-исследователям, автор подробно охарактеризовала состав используемых ею источников, особо подчеркнув, что правильное чтение документов, расшифровка заложенных в них “исторических показаний – это тоже заслуга астраханского архива”» (Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г. Указ. соч. С. 72); Ср. также: «Но и архивные исследования, требующие огромного терпения, времени и тяжелой нагрузки для глаз, были пустяком по сравнению с тем, что оказалось для меня самой нужной и самой срочной работой, – с разыскиванием, опросами, записями рассказов тех, еще бывших живыми, драгоценных современников семьи Ульяновых...» (*Шагинян М.С.* Как я писала «Семью Ульяновых» // Дон. 1960. № 4. С. 147).

⁵⁶ Ср.: «В серии своих публикаций Михаил Гиршевич не приводит ни одного нового документа, касающегося родословия отца Ленина. Методом доказательства нерусского происхождения Ильи Николаевича Ульянова стало не обнаружение новых фактов, а выявление автором слабых мест в аргументации предшествующих исследователей и их критика. Единственным авторитетом для Штейна осталась М.С. Шагинян, чьи художественные произведения он не только возводит в ранг научных трудов, но и считает наиболее достоверными в интерпретации исторических источников» (Абрамова О.А., Бородулина Г.А., Колоскова Т.Г. Указ. соч. С. 81–82).

По восьмой ревизской сказке мещан г. Астрахани 25 апреля (07 мая) 1835 г. семья Смирновых записана под № 1771. Семья состояла из 4 членов: 80-летний Алексей Лукьянович Смирнов, его 8-летний внук Григорий Васильевич, сын умершего в 1834 г. Василия Алексеевича, 37-летняя дочь девица Татьяна Алексеевна и 27-летняя вдова Василия Алексеевича – Мария <Борисовна>⁵⁷.

В девятой ревизской сказке 10(22) июля 1850 г. записано, что А.Л. Смирнов умер в 1842 г.⁵⁸ Оттолкнувшись от этой подсказки, мы решили отыскать точную дату его смерти. Оказалось, что астраханский мещанин А.Л. Смирнов скончался 29 ноября (11 декабря) 1841 г. в возрасте 90 лет («по слабости лет»), о чем имеется запись № 37 о смерти/погребении в метрической книге Христорождественской церкви г. Астрахани; погребен 30 ноября (12 декабря)⁵⁹. Скорее всего, на момент смерти ему было не 90 лет, а примерно 83 года, т. е. родился он около 1758 г. (согласно ревизии 1795 г. ему показано 37 лет, а вот по ревизии 1811 г. с разницей в 16 лет –

⁵⁷ ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 20. Св. 13. Л. 493–494. № 1771. Сканы 495–496: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. / Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-20sv13> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-N5N8?cat=831081&i=83&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025); см. также: ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 33 св. 23. Л. 499–500. № 1771. Сканы 518–519: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьянова Смирнова 25 апреля (07 мая) 1835 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-33sv23> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-99CY-ZC77?cat=831081&i=800&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵⁸ ГААО. Ф. 687. Оп. 1а. Д. 8. Св. 38. Л. 370 об. – 371. № 1370. Скан 381: Ревизская сказка семьи Алексея Лукьяновича Смирнова 10(22) июля 1850 г. // Ревизские сказки о мещанах г. Астрахани за 1850 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-687-op-1a-d-8sv38> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-L9CY-ZXQP?cat=831081&i=272&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵⁹ Там же. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 3. Л. 220 об. – 221. № 37. Скан 244: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1841 г. 1837–1842 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-3> (дата обращения: 30.09.2025). FamilySearch: URL: <https://www.familysearch.org/ark:/61903/3:1:3Q57-89CY-D7PY?cat=752419&i=448&lang=ru> (дата обращения: 30.09.2025).

уже 56 лет⁶⁰. Считаем, что годы жизни А.Л. Смирнова следующие: около 1758 – 29.11(11.12).1841.

По десятой ревизской сказке 08(20) августа 1858 г. семейство Смирновых насчитывало пять человек: 31-летний Григорий Васильевич, его жена 27-летняя Анастасия Ивановна, дочери – Мария (5 лет и 7 месяцев) и Елизавета (1 год и 8 месяцев), а также тетка 60-летняя девица Татьяна Алексеевна. В браке Василия Алексеевича Смирнова с Марией Борисовной Логиновой родилось двое сыновей: Григорий (1827) и Алексей (1831). Первенец Григорий родился 25 января (06 февраля) 1827 г., о чем имеется запись № 4 о рождении/крещении в метрической книге; крещен 28 января (09 февраля)⁶¹. Восприемником (крестным) стал астраханского казачьего войска пятисотник Флор Андреев Илисаров. 10(22) марта 1831 г. родился второй сын Алексей, крестным которого 15(27) марта стал астраханский мещанин Николай Васильев Ульянов, т. е. зять Василия Смирнова⁶². Это, вероятно, первый случай документальной фиксации фамилии в форме «Ульянов». В 1834 г. семья Смирновых постигло двойное несчастье: сначала 17(29) марта умер Василий Алексеевич в возрасте 40 лет от горячки⁶³, а затем 14(26) июля его сын Алексей в возрасте 3 лет от кровавого поноса⁶⁴. Вдова Мария Борисовна Смирнова осталась с одним сыном Григорием, который 27 мая (08 июня) 1849 г. женился на 17-летней дочери экономического крестьянина Ивана Кириакова Мареева – астраханской мещанке Анастасии, которая родом была из деревни Аристовой Андроновской волости Калужского уезда Калужской губернии. Таинство венчания проходило в Христорож-

⁶⁰ Там же. Ф. 687. Оп. 2. Д. 662: Семья Смирнова А.Л. №. 1414/1177. Л. 321 об. – 322: Ревизская сказка о семействе мещан г. Астрахани 18(30) марта 1816 г. / Ревизские сказки о купцах и мещанах г. Астрахани за 1815–1816 гг.

⁶¹ Там же. Ф. 731. Оп. 1а. Д. 1. Л. 386. № 4. Скан 434: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1827 г. 1795–1829 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-1> (дата обращения: 30.09.2025).

⁶² Там же. Д. 2. Л. 52. № 7. Скан 59: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1831 г. 1828–1836 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-2> (дата обращения: 30.09.2025).

⁶³ Там же. Л. 133 об. № 9. Скан 138: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорождественской церкви г. Астрахани за 1834 г. 1828–1836 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-2> (дата обращения: 30.09.2025).

⁶⁴ Там же. Л. 135 об. № 26. Скан 140.

дественской церкви⁶⁵. В их браке родилось три дочери: Александра (1850), Мария (1852) и Елизавета (1856). 03(15) апреля 1850 г. на свет появилась Александра, которую крестили в тот же день⁶⁶. В метрической записи имя матери записано с ошибкой: вместо правильного «Анастасия» указано «Наталья». Восприемниками (крестными) выступили: астраханский мещанин Савелий Иванов Михеев и казанского мещанина Дмитрия Гаврилова Котельникова жена Евфимия Борисова. В девятой ревизии от 10(22) июля 1850 г. в семье Смирновых дочь Александра не записана, следовательно, она умерла в младенчестве между апрелем и июлем 1850 г., однако в метрической книге Христорожественской церкви за этот период запись о ее смерти также отсутствует.

Вдова Мария Борисовна скончалась 28 мая (09 июня) 1852 г. в возрасте 45 лет от чахотки; погребена 30 мая (11 июня), о чем сохранилась соответствующая запись № 9 в метрической книге⁶⁷. В том же году – 06(18) августа родилась ее внучка Мария, дочь Григория Васильевича Смирнова и Анастасии Ивановны. Крещена 10(22) августа, восприемниками стали: астраханского казачьего войска 1-го полка Городофорпостинской станицы старший урядник Андрей Фролов Елизаров и казанского мещанина Дмитрия Гаврилова Котельникова жена его Евфимия Борисова⁶⁸. Третья дочь Смирновых – Елизавета – родилась 30 августа (11 сентября) 1856 г., крещена 08(20) сентября, ее восприемниками стали: Городофорпостинской станицы служащий хорунжий Андрей Фролов Елизаров и вдова казанского мещанина Евфимия Борисова Котельникова⁶⁹. Семья Смирновых встречается в исповедных росписях по Казанской церкви с 1863 г. Из них мы узнали, что вдова Анастасия Ивановна была племянницей Евфимии Борисовны Котельниковой, которая и стала крестной для всех ее дочерей. Так, за 1863 г. читаем:

⁶⁵ Там же. Оп. 1а. Д. 5. Л. 104 об. – 105. № 5. Скан 108: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорожественской церкви г. Астрахани за 1849 г. 1848–1853 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-5> (дата обращения: 30.09.2025).

⁶⁶ Там же. Л. 146 об. – 147. № 6. Скан 143.

⁶⁷ Там же. Л. 331 об. – 332. № 9. Скан 317: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Христорожественской церкви г. Астрахани за 1852 г. 1848–1853 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-731-op-1a-d-5> (дата обращения: 30.09.2025).

⁶⁸ Там же. Л. 285 об. – 286. № 22. Скан 281.

⁶⁹ Там же. Ф. 739. Оп. 1/2. Д. 5. Л. 310 об. – 311. № 88. Скан 434: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Казанской церкви г. Астрахани за 1856 г. 1854–1856 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-1-2-d-5> (дата обращения: 30.09.2025).

№ 76

216 Вдова Ефимия Борисова Котельникова 50

217 Племянница ее вдова мещанка Анастасия Иванова Смирнова 30

Дети ее

218 Мария 11

219 Елизавета 7 Григорьевы⁷⁰.

№ 70

263 Вдова Анастасия Иванова Смирнова 37

264 Мария девица 18

265 Елизавета 14 Алексеевы (записаны с ошибочным отчеством)⁷¹.

По исповедным росписям за 1870-е гг. установлено, что Мария Григорьевна Смирнова вышла замуж около 1872 г.⁷², так как в исповедной ведомости за 1873 г. ее имя уже не встречается⁷³. Со смертью 08(20) декабря 1859 г. от чахотки 33-летнего Григория Васильевича Смирнова мужская линия его рода прервалась⁷⁴. 13(25) января 1885 г. скончалась вдова Анастасия Ивановна в возрасте 55 лет от рака матки, погребена 15(27) января, о чем имеется запись № 7 в метрической книге Казанской церкви⁷⁵.

Потомки у Смирновых были только от старшей его дочери Марии, которая вышла замуж за крестьянина Михаила Дмит-

⁷⁰ Там же. Оп. 3. Д. 4. Л. 43 об. № 79. Скан 47: Ведомости о лицах, принявших причастие в Казанской церкви г. Астрахани за 1863–1870 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-3-d-4> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷¹ Там же. Л. 410. № 70. Скан 425.

⁷² Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 81. № 67/210. Скан 83: Ведомость о лицах, прошедших исповедь в Казанской церкви г. Астрахани за 1871–1878 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-2-d-3> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷³ Там же. Л. 131 об. № 65. Скан 134.

⁷⁴ Там же. Оп. 3. Д. 3. Л. 424 об. – 425. № 183. Скан 861: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Казанской церкви г. Астрахани за 1859 г. 1857–1859 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-3-d-3> (дата обращения: 30.09.2025). См. также: ГААО. Ф. 458. Оп. 1. Д. 30. Л. 682 об. – 683. № 3263. Скан 713: Семейный рекрутский список мещан г. Астрахани за 1858 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-458-op-1-d-30> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷⁵ ГААО. Ф. 739. Оп. 4. Д. 7. Л. 3 об. – 4. № 7. Скан 7: Метрическая книга об умерших Казанской церкви г. Астрахани за 1885 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-739-op-4-d-7> (дата обращения: 30.09.2025).

риевича Саварского⁷⁶. А.С. Марков привел слова информанта Е.С. Артемьевой о том, что «Горшковы и Ульяновы были дружны с Саварскими» [Марков 1983, с. 103], однако он смог найти информацию лишь об астраханском крестьянине Василии Саварском, который жил на Косе недалеко от Ульяновых. А нам удалось точно установить, что речь идет об астраханском мещанине М.Д. Саварском (ок. 1848 – после 1913)⁷⁷, который также был поручителем на свадьбе у Елизаветы Григорьевны Смирновой. Дело в том, что родная сестра Елизаветы – Мария – была его женой. Марков, ссылаясь на другого информанта, упомянул о них: «...сестры Мария Григорьевна и Елизавета Григорьевна Саварские жили в их доме на бывшей Казанской улице. Умерли в 1928 г. Говорили, что состояли в родственных связях с Ульяновыми» [Марков 1983, с. 103]. Действительно, они состояли в родстве с Ульяновыми, так как были правнучками Алексея Лукьяновича Смирнова, чей внук Григорий Васильевич был их отцом. Правда, фамилию Саварская носила только Мария Григорьевна, а Елизавета Григорьевна была Горбуновой. Сами Саварские были родом из села Овинцева Угличского уезда Ярославской губернии⁷⁸.

У Марии Григорьевны и Михаила Дмитриевича Саварских было несколько детей: трое сыновей – Дмитрий (16(28).09.1874 – 14(26).03.1888), Александр (16(28).02.1877 – 25.03(06.04).1882), Николай (10(22).11.1879 – после 1912) – и дочь Елизавета (ок. 1873 – 07(19).11.1904). Сыновья Дмитрий и Александр умерли в молодом возрасте⁷⁹.

⁷⁶ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Т. 5. Д. 32090. Л. 292 об. – 293. № 1311. Скан 300: Дополнительный посемейный список лиц Астраханского мещанского общества, составленный в 1875 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-94-op-1t5-d-32090> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷⁷ ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Т. 5. Д. 32090. Л. 292 об. – 293. № 1311. Скан 300: Дополнительный посемейный список лиц Астраханского мещанского общества, составленный в 1875 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-94-op-1t5-d-32090> (дата обращения: 30.09.2025). См. также: ГААО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3286. 1347 об. – 1348. № 4987. Скан 1390: 67. Списки избирателей г. Астрахани за 1913 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-480-op-1-d-3286> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷⁸ ГААО. Ф. 630. Оп. 1а. Д. 14. Л. 261 об. – 262. № 24. Скан 291: Метрическая книга об умерших Гостинно-Николаевской церкви г. Астрахани за 1877 г. 1875–1878 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-630-op-1a-d-14> (дата обращения: 30.09.2025).

⁷⁹ Там же. Ф. 94. Оп. 1. Т. 5. Д. 32090. Л. 292 об. – 293. № 1311. Скан 300: Дополнительный посемейный список лиц Астраханского мещанского общества, составленный в 1875 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/>

30 октября (11 ноября) 1894 г. 21-летняя астраханская мещанка Екатерина Михайловна Саварская вышла замуж за запасного унтер-офицера из крестьян Рязанской губернии Спасского уезда Ижевской волости села Ижевского 26-летнего Василия Андреевича Сапегина⁸⁰. Скончалась Е.М. Сапегина 07(19) ноября 1904 г. в возрасте 32 лет от крупозной пневмонии, погребена 09(21) ноября, о чем имеется запись № 147 в метрической книге Покровской церкви⁸¹. О детях Сапегиных нам ничего неизвестно, хотя супруги прожили в браке 10 лет. Таким образом, неясно, остались ли потомки М.Г. Саварской (Смирновой), например, от ее сына Николая Михайловича Саварского.

В списке лиц и учреждений, имеющих право участвовать в выборах гласных Астраханской городской думы на четырехлетие 1905–1908 гг., в доме по Казанской улице записаны сестры Смирнова Елизавета Григорьевна и Саварская Мария Григорьевна⁸². 07(20) февраля 1905 г. 49-летняя Елизавета Григорьевна Смирнова в первый раз вышла замуж за 41-летнего крестьянина Казанской губернии Тетюшского уезда Богородской волости деревни Неудачной

archive/f-94-op-1t5-d-32090 (дата обращения: 30.09.2025); Ф. 630. Оп. 1а. Д. 14. Л. 261 об. – 262. № 24. Скан 291: Метрическая книга об умерших Гостинно-Николаевской церкви г. Астрахани за 1877 г. 1875–1878 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-630-op-1a-d-14> (дата обращения: 30.09.2025); Ф. 94. Оп. 1. Т. 2. Д. 6550. Л. 234 об. – 235. № 1311. Скан 233: Ведомости о прибытии и убытии членов семейств мещан г. Астрахани за 1884–1885 гг. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-94-op-1t2-d-6550> (дата обращения: 30.09.2025); Ф. 630. Оп. 3. Д. 15. Л. 5 об. – 6. № 8. Скан 7: Метрическая книга об умерших Гостинно-Николаевской церкви г. Астрахани за 1888 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-630-op-3-d-15> (дата обращения: 30.09.2025); Ф. 877. Оп. 1. Д. 190. Л. 63об. Скан 132: Список астраханских мещан, имеющих недоимку за прошлые годы на 1912 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-877-op-1-d-190> (дата обращения: 30.09.2025).

⁸⁰ Там же. Ф. 695. Оп. 3. Д. 26. Л. 34 об. – 35. № 62. Скан 38: Метрическая книга о бракосочетавшихся Покровской церкви г. Астрахани в 1894 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-695-op-3-d-26> (дата обращения: 30.09.2025).

⁸¹ Там же. Д. 59. Л. 108 об. – 109. № 117: Метрическая книга об умерших Покровской церкви города Астрахани в 1904 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-695-op-3-d-59> (дата обращения: 30.09.2025).

⁸² Там же. Ф. 480. Оп. 1. Д. 3171. Л. 83 об. Скан 96: Список личного состава Астраханской городской думы за 13 мая 1905 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-480-op-1-d-3171> (дата обращения: 30.09.2025).

Капердиной – Козьму Захарова Горбунова, для которого это был второй брак⁸³. Поручителями (свидетелями) по невесте выступили: астраханский мещанин Михаил Дмитриев Саварский и красноярский мещанин Степан Николаев Горшков. Потомков от этого брака не было.

Заключение

Итак, в ходе разностороннего генеалогического поиска удалось документально реконструировать родословную семьи Алексея Лукьяновича Смирнова – прадеда Ленина. Впервые так полно реконструирована родословная Смирновых, охватывающая почти двести лет. Наряду с фальсификацией калмыцкой гипотезы теперь мы располагаем достаточной источниковой базой для научной верификации ветви Смирновых на родословном древе Владимира Ильича Ульянова.

Литература

- Васильева 2011 – *Васильева Е.А.* История становления полиэтничного состава населения Астраханского края // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2011. № 6. С. 328–341.
- Марков 1983 – *Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград: Нижне-Волжское кн. изд-во, 1983. 112 с.
- Петровский, Штерн 2012 – *Петровский-Штерн Й.* Еврейский вопрос Ленину / пер. с англ. Т. Менской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. 288 с.
- Штейн 2006 – *Штейн М. Г.* К вопросу о родословной Ильи Николаевича Ульянова: Материалы Всероссийской научной конференции «Известен всей России», посвященной 175-летию со дня рождения Ильи Николаевича Ульянова // Вестник Ленинского мемориала. 2006. Вып. 8. С. 24–35.
- Штейн 2007 – *Штейн М.Г.* Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России: дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: С-Петербургский государственный ун-т, 2007. 912 с.

⁸³ Там же. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 71. Л. 13 об. – 14. № 37. Скан 26: Метрическая книга о родившихся, бракосочетавшихся и умерших Спасо-Преображенской церкви станицы Атаманской Астраханского уезда и губернии за 1905 г. URL: <https://rodoslovnaya.astrobl.ru/archive/f-1102-op-1-d-71> (дата обращения: 30.09.2025).

References

- Vasil'eva, E.A. (2011), "The history of formation of the polyethnical population of the Astrahan region", *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 6, pp. 328–341.
- Markov, A.S. (1983), *Ul'yanovy v Astrakhani* [The Ulyanovs in Astrakhan], Nizhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo, Volgograd, USSR.
- Petrovskii-Shtern, J. (2012), *Evreiskii vopros Leninu* [The Jewish question to Lenin], Mosty kul'tury, Moscow, Russia, Gesharim, Ierusalim, Israel.
- Shtein, M.G. (2006), "On the ancestry of Ilya Nikolaevich Ulyanov. Proceedings of the All-Russia Scientific Conference "Known to All Russia"(dedicated to the 175 anniversary of Il'ya Nikolaevich Ul'yanov", *Vestnik Leninskogo memoriala*, iss. 8, pp. 24–35.
- Shtein, M.G. (2007), *Dvoryanskie rody Ul'yanovykh i Leninykh v istorii Rossii* [The Ulyanov and Lenin noble families in Russian history], D. Sc. Thesis (History), Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Алексей С. Нилюгов, кандидат философских наук, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия; 655017, Россия, Республика Хакасия, Абакан, ул. Щетинкина, д. 23; nilogov1981@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1442-1255

Information about the author

Aleksei S. Nilogov, Cand. of Sci. (Philosophy), Khakass Research Institute for Language, Literature and History, Abakan, Russia; 23, Shchetinkin St., Abakan, Republic of Khakassia, Russia, 655017; nilogov1981@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-1442-1255

УДК 070:94(470.662)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-220-232

Сравнительный анализ современных документальных публикаций по истории Ингушетии (2022–2024 гг.)

Ахмед К. Чапанов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ahmed.targimov@mail.ru*

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ трех современных публикаций источников по истории Ингушетии. На примере конкретных изданий автор демонстрирует широкий спектр подходов к публикаторской работе, существующих в современном кавказоведении. Несмотря на ценный и обширный подбор материалов и документов, научный потенциал «Сборника сведений об ингушах» Б. Газикова ограничен из-за отсутствия предисловия, аналитического комментария и научно-справочного аппарата. Сборник «Ингушская автономная область, 1924–1934 гг.» под редакцией М. Картоева и Б. Ужахова, несмотря на несомненную важность введенных в научный оборот документов, является методологически невыдержанным справочником, страдающим от фрагментарности и неясных принципов описания.

Наиболее последовательная и глубокая археографическая работа представлена в монументальном труде М. Яндиевой «Книга судьбы...». Это издание выделяется комплексным подходом, где центральный источник – воспоминания С. Мальсагова о Соловецком лагере – не только публикуется, но и подвергается всестороннему источниковедческому анализу, помещается в широкий исторический контекст и снабжается полноценным научным аппаратом.

Делается вывод, что комплексный подход, реализованный в работе М. Яндиевой, должен стать ориентиром для будущих публикаций источников по истории Ингушетии, способствующих повышению научной глубины в современном кавказоведении.

Ключевые слова: Ингушетия, ингуши, Мальсагов, Газиков, сборник архивных документов, публикация источников

Статья поступила в редакцию 2 октября 2025 г.;

принята к публикации 26 января 2026 г.

Для цитирования: Чапанов А.К. Сравнительный анализ современных документальных публикаций по истории Ингушетии (2022–2024 гг.) // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 220–232. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-220-232

Comparative analysis
of modern documentary publications
on the history of Ingushetia (2022–2024)

Akhmed K. Chapanov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ahmed.targimov@mail.ru*

Abstract. The article presents a comparative analysis of three modern publications of the sources on the history of Ingushetia. Using the example of specific publications, the author demonstrates a wide range of approaches to publishing that exist in modern Caucasology. Despite the valuable and extensive selection of materials and documents, the scientific value of B. Gazikov’s “Collection of information about the Ingush” is limited due to the lack of a preface, analytical commentary and the finding aids. The collection of documents: “The Ingush autonomous region, 1924–1934”, edited by M. Kartoev and B. Uzhakhov, regardless of the undoubted importance of the documents introduced into scientific circulation, is a methodologically inconsistent reference book suffering from fragmentation and the unclear principles of description.

The most consistent and in-depth archaeological research is presented in M. Yandieva’s monumental work “The Book of Fate...”. This publication stands out for its integrated approach, where the central source – S. Malsagov’s recollections of the Solovetsky camp – is not only published, but also subjected to a comprehensive source analysis, placed in a broad documentary context and equipped with a full-fledged scientific apparatus.

It is concluded that the integrated approach implemented in M. Yandieva’s work should become a model for the future publications of the sources on the history of Ingushetia, contributing to an increase in scientific profundity in modern Caucasology.

Keywords: Ingushetia, Ingush, Malsagov, Gazikov, collection of archival documents, publication of sources

The article was submitted for publication 02.10.2025;

accepted for publication 26.01.2026.

For citation: Chapanov, A.K. (2026), “Comparative analysis of modern documentary publications on the history of Ingushetia (2022–2024)”, *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 220–232, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-220-232

Введение

В последние годы отмечается значительный рост интереса к публикации архивных документов по истории Ингушетии. Этот процесс обусловлен, с одной стороны, возросшим общественно-научным интересом к прошлому, а с другой – повышением доступности обширных комплексов документов в федеральных и региональных архивах. Опора на эти источники стала основой для углубленного изучения ключевых периодов и процессов региональной истории.

В 2022–2024 гг. вышло в свет несколько значимых трудов, посвященных истории Ингушетии, которые демонстрируют принципиально разные подходы к работе с архивными документами. Для анализа выбраны три ключевые сборники документов, изданные за этот период. Сравнительный анализ трех книг – Б. Газикова «Сборник сведений об ингушах» (кн. 3), М. Яндиевой «Книга судьбы...» и сборника «Ингушская автономная область, 1924–1934 гг.» под редакцией М.М. Картоева и Б.М. Ужахова – позволяет говорить о целой градации качества публикации источников по истории Ингушетии.

Все три работы можно отнести к научно-популярным изданиям, что предполагает включение в них развернутого НСА. Важной частью публикации архивных документов является наличие предисловия, где представляется актуальность темы, указывается цель и задачи, приводится анализ историографии и обзор источниковой базы по теме, который включает источниковедческую характеристику публикуемых комплексов документов и определение значимости впервые вводимых в научный оборот документов.

Полнота выявления ранее опубликованных документов позволяет установить новизну готовящейся публикации, избежать повторного обращения к уже раскрытой теме или сконцентрироваться на других ее аспектах. Критерий новизны предполагает учитывать при отборе документов наличие в них сведений, позволяющих изучать аспекты темы, раскрывающих ранее неизвестные факты, представляющих то или иное событие с новой стороны¹.

Соблюдая принцип неизменности публикуемого текста и не искажая замысел автора, составитель тем не менее обязан снабдить

¹ Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М.: Росархив, ВНИИДАД, 2022. 314 с.

документ текстуальными примечаниями и научными комментариями, которые не препятствуют, а напротив, способствуют его целостному восприятию. При этом публикаторская деятельность, оставаясь творческим процессом, должна соответствовать установленным законодательным и научно-методическим нормативам [Сабенникова 2020, с. 31].

*Сборник сведений об ингушах / сост. Б. Газиков.
Ростов-н/Д.: Южный издат. дом, 2022. 592 с.*

В 2022 г. вышла третья часть масштабного труда ингушского исследователя-краеведа Б. Газикова «Сборник сведений об ингушах», представляющая собой результат его многолетней работы в библиотеках и архивах России и зарубежных стран.

Б. Газиков многие годы занимается выявлением документов по истории ингушского народа. Его работа носит характер целенаправленного «архивного подвижничества»: он систематически работает в федеральных и региональных архивах (РГАЛИ, ГА РФ, ГАРО и др.), а также в зарубежных хранилищах, прежде всего в Германии и Грузии. Благодаря его кропотливому труду опубликован уникальный по своему охвату корпус источников, введены в научный оборот имена и биографии целой плеяды ингушских политических и культурных деятелей (Б. Котиев, Ш. Ахушков, Н. Базоркин и др.), чье наследие долгое время оставалось вне поля зрения исследователей. Однако его издательский подход ограничивается, как правило, публикацией выявленных материалов без их должного научного осмысления и археографического оформления.

Рассматриваемая книга состоит из десяти тематических глав, охватывающих широкий исторический период: от древности («Ингуши в древности») до советского и современного периодов («Советская жизнь ингушей», «Люди – гордость нации»)².

Сильной стороной сборника является его источниковедческая база. Составитель проделал огромную работу, выявив неопубликованные документы из российских (РГАЛИ, ГА РФ, ГАРО, ПФА РАН и др.) и зарубежных архивов (ЦГИА Грузии). Большую ценность представляет введение в научный оборот целого ряда архивных документов: рукопись драмы Н. Бегичевой «Изгнание ингушей с плоскости в горы» (ф. 60 РГАЛИ), рукопись

² «Ингуши в древности», «Люди – гордость нации», «Иностранные источники об ингушах», «Царская жизнь ингушей», «Ингуши в эмиграции» Материалы о Шамиле Заурбековиче Ахушкове», «Чукотка: ингуши Добриевы», «Фольклор и музыка», «История».

кавказоведа Ф.И. Горепекина из фондов Национальной библиотеки РИ, «Сборник фольклора народов СССР» (ф. 613 РГАЛИ) «Отчет СКИЛНИИ им. Кирова о экспедиции в Чечню и Ингушетию 1932 г.» (ф. 1260 ГАСК) и «Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа» (ф. 4387 ГАРО). Также использованы материалы «Туркестанского сборника», «Кавказского сборника» и других фольклорных сборников.

Во всех остальных главах представлены опубликованные источники, включая материалы на польском, немецком языках, публикации в эмигрантской прессе (Харбин, США). Значительный корпус источников состоит из материалов газет дореволюционного периода: «Кавказ», «Казбек», «С.-Петербургские ведомости», «Терские ведомости».

Несомненной заслугой автора является перевод текстов с немецкого языка. Во второй главе помещены материалы из изданий, опубликованных в XIX в., в частности работа востоковеда Иоганна Готфрида Хассе «Абрахам происходит с Кавказа, из Ура, страны Касдим или Кисти». Несмотря на название третьей главы – «Иностранные источники об ингушах», – она также опирается преимущественно на немецкие источники, которые представлены в авторском переводе.

Во второй главе представлены многочисленные материалы, посвященные жизни и деятельности как известных, так и малоизвестных исторических и современных личностей. Среди них – статьи В.-Г. Джабагиева («Разочарованные. Феминизм в Турции», «Армянский вопрос и панисламизм в России», опубликованные в Туркестанском сборнике и Санкт-Петербургских ведомостях в 1907 г). Значительное место в разделе отведено материалам о современных деятелях, например о муфтии Северной Осетии 1989–1990 гг. С.Ш. Евлоеве. Завершается глава публикациями из российских периодических изданий, в том числе, материалами, посвященными органистке Л.Б. Шишхановой.

Еще одна глава справедливо выведена в отдельный раздел «Ингуши в эмиграции» и представлена произведениями Н.Н. Брешко-Брешковского «Албанская сирена, Белград, 1927» и «Принц и танцовщица. Рига, 1927», где раскрывается деятельность Заур-Бека Ахушкова, а также воспоминаниями Н.А. Базоркина, опубликованными в газетах «Заамурец» (Харбин, 1938). Здесь же приведена статья В.-Г. Джабагиева и его дочерей на польском языке и материал о переводчице Ф. Цороевой и ее семье в газете «Новое русское слово» (США).

Архивные документы представлены в главах IV–V «Царская жизнь ингушей», «Советская жизнь ингушей», а также в главе IX «Фольклор и музыка». Среди них дело об осужденном за антисовет-

скую деятельность С.А. Маматиева из фонда Р-7523 ГА РФ и документы из фонда 545 Центрального исторического архива Грузии.

В качестве иллюстративного материала в книге приведены портретные и групповые снимки известных личностей, изображения картин художника Х.-Б. Ахриева, графические материалы из различных ранее опубликованных книг.

Издание не лишено некоторых недостатков, которые снижают его научную и просветительскую эффективность. Наиболее существенным из них является полное отсутствие НСА. Автор-составитель ограничивается, по сути, публикацией документов в виде расшифрованного текста (без приложения сканов) без их критического осмысления. В книге отсутствует предисловие, которое объясняло бы общую концепцию, принципы отбора материалов и их значимость. Выбранная тематическая структура также не является последовательной, поскольку внутри глав не соблюдена хронология представления материалов. Отсутствуют заголовки и легенды к документам: читатель зачастую не может определить, является ли документ подлинником или копией, машинописью или рукописью. Нет также подробных примечаний, комментариев и именного указателя, что крайне затрудняет работу с книгой и понимание контекста. Список публикуемых документов облегчил бы работу с ними.

Часть документов (например, статья В.-Г. Джабагиева на польском языке) приведена без перевода на русский язык, что делает их недоступными для большинства читателей и снижает качество издания. Отдельной проблемой, свидетельствующей о недостаточной редакторской работе, является непоследовательность в передаче имен. Например, в тексте возникает путаница с именем Джабагиева, который в разных местах указан как Вассан-Гирей (с. 45), Висангирей (с. 246), Васангирей (с. 355).

Еще одним свидетельством концептуальной слабости издания является эклектичный принцип формирования глав. Так, наряду с крупными тематическими разделами («Ингуши в эмиграции», «Фольклор и музыка») в книге присутствуют главы, выделенные по узкому персональному или даже географическому принципу – «Материалы о Шамиле Заурбековиче Ахушкове» и «Чукотка: ингуши Добриевы». Выделение десятой главы «История» в отдельный раздел при наличии исторических глав также размывает общую структуру работы. В этом разделе представлены публикации в газетах о происхождения ингушей. Здесь же работы советских этнографов Л. Семенова «Этнографическая работа в Ингушской автономной области», «Этнографическая работа Ингушского института краеведения», труды И. Бороздина о горной Ингушетии в газетах «Новый Восток», «Прожектор» и выдержка из книги Н. Яковлева «Языки и народы Кавказа».

Подбор визуальных материалов (портреты, групповые фото, графические материалы) представляется ценным, однако их подача не соответствует требованиям публикации. Изображения зачастую не снабжены поясняющими легендами (подписями), что лишает их информативности. Читателю приходится самому делать источниковедческий анализ для понимания сюжетов графических изображений. Издание демонстрирует отсутствие систематизации включенных в нее документов, в том числе фотодокументов.

Книга могла бы стать репрезентативным научным изданием, если бы был проведен тщательный анализ документов, снабжен квалифицированный научный аппарат и представлены переводы текстов.

*Ингушская автономная область, 1924–1934 гг.:
сборник архивных документов и материалов
об истории становления Ингушетии, приуроченный
к 100-летию образования Республики Ингушетия /
сост. М.М. Картоев, Б.М. Ужахов. Магас: [Б. и.];
Ростов-н/Д.: Южный издат. дом, 2024. 455 с.*

Второй рассматриваемый сборник архивных документов и материалов «Ингушская автономная область, 1924–1934 гг.», приурочен к 100-летию образования Республики Ингушетия, об истории становления Ингушетии. В него вошли документы из фондов федерального (ГА РФ) и регионального (ГАРО, ЦДНИ РО, Госархив Республики Ингушетия) архивов, а также опубликованные материалы из РГБ и РНБ. Структурно сборник разделен на 10 разделов³, охватывающих различные аспекты общественно-политической жизни Ингушской автономной области (ИАО).

³ «Государственное строительство. Административное устройство. Население», «Установление административных границ Ингушской автономной области с соседними регионами (Чечня, Сунженский округ, г. Владикавказ, Кабарда, Северная Осетия, Грузия)», «Народное хозяйство ИАО (экономика, финансы, сельское хозяйство, строительство, промышленность, кооперация)», «Социальная сфера: образование, культура, здравоохранение ИАО», «Научное изучение Ингушетии в 1920–1930-е годы», «Архивное дело в Ингушетии в 1920–1930-е годы», «Печать Ингушетии в 1920–1930-х гг.: газета и издательство “Сердало”», «Они стояли у истоков... (биографические очерки о выдающихся деятелях Ингушетии 1920–1930-х гг.)», «Личные карточки членов Исполнительного комитета ИАО 1925–1926 гг.».

Несомненным достоинством издания является репрезентативная источниковая база, которая позволяет детально отразить процесс становления ингушской государственности в указанные годы. Разделы охватывают все основные аспекты жизни автономной области: политика, экономика, социальная политика, наука, культура. Подобранные материалы создают комплексную, многообразную картину эпохи, способствуя глубокому пониманию ее специфики и характерных особенностей времени. Ценность сборника повышают некоторые сведения, публикуемые впервые, например дата и место смерти видного политического деятеля Б. Котиева. Однако этот факт, как и многие другие, приводится без ссылки на источник информации.

Структура начинается с макропроцессов («Государственное строительство», «Административное устройство») и постепенно переходит к более конкретным сферам жизни (экономика, социальная сфера, культура). Документы сгруппированы по тематическому принципу, что более удобно для читателя и исследователя.

Наряду с несомненными достоинствами, в издании присутствуют отдельные особенности археографической обработки, требующие внимания. Ключевой из них – отсутствие предисловия, в котором были бы сформулированы принципы отбора документов и, что критически важно, обозначена источниковая новизна публикации. Составители не указывают, какие документы вводятся в научный оборот впервые, а какие были опубликованы ранее, что существенно затрудняет оценку научной значимости сборника.

Одни разделы названы по содержанию («Государственное строительство...»), другие – по типу документов («Личные карточки...»), третьи – по жанру («Они стояли у истоков...»). Некоторые слова напрямую заимствованы из языка документов 1920–1930-х гг. без необходимых оговорок в предисловии или комментариях, например, понятия, «Кабарда» (вместо «Кабардино-Балкарская АО»), «народное хозяйство» (вместо «экономика»).

Археографическая обработка документов выполнена непоследовательно. Часть документов в виде расшифрованных текстов, без комментариев и сопроводительных справок, в то время как другие (раздел 7) содержат лишь сканированные копии документов, предваряемые краткой статьей о конкретном эпизоде из раздела (текст о газете «Сердало» Я. Патиева).

Нарушение принципа единообразия особенно заметно в разделе «Они стояли у истоков...». Если биография И.Б. Зязикова сопровождается комплексом документов (личная карточка, часть биографии из фондов ГА РФ, биографическая справка из уголовного дела по обвинению в организации убийства И. Черноглаза, фотографии,

воспоминания известных ингушских деятелей и др.), то сведения о других исторических личностях (М. Ведзижев, А. Горчханов, Б. Котиев, Х. Орцханов, М. Саутиев, З. Яндиев, А. Картоев) представлены краткими биографическими справками без архивных приложений. Подобная фрагментарность снижает научно-справочный потенциал издания.

Завершает текстовую часть сборника раздел, содержащий личные карточки одиннадцати членов Исполнительного комитета ИАО за 1925–1926 гг., который, несмотря на свою информативность, выглядит изолированно от общей структуры работы.

Заключительный раздел представляет фотохронику, включающую снимки, относящиеся к периоду истории ИАО: фотографии выпускников учебных заведений (Ингушского педагогического техникума, Чечено-ингушского общегорского зоотехнического ветеринарного техникума), изображения известных государственных деятелей и представителей культуры И. Зязикова, С. Альдиева, А. Горчханова, художника Х.-Б. Даурбекова. Данный визуальный материал передает атмосферу эпохи, являясь ценным историческим свидетельством, запечатлевшим образ момента. Однако некоторые фотографии не имеют описания выходных данных, не указаны авторы снимков и дата, не указаны источники и архивные шифры (с. 447–453). Фотогалерея должна сопровождаться заголовками к каждой фотографии, содержащими элементы комментирования, что, естественно, повышает информационный потенциал фотодокументов [Козлов 2015, с. 48; Химица 2016, с. 19].

Отсутствие именного указателя затрудняет восприятие текста и делает невозможным поиск по ключевым личностям, существенно ограничивая справочный потенциал издания.

В отличие от данного издания, другой сборник документов, составленный М.М. Картоевым в 2014 г. (переизд. в 2020 г.) и раскрывающий место Ингушетии в политике Российской империи на Кавказе в XIX в., демонстрирует значительно более высокий уровень архивно-археографической обработки⁴.

⁴ Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе: XIX век: сб. документов и материалов. 2-е изд., испр. и доп. / сост., вступ. ст., примеч., указ. М.М. Картоева. Ростов-н/Д.: Южный издат. дом, 2020. 760 с.

Яндиева М.Д. Книга судьбы: S.A. Malsagoff. "An Island Hell: A Soviet Prison in the Far North": Текст. Исследование. Документы и материалы. Эпистолярный. Библиография. М.: PrintLeto, 2024. 791 с.

Монументальным трудом, отличающимся высоким уровнем подготовки, является книга М. Яндиевой «Книга судьбы...», вышедшая в 2024 г. Это издание подготовлено к 100-летию публикации на английском языке свидетельства о советском лагере в начале 1920-х гг. XX в.

М. Яндиева на протяжении многих лет целенаправленно собирает и изучает историко-культурное наследие С. Мальсагова. «Книга судьбы...» – серьезное, глубокое исследование, которое выполняет сразу несколько функций: публикует исторический источник, подвергает его тщательному научному анализу и обрамляет документальным и библиографическим контекстом. Определяя жанр издания как полифонический, автор полностью оправдывает это определение комплексным подходом: пять взаимосвязанных частей последовательно раскрывают личность автора мемуаров и эпоху, в которую создавались воспоминания.

Издание является тематической документальной публикацией и включает источники о жизни и деятельности С. Мальсагова. Центральным элементом издания выступают его воспоминания о Соловецком лагере особого назначения (СЛОН) – одном из самых ранних свидетельств о советской лагерной системе. Мальсагов, бывший офицер, заключенный лагеря, который вместе с четырьмя другими узниками совершили побег в Финляндию, описывает условия в лагере с протокольной точностью.

Текст публиковался много раз как на страницах периодических изданий, так и отдельными изданиями. Впервые он был опубликован на английском языке в Лондоне в 1925 г. В ноябре–декабре того же года текст увидел свет на русском языке в рижской эмигрантской газете «Сегодня» (№ 269–293) под названием «Остров пыток и смерти (Записки бежавшего с Соловков офицера С.А. Мальсагова)». В СССР воспоминания впервые были опубликованы лишь в 1989 г., в период перестройки, после того как было обнаружено английское издание.

Вторая, исследовательская часть, выполняет критически важную функцию достоверности сведений в воспоминаниях. Автор раскрывает полную драматизма биографию Мальсагова, проверяя факты, изложенные в мемуарах, сверяя их с другими источниками и архивными данными. Также приведен анализ истории создания текста, его публикации за рубежом и роль в формировании западного общественного мнения о советских лагерях. М. Яндиева

помещает свидетельство Мальсагова в общую историю ГУЛАГа. Вместе с тем вступительная статья и комментарии местами содержат эмоционально-оценочные характеристики (например, «большевистской чумой», «...сражался со “священной яростью” бескомпромиссно с большевистской, коммунистической Тьмой как Воин Света...»). Подобные выражения, будучи понятными с точки зрения личной позиции автора, вступают в противоречие с академическим стилем и объективистской установкой, ожидаемой от научного издания, и несколько снижают общее впечатление от такой фундаментальной работы.

Научная новизна отличает раздел «Документы и материалы. Фотографии». Читатель получает возможность увидеть свидетельство Мальсагова в окружении официальных документов, приказов, отчетов лагерной администрации, справок и других документов как доэмигрантского периода, так и периода эмиграции. Для раскрытия раннего этапа жизни Мальсагова автор привлекает документы РГВИА (материалы о рождении, военной карьере и др.). Особый интерес вызывают документы личного происхождения (личные дела, свидетельства о натурализации), выявленные в зарубежных архивах (Архив Международного Красного Креста, Национальный архив Великобритании, Архивы Арользена), что значительно расширяет источниковую базу темы. Все документы снабжены полными характеристиками с указанием мест хранения, особенностей документов.

Глубину исследованию придает раздел «Эпистолярный», где переписка Мальсагова с родственниками и видными деятелями эмиграции (Я. Озиевым, А. Ужаховым, А. Авторхановым) добавляет к историческому повествованию человеческое, эмоциональное измерение. Подобные документы личного происхождения позволяют не только описывать исторические события, но и проникнуть во внутренний мир их создателей, раскрывая «самую душу» человека эпохи. Эти источники, являясь «документами жизни», дают возможность увидеть историю через призму индивидуального восприятия, восстанавливая недостающие звенья в понимании прошлого [Хорхордина 2024, с. 21–24]. Публикатор не просто воспроизводит тексты, а воссоздает среду бытования этих документов, показывая, как частная переписка формировала интеллектуальный мир ингушской эмиграции.

Завершают книгу материалы, посвященные рецепции наследия Мальсагова в периодической печати: публикации о его книге и его жизни в эмигрантской, советской, а также в современных российских и зарубежных изданиях. В отдельном разделе приводится информация с выставок, встреч, конференций и различных мероприятий.

Фундаментальная библиография делает книгу незаменимым инструментом для дальнейших научных изысканий. Полноценный научно-справочный аппарат, включающий предисловие, именной указатель и список трудов о С. Мальсагове, список литературы, соответствует требованиям к публикациям исторических документов.

Заключение

Проведенный анализ наглядно демонстрирует эволюцию в подходах к публикации исторических источников: от простого накопления материалов к их глубокому научному осмыслению. Эта эволюция особенно очевидна в развитии научно-справочного аппарата: от его полного отсутствия через фрагментарное применение к комплексному использованию. Критериями градации качества публикации источников выступают критерий отбора документов, наличие/отсутствие научного аппарата, уровень археографической обработки документов, глубина аналитических комментариев, общая концептуальность и структура издания.

Все три издания представляют собой публикацию исторических источников, однако их научный уровень и ориентированность на потенциальную аудиторию принципиально различны. Труд Б. Газикова можно считать ценным информационным ресурсом. Книга полезна как справочник для специалистов, но ее потенциал для широкой аудитории и как репрезентативного научного издания не раскрыт. В публикациях часто не указаны подлинность документа, его внешние особенности. Однако в большинстве публикаций критерий отбора не указываются вовсе.

Сборник «Ингушская автономная область, 1924–1934 гг.» демонстрирует попытку систематизировать материал, однако его ценность как научного издания снижается из-за методологической непоследовательности. Отсутствие археографического предисловия, смешение принципов подачи материала и невыдержанность структуры не позволяют ему стать справочным инструментом, хотя выявленный массив документов представляет значительный интерес для исследователей истории Ингушской автономной области.

Работа М. Яндиевой «Книга судьбы...» представляет собой завершенное научное исследование. Именно такой многоаспектный подход, сочетающий публикацию источника с его критическим анализом и всесторонним контекстуальным анализом, должен стать ориентиром для будущих изданий в области истории Ингушетии и кавказоведения в целом.

Литература

- Козлов 2015 – *Козлов В.П.* Публикации фотодокументов в 1990–2000-е гг.: археографический анализ // Отечественные архивы. 2015. № 1. С. 46–55.
- Сабенникова 2020 – *Сабенникова И.В.* Правила издания исторических документов: история создания, XX век // Вестник ВНИИДАД. 2020. № 4. С. 26–34.
- Хими́на 2016 – *Хими́на Н.И.* Документальные публикации архивных учреждений России в 1992–2013 гг. // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 14–21.
- Хорхордина 2024 – *Хорхордина Т.И.* Архивы личного происхождения в России. М.: Весь мир, 2024. 808 с.

References

- Khimina, N.I. (2016), “Documentary publications by Russian archival institutions in 1992–2013”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 1. pp. 14–21.
- Khorhordina, T.I. (2024), *Arkhivy lichnogo proiskhozhdeniya v Rossii* [Personal archives in Russia], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Kozlov, V.P. (2015), “Publication of photographic documents in the 1990s and the 2000s: archaeographic analysis”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 1, pp. 46–55.
- Sabennikova, I.V. (2020), “The rules of historical documents publication: history of creation, the 20th century”, *Herald of VNIIDAD*, no. 4. pp. 26–34.

Информация об авторе

Ахмед К. Чапанов, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; ahmed.targimov@mail.ru
ORCID ID:0000-0002-4234-4288

Information about the author

Akhmed K. Chapanov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ahmed.targimov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-4234-4288

УДК 339.92(470+517.3)

DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-233-243

Важный евроазиатский маршрут:
о сборнике документов
«Улан-Баторская железная дорога:
История и современность»
(М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 512 с.)

Александр С. Сенин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kiguoo@rggu.ru*

Аннотация. Сборник документов «Улан-Баторская железная дорога: История и современность» подготовлен сотрудниками Российского государственного архива экономики и посвящен 75-летней истории акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога». В сборник включены документы центральных, региональных и ведомственных архивов России и Монголии. Межведомственные и ведомственные нормативные акты, документы правления акционерного общества, служебная переписка отражают процессы проектирования, строительства и эксплуатации железной дороги на территории Монголии, развитие экономического сотрудничества между нашими странами. Улан-Баторская железная дорога является основным перевозчиком грузов и пассажиров в стране. Пересекая страну с севера на юг, Трансмонгольская магистраль является важной частью региональной транспортной логистики. Используя выгодное географическое положение, она служит естественным транзитным мостом между Европой и Азией. Модернизация УБЖД позволит этой магистрали стать важным звеном международного транспортного коридора, а также расширить взаимовыгодные экономические связи с основными торговыми партнерами Монголии – Россией и Китаем.

Материалы сборника особо значимы сегодня в условиях укрепления экономических связей России со странами Восточной Азии.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Советский Союз, железная дорога, международный транспортный коридор, экономическое сотрудничество

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2024 г.;
принята к публикации 19 января 2026 г.

© Сенин А.С., 2026

Для цитирования: Сенин А.С. Важный евроазиатский маршрут: о сборнике документов «Улан-Баторская железная дорога: История и современность» (М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 512 с.) // История и архивы. 2026. Т. 8. № 2. С. 233–243. DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-233-243

An important Eurasian root:
Review of the collection of documents
“Ulan-Batorskaya zheleznaya doroga.
Istoriya i sovremennost”
[The Ulaanbaatar Railway. History and modernity]
(Moscow: Kuchkovo Pole: Museon, 2024. 512 p.)

Aleksandr S. Senin

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dep_kiguoo@rggu.ru*

Abstract. The collection of documents: “The Ulaanbaatar Railway. History and modernity” was developed by the staff of the Russian State Archives of Economy and dedicated to the 75-year history of the Ulaanbaatar Railway Joint-Stock Company. The collection includes the documents from the central, regional and departmental archives of Russia and Mongolia. The interdepartmental and departmental regulations, the documents of the Joint-Stock Company Board and the official correspondence reflect the processes of the railway design, construction, and operation in Mongolia, as well as the development of economic cooperation between our countries. The Ulaanbaatar Railway is the main carrier of goods and passengers in the country. Crossing the country from north to south, the Trans-Mongolian traffic artery is an important part of the regional transport logistics. Thanks to its advantageous geographical position, it serves as a natural transit bridge between Europe and Asia. The Ulaanbaatar Railway modernization will make this highway an important link in the international transport corridor; it will also help expand the mutually beneficial economic ties with the major trading partners of Mongolia – Russia and China.

The materials of the collection are particularly important today in the context of strengthening economic ties between Russia and the countries of East Asia.

Keywords: Russia, Mongolia, Soviet Union, railway, international transport corridor, economic cooperation

The article was submitted for publication 28.12.2024;
accepted for publication 19. 01.2026.

For citation: Senin, A.S. (2026), "An important Eurasian root: Review of the collection of documents 'Ulan-Batorskaya zheleznaya doroga. Istoriya i sovremennost'" [The Ulaanbaatar Railway. History and modernity] (Moscow: Kuchkovo Pole: Museon, 2024. 512 p.), *History and Archives*, vol. 8, no. 2, pp. 233–243, DOI: 10.28995/2658-6541-2026-8-2-233-243

Подготовленный сотрудниками Российского государственного архива экономики сборник документов «Улан-Баторская железная дорога. История и современность»¹ посвящен 75-летней истории акционерного общества «Улан-Баторская железная дорога», ключевого для Монголии инфраструктурного проекта.

Сборник состоит из пяти глав, документы которых последовательно освещают историю создания и деятельности динамично развивающейся железнодорожной магистрали.

Документы первых двух глав раскрывают этап создания основных элементов инфраструктуры Улан-Баторской железной дороги. Документы позволяют охарактеризовать местность, по которой прошла дорога, и основные препятствия, которые пришлось преодолевать строителям. Район строительства представлял собой зону высоких степей и горного лесостепья с большими количеством горных массивов [Каманджаев 2024]. На участке от 300 до 366 км наблюдались вечномёрзлые грунты. Климат характеризовался резкой континентальностью с большим суточными и годовыми температурными амплитудами. Среднегодовая температура составляла – 2,9, но минимальная опускалась до – 47,2°. Строительство дороги такой сложности и масштабов было непосильно Монгольской Народной Республике и Советский Союз был вынужден взять на себя основные расходы по финансированию строительных работ. 28 августа 1948 г. Советом Министров СССР был одобрен заём правительству МНР в объеме 48 355 200 рублей для оплаты доли МНР в Советско-Монгольском акционерном обществе «Улан-Баторская железная дорога». Спустя полмесяца было подписано Соглашение между правительствами обеих стран о создании этого общества. Оно учреждалось для постройки и эксплуатации железной дороги от пограничного пункта на советско-монгольской границе Наушки до города Улан-Батор общей протяженностью в 404 км.

Согласно публикуемым документам (Соглашению о создании Общества и его Уставу) учредителями общества являлись Министерство путей сообщения СССР и Министерство транспорта МНР.

¹ Улан-Баторская железная дорога: История и современность / отв. ред. А.В. Юрасов; сост. Е.Р. Курапова, В.С. Пушкарев, И.В. Хесин. М.: Кучково поле: Музеон, 2024. 512 с.

Правление Общества находилось в Улан-Баторе. Там же находилось Управление дороги. Начальника дороги назначала советская сторона, его заместителя – монгольская. Монгольская сторона оплачивала свою долю акционерного капитала, средства для приобретения лошадей, юрт, строительных материалов, продовольствия, одежды и прочих товаров для Строительного управления дороги. В бессрочное пользование Общества передавалась полоса земли по всей трассе железной дороги шириной в 120 м на перегонах и в 300 м на станциях. В бессрочное пользование Общества также передавались земельные участки для технических сооружений, заготовки строительных материалов, добычи каменного угля и нефти. В межправительственном Соглашении отмечалось, что проведение изысканий и сооружение дороги будет осуществлено Советским Союзом. Поэтому разрешался беспрепятственный пропуск через советско-монгольскую границу инженерно-технических специалистов и рабочих, свободное движение в обе стороны железнодорожного, автомобильного и гужевого транспорта, а равно проход советских судов по рекам Селенга, Орхон, Хара-Гол и Иуру-Гол. Свою деятельность Общество осуществляло на территории МНР в соответствии с законами республики и пользовалось всеми преимуществами и льготами, наравне с монгольскими государственными учреждениями.

Строительные работы начались задолго до подписания Соглашения об учреждении Общества [Курас 2011]. Постановлением Советского правительства строительные работы были поручены Главному управлению лагерей железнодорожного строительства Министерства внутренних дел СССР, а изыскание и проектирование – Желдорпроекту этого же управления (ГУЛЖДС МВД СССР). Согласно техническому проекту железной дороги, строительство, а затем руководство оперативной и хозяйственной деятельностью осуществляло Специальное управление строительства № 505 Управления строительства горно-металлургических предприятий МВД СССР под руководством инженера путей сообщения, генерал-майора Ф.А. Гвоздевского, располагавшееся в г. Сухэ-Батор. Во вступительной статье «Улан-Баторская железная дорога – магистраль через страны и эпохи», подготовленной доктором исторических наук, главным научным сотрудником Института российской истории РАН М.Ю. Мухиным, указано, что в строительстве участвовало 93 тыс. рабочих. Были привлечены строительные организации с участков Байкало-Амурской магистрали, широко использовался труд заключенных ГУЛАГа и пленные японские военнослужащие [Мухин 2024, с. 24].

Как свидетельствует акт специальной советско-монгольской комиссии о передаче железнодорожной линии Наушки – Улан-

Батор в постоянную эксплуатацию АО «УБЖД» от 15 декабря 1950 г., на дороге было сооружено 10 станций, 12 разъездов, оборудованы пункты водоснабжения. Эксплуатировались паровозы серии «Э». На главных и станционных путях использовался гравийный или песчаный балласт. Были уложены уже бывшие в эксплуатации рельсы. Минимальный радиус кривых участков – 300 м. На участке от 270 до 375 км встречалась местность с вечной мерзлотой на глубине 3 – 4 метра. Отмечалось, что вблизи от железной дороги находились залежи известняка и лесные массивы, дававшие возможность организовать лесозаготовки и деревообделочные предприятия, а также производство извести. Сквозное рабочее движение по всей магистрали было открыто 7 ноября 1949 г.

В сборник включен приказ и. о. начальника Строительства № 505 от 10 января 1951 г. о том, что с 17 ч. вся ответственность за безопасность движения, охрану и сохранность грузов и всех эксплуатируемых объектов переходит к АО «УБЖД». Однако, согласно справке Управления строительства № 505 от 24 ноября 1951 г., оно продолжало достраивать некоторые объекты, например депо на станции Улан-Батор, электростанцию на станции Сухэ-Батор, местами продолжались буровые работы, монтаж насосных, водонапорных башен, вагоноремонтных пунктов и котельных. В Улан-Баторе достраивались 18 двухквартирных и один четырехквартирный жилые дома. Началась смена дефектных рельс (сменили 6918 шт. против запланированных 8280 шт.).

Для истории железнодорожного строительства особый интерес представляет проект совместного письма от 23 августа 1952 г. министра путей сообщения СССР Б.П. Бещева, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и помощника заместителя Председателя Совета Министров СССР А.Ф. Зеленовского первому заместителю председателя Совета Министров СССР В.М. Молотову о строительстве железной дороги от Улан-Батора до границы с Китайской Народной Республикой. Новая дорога протяженностью ориентировочно 750 км должна была пройти по территории, где отсутствовали лес, вода и местные строительные материалы. Для обслуживания этого протяженного участка потребовалось отозвать с железных дорог СССР до трех тысяч вагонов, 40 паровозов и 35 тепловозов. 15 сентября 1952 г. между правительствами СССР и МНР было подписано Соглашение о строительстве и эксплуатации однопутной железнодорожной линии от Улан-Батора до монголо-китайской границы в районе Дзамын-Удэ с расчетом на пропускную способность 12 пар поездов в сутки. По всей дороге намечалось уложить новые рельсы типа Р-43. Поскольку ширина колеи была разной (в Монголии она была как и в СССР – 1524 мм, а в Китае 1435 мм), совместимость участков предполагалось обеспечить путем замены колесных пар

на китайской стороне. В целях нового строительства увеличивался акционерный капитал АО «УБЖД».

Работы на новой дороге велись силами военно-строительных батальонов и Управлением исправительно-трудовых лагерей и строительства № 505. В 1953 г. они строили центральные базы материально-технического и интендантского снабжения, лагерные пункты, два средних и один большой мосты. В последних числах марта приступили к отсыпке земляного полотна (справка начальника Управления ИТЛ и Строительства № 505 Л.С. Буянова). В марте 1953 г. структуры ГУЛЖДС были переданы в МПС СССР. Исправительно-трудовые лагеря были эвакуированы на территорию СССР. В сборнике помещены справки начальника Управления строительства № 505 МПС СССР Л.С. Буянова о ходе выполнения плана по строительству железной дороги Улан-Батор – Дзамын-Удэ, а также докладная записка строительного ревизора МПС В. Кишина о ходе работ на «Строительстве № 505» в июне-августе 1954 г.

17 декабря 1955 г. АО «УБЖД» приняло от строителей железнодорожную линию Улан-Батор – Дзамын-Удэ. Согласно акту о передаче линии в эксплуатацию Общества от 30 декабря 1955 г., протяженность линии составила 713 км. Дорога строилась в труднодоступной местности, на северном участке она пересекала отроги Хэнтейского хребта, достигая отметок 1710 м над уровнем моря, далее проходит по волнистому нагорью и, пересекая в пределах 590–690 км приподнятое каменистое плато, следует по пустыне Гоби к монголо-китайской границе. Был выполнен объем земляных работ, равный 12 млн м³, заготовлено и уложено 700 тыс. м³ щебня и гравия, построено 500 искусственных сооружений, 35 станций и разъездов, 5 тепловозных депо, 7 электростанций, 8 крупных вокзалов. Пропускная способность – 12 пар поездов в сутки с возможностью доведения в дальнейшем до 24 пар. На линии эксплуатировались тепловозы ТЭ-2. Большинство станционных строений было оборудовано водопроводом и канализацией. Одновременно с постройкой технических сооружений возводились жилые дома для железнодорожных служащих, детские сады и интернаты, хлебопекарни, магазины, бани, прачечные, спортивные сооружения. Строительство вело и завершило специальное управление (Строительство № 505) Министерства транспортного строительства СССР. Один из документов свидетельствует о передаче монгольской стороне в 1956 г. железнодорожной узкоколейной линии Эрен-Цаб – Байн-Тумен протяженностью 380,5 км. Железнодорожная трансмонгольская магистраль сократила путь грузов из Китая в Советский Союз на 1100 км. Только за 1958 – 1967 гг. АО «УБЖД», с учетом транзитных грузов, перевезла 25,6 млн т грузов, обеспечив МНР 406,5 млн тугриков чистой прибыли [Мухин 2024, с. 32].

3-я глава содержит документы о деятельности АО «УБЖД» за 1960–1980-е гг. Это преимущественно отчеты советских специалистов, командированных в Монголию, о грузовой и коммерческой работе Улан-Баторской железной дороги, отчеты правления АО «УБЖД», отчеты дороги общему собранию акционеров о производственно-финансовой деятельности. В них сообщается о модернизации железной дороги в разные годы, в частности, об электрической централизации стрелок, полуавтоматической блокировке на отдельных участках, развитии станционных путей, улучшении бытовых условий железнодорожников. Сообщается о проблемах с безопасностью движения поездов, наличии брака в поездной и маневровой работе, нарушениях правил технической эксплуатации и должностных инструкций отдельными работниками дороги. Интерес для историков транспорта представляет письмо главы правительства Монголии Ж. Батмунха председателю СМ СССР А.Н. Косыгину от 21 февраля 1977 г. о необходимости капитального ремонта УБЖД в целях ее модернизации. Батмунх отметил высокие темпы развития монгольской экономики, предъявляющей повышенные требования к транспортной инфраструктуре. Так, в 1975 г. по сравнению с 1970 г. грузооборот УБЖД вырос на 40,7%.

Ввод в действие монголо-советского горно-обогательного комбината «Эрдэнэт» и расширение советско-монгольского экономического сотрудничества вызовет существенный прирост объема перевозок по железной дороге, поскольку УБЖД выполняет более 70% общего грузооборота всех видов транспорта страны. Вместе с тем, по словам Батмунха, на железной дороге по-прежнему эксплуатируются тепловозы ТЭ-2, построенные в СССР в 1949–1952 гг. и их все труднее ремонтировать: «Все более тяжелое положение складывается с обеспечением ремонта в связи с тем, что выпуск данного типа тепловозов промышленностью прекращен более 20 лет назад и номенклатура производимых к ним запасных частей из года в год сокращается». Для обеспечения безопасности движения Батмунх просит советское руководство оказать содействие в замене эксплуатируемых с 1950 г. рельс и стрелочных переводов типа Р-43 на более мощные Р-50. На сложных перегонах общей протяженностью 163 км требовалось провести капитальный ремонт пути. В январе 1979 г. была принята в эксплуатацию линия Дархан – Эрдэнэт протяженностью 164 км. Она обеспечила потребности нового горно-обогательного комбината.

Соглашение между правительствами двух стран о модернизации железнодорожной сети было подписано 19 октября 1982 г. Советская сторона взяла на себя работы по развитию Улан-Баторского железнодорожного узла, локомотивного депо на станции Улан-Батор, развитие станции Сухэ-Батор, строительство искусственных

сооружений на линии Улан-Батор – Дзамын-Удэ, реконструкцию локомотивного депо на станции Дархан и др. Со своей стороны АО «УБЖД» проводила капитальный ремонт пути с укладкой полученных из СССР рельсов типа Р-50. Судя по тексту межправительственного Соглашения и приложений к нему, капитальный ремонт предполагалось провести практически всего главного пути (400 км на магистрали Сухэ-Батор и 656 км на магистрали Улан-Батор – Дзамын-Удэ). Завершить работы планировалось к концу 1990 г.

Документы глав 5 и 6 сборника посвящены деятельности Улан-Баторской железной дороги в новых социально-экономических условиях на рубеже XX–XXI вв. До конца 1980-х гг. экономика Монголии развивалась при финансовой и технической помощи СССР и других стран Совета экономической взаимопомощи [Каманджаев 2023]. Прекращение внешней экономической помощи в результате распада социалистической системы, ликвидации Советского Союза привели к нарушению сложившихся хозяйственных связей и глубокому спаду в экономике Монголии. К 1991 г. долг Монголии Советскому Союзу достиг 11,4 млрд руб. Выплата этой задолженности для Монголии была непосильной. Понимая финансовые трудности МНР, советское, а затем и российское руководство пошло на почти полное списание задолженности [Мухин 2024, с. 34].

Ухудшение показателей работы дороги зафиксировали публикуемые в сборнике пояснительные записки к отчетам УБЖД по производственно-финансовой деятельности. Так, в записке от 25 февраля 1992 г. отмечено, что за прошедший 1992 г. было недоотправлено 1614,5 т грузов. Общий план по перевозкам народно-хозяйственных грузов был исполнен на 82,6%. В том числе было недоотправлено 90,3 т рудного концентрата из ГОКа «Эрдэнэт». Немногим лучше были показатели за 1993 г.: план перевозок был выполнен на 85,2%. Положение с перевозками стало улучшаться лишь к концу 90-х годов. И только в пояснительной записке к отчету УБЖД о производственно-финансовой деятельности за 2001 г. отмечено, что план перевозок выполнен на 107,4%, а годовой прирост грузооборота составил 12,6%.

Публикуется письмо министра путей сообщения Г.М. Фадеева министру инфраструктуры Монголии Б. Жигжиду о согласии МПС России в качестве российского акционера на осуществление приватизации жилых зданий УБЖД, построенных в период 1949–1960 гг. Это снижало финансовую нагрузку АО, на баланс которого, как и в Советском Союзе, находились многочисленные социальные объекты. Еще одной формой экономической помощи АО «УБЖД» стало решение российской стороны предоставить

льготный тариф на перевозки медного концентрата производства «Эрдэнэт» из Монголии в адрес российских предприятий. Об этом министру развития транспортной инфраструктуры Монголии Г. Батхуу 2 сентября 1999 г. сообщил министр путей сообщения Российской Федерации В.И. Старостенко.

В соответствии с новыми условиями деятельности Общества, по Соглашению между правительствами обеих стран оно было переименовано в Российско-монгольское акционерное общество «Улан-Баторская железная дорога». Указом Президента РФ Д.А. Медведева от 22 августа 2009 г. находящиеся в федеральной собственности 50% акций АО «УБЖД» были переданы в доверительное управление ОАО «Российские железные дороги». В сборнике публикуется текст Соглашения между Министерством дорог и транспорта Монголии и ОАО «РЖД» о стратегическом партнерстве по модернизации и развитию УБЖД от 3 сентября 2014 г. В частности, в нем говорится, что стороны пришли к взаимопониманию о необходимости «проведения масштабной модернизации и расширения железнодорожной сети АО “УБЖД” путем совместной деятельности по подготовке проектной документации, осуществлению строительства, решению вопросов финансирования, организации транспортно-логистической деятельности».

Монголия остро нуждается в развитии важнейшего для нее железнодорожного транспорта. Для этой цели уже в 2009 г. была создана российско-монгольская компания «Дэд бутэцийн хугжил» («Развитие инфраструктуры») с участием ОАО «РЖД». В ближайшие десятилетия предполагалось построить около 5 тыс. км новых железных дорог. Для осуществления этого грандиозного плана в МНР была создана специальная государственная компания «Монголын темер зам» («Монгольские железные дороги»)².

В связи с переориентацией грузовых потоков в восточном направлении, развитием экономического сотрудничества со странами Азии интерес представляет Соглашение между правительствами Российской Федерации и Монголии от 29 марта 2019 г. об условиях транзитных перевозок грузов железнодорожным транспортом. Железнодорожный транспорт (в первую очередь УБЖД) обеспечивает в современной Монголии 95% экспортно-импортных грузоперевозок. Поэтому это Соглашение придаст новый импульс работе УБЖД [Мухин 2024, с. 35]. Документы сборника свидетельствуют о роли и значении трансмонгольской магистрали в качестве международного транспортного коридора в страны Восточной Азии.

² Большая Российская энциклопедия: [В 35 т.]. Т. 20. М., 2012. С. 747.

В сборник вошли документы центральных, региональных, ведомственных архивов России и Монголии. Документы сопровождаются примечаниями составителей. Научно-справочный аппарат состоит из списка сокращений, именного и географического указателей. Как отмечают составители сборника, значительная часть публикуемых документов вводится в научный оборот впервые. Они служат незаменимым источником по истории Монголии и экономического сотрудничества наших стран.

Литература

- Каманджаев 2023 – *Каманджаев Н.А.* Совет экономической взаимопомощи и геологическое изучение Монголии: доклад экспертной группы стран-членов СЭВ от 9 сентября 1963 г. // *История и архивы.* 2023. № 4. С. 36–50.
- Каманджаев 2024 – *Каманджаев Н.А.* Совершенствование кормовой базы МНР в фокусе внимания СЭВ: проект освоения целинных земель в северной части Гобийской зоны // *История и архивы.* 2024. Т. 6. № 2. С. 45–58.
- Курас 2011 – *Курас Л.В.* Монголия в 1940–1945 годы // *Монголия во Второй мировой войне.* Иркутск: Оттиск, 2011. С. 3–12.
- Мухин 2024 – *Мухин М.Ю.* Улан-Баторская железная дорога – магистраль через страны и эпохи // *Улан-Баторская железная дорога: История и современность* / отв. ред. А.В. Юрасов. М.: Кучково поле: Музеон, 2024. С. 3–35.

References

- Kamandzhaev, N.A. (2023), “The Council for Mutual Economic Assistance and the geological study of Mongolia. Report of the expert group of the CMEA (COMECON) member countries, dated September 9, 1963”, *History and Archives*, no. 4, pp. 36–50.
- Kamandzhaev, N.A. (2024), “MPR’s food supply improvement in the CMEA focus of attention. A project for the development of the virgin lands in the northern part of the Gobi zone”, *History and Archives*, vol. 6, no. 2, pp. 45–59.
- Kuras, L.V. (2011), “Mongolia in 1940-1945”, in *Mongoliya vo Vtoroi mirovoi voine* [Mongolia in World War II], Ottisk, Irkutsk, Russia, pp. 3–12.
- Mukhin, M.Yu. (2024), “The Ulaanbaatar Railway – a traffic artery through countries and epochs”, in Yurasov, A.V., *Ulan-Batorskaya zheleznaya doroga: Istoriya i sovremennost’* [The Ulaanbaatar Railway. History and modernity], Kuchkovo pole, Muzeon, Moscow, Russia, pp. 3–35.

Информация об авторе

Александр С. Сенин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; dep_kiguoo@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

Information about the author

Aleksandr S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dep_kiguoo@rggu.ru

ORCID ID: 0000-0001-6258-7482

In Memoriam

Мой друг Евгений Старостин

Анатолий А. Чернобаев

Институт российской истории

Российской академии наук, Москва, Россия;

Архив Российской академии наук, Москва, Россия, aa-istorik@yandex.ru

С Евгением Васильевичем Старостиным я познакомился весной 1968 г. В это время мы оба работали старшими преподавателями (позже заведующими кафедрами) в Московском автомобильном дорожном институте, он – на кафедре истории советского общества подготовительного факультета, я – на общеинститутской кафедре истории КПСС. В том же году меня включили в комиссию Министерства высшего и среднего специального образования СССР по подготовке учебной программы курса «История советского общества» для студентов-иностранцев, обучающихся на подготовительных факультетах в советских вузах. На ее заседаниях я впервые встретился с Евгением Васильевичем. Вскоре мы стали не только коллегами, но и друзьями, почти сразу перешли на «ты».

В МАДИ Старостин работал до 1972 г. Все эти годы мы тесно общались. Я, в то время начинающий преподаватель, много раз посещал его лекции и семинарские занятия, поражался умению четко и просто излагать фактический материал, разъяснять слушателям сложные понятия, термины и категории, что было особенно важно для юношей и девушек из зарубежных стран.

В начале 1971 г. Евгения Васильевича назначили начальником лагеря в Подмосковной Игуменке, где в зимние каникулы отдыхали более 120 студентов-иностранцев, в основном из МАДИ. На этой непростой работе в полной мере проявились его организаторские способности. 1 февраля декан подготовительного факультета Г.Ф. Юдин и я, отвечавший в парткоме института за интернациональное воспитание студентов, приехали в Игуменку. Мы убедились, что в лагере созданы все необходимые бытовые условия, хорошее питание и медицинское обслуживание, вечера отдыха с пением и танцами, лыжные прогулки, праздник «Русская зима», КВН. Подводя итоги двухдневной командировки, мы отметили (это записано в моем дневнике): «Всё хорошо, никаких срывов и жалоб нет». Лишь tet-a-tet Евгений признался мне: «Не высыпаюсь, валюсь с ног от усталости».

Евгений Васильевич был старше меня всего на пять лет, однако обладал несравненно большим жизненным опытом, чем я. Напомню, что с 1945 по 1956 г. он, сын погибшего под Ржевом отца, – курсант Кавказского Краснознаменного Суворовского офицерского училища, затем, до поступления в 1958 г. в МГИАИ, служил лейтенантом в Дальневосточном военном округе. Окончил педагогический факультет Высших вечерних курсов иностранных языков, после чего был направлен переводчиком в Гвинейскую Республику. В Москве работал референтом Управления внешних сношений Минвуза СССР. Не только в МАДИ, но и в дальнейшем я относился к нему с большим уважением, прислушивался к его мнению, воспринимал как моего близкого старшего товарища. Евгений Васильевич отвечал мне взаимностью, приглашая на научные мероприятия в Историко-архивный институт, выступал оппонентом у моих аспирантов.

В 1972–2011 гг. Старостин был старшим преподавателем, доцентом, профессором (позже – заслуженным профессором), первым избранным директором ИАИ РГГУ, заведующим кафедрой истории и организации архивного дела, которой руководил более 30 лет, возглавлял в университете Центр архивных исследований. С 1984 г. он – эксперт ЮНЕСКО. В 1994 г. по моей рекомендации стал академиком Международной академии информатизации. Почетный архивист РФ. Лауреат премии им. А.Л. Шанявского.

Широкую известность не только в России, но и за рубежом получили публикации Старостина о П.А. Кропоткине; в этой связи считаю нужным особо отметить его активное участие в издании в 1979 г. в серии «Памятники исторической мысли» книги всемирно известного ученого и революционера «Великая Французская революция 1789–1793», а также в составлении библиографического указателя в двух частях печатных трудов Кропоткина (М., 1980); работы Старостина об архивах и архивном деле в России и зарубежных странах (О ленинском декрете по архивному делу 1918 г. // Вопросы истории. 1991. № 78 (в соавт.); Архивы и архивное дело в зарубежных странах. Свердловск, 1991; Зарубежное архивоведение: проблемы истории, теории и методологии. М., 1997). Впервые в отечественной историографии Евгений Васильевич проанализировал складывание французской школы архивоведения, ее влияние на развитие европейской, в том числе российской архивоведческой мысли (История России в зарубежных архивах. М., 1994; Элизе Реклю – Петр Кропоткин (история дружбы и научного сотрудничества) // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010), за что был удостоен французского Ордена искусств и литературы.

Старостин – автор более 200 научных трудов. Его книги, подаренные мне, я бережно храню в своей библиотеке. На титуле одной из них – «Архивы и революция», написанной им в соавторстве

с Татьяной Иннокентьевной Хорхординой, они оставили такую дарственную надпись: «Дорогому Анатолию А. Чернобаеву с давней дружбой. 16 марта 2005 г. Дорогому, Любимому нашему Другу, Человеку, Ученому с Большой Буквы с самыми нежными чувствами, один из авторов. Т. Хорхордина»¹.

После 1991 г. мы часто встречались в редакции журнала «Исторический архив», главным редактором которого я стал в 1992 г., на научных конференциях, где выступали с докладами², на заседаниях Научного совета Российского государственного архива социально-политической истории, Правления Общества историков-архивистов. В первом и последующих изданиях биобиблиографического словаря «Историки России»³ были опубликованы статьи о Евгении Васильевиче⁴.

По моей просьбе Е.В. Старостин и доктор исторических наук Александр Валентинович Сидоров подготовили статью о выдающемся русском ученом и архивисте, академике АН СССР Матвее Кузьмиче Любавском, которая была включена в книгу «Историки России. Биографии»⁵. В 2015 г. Т.И. Хорхордина опубликовала в № 3 журнала «Исторический архив» иконографию Е.В. Старостина, отражающую основные вехи его жизни и творчества⁶.

¹ *Старостин Е.В., Хорхордина Т.И.* Архивы и революция. М., 2007. С. 1.

² См.: *Старостин Е.В.* Архивоведение в профессиональной подготовке историков-архивистов в России и Франции // Международная научная конференция «Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего» (27–28 ноября 1997 г. Москва). М., 1998. С. 94–97; *Чернобаев А.А.* Документальные публикации в научных периодических изданиях и их роль в сотрудничестве историков и архивистов // Там же. С. 231–233; *Он же.* Новейшие документальные публикации о российско-французских научных и культурных связях в XVIII–XX вв.: Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. <Материалы международной конференции, организованной ИВИ РАН, Центром им. Ролана Мунье (Национальный центр научных исследований, Университет Париж-Сорбонна), Архив РАН и РГГУ. 16–18 сентября 2010 г. в Москве>. М., 2010. С. 63–76.

³ Старостин Е.В. // *Историки России: Кто есть кто в изучении отечественной истории: Биобиблиографический словарь* / авт.-сост. А.А. Чернобаев. Саратов, 1998. С. 342.

⁴ Старостин Е.В. // *Историки России конца XIX – начала XXI в.: Биобиблиографический словарь: В 3 т. Т. 3: П–Я.* М., 2017. С. 240.

⁵ *Сидоров А.В., Старостин Е.В.* Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) // *Историки России: Биографии.* М., 2001. С. 369–377.

⁶ *Хорхордина Т.И.* Мастера российской историографии: Евгений Васильевич Старостин (1935–2011) // *Исторический архив.* 2015. № 3.

23 марта 2011 г. Евгений Васильевич скоропостижно скончался. Это большая потеря не только для его семьи, но и для всех друзей, коллег и учеников.

В заключение добавлю, что Старостин был не только известным российским ученым и педагогом, организатором науки, но и всесторонне одаренным человеком. Уже в юности он увлекся рисованием и интерес к изобразительному искусству сохранил на всю жизнь. В 1980-е гг. занимался в изостудии московского Дома ученых, его работы неоднократно экспонировались на персональных выставках. 5 сентября 2011 г. в Архиве РАН была открыта художественная выставка «Хранители памяти», посвященная Евгению Васильевичу. На ней было представлено более 150 художественных полотен и графических работ Старостина и его коллег – историков и архивистов. Дополнением к моему выступлению является краткая презентация материалов выставки 2011 г., подготовленная Виталием Юрьевичем Афиани, который в то время был директором Архива РАН.

И последнее. Не зря говорят, что талантливый человек талантлив если не во всем, то во многом. Именно таким Человеком был Евгений Васильевич Старостин, друг, коллега, учитель многих из присутствующих сейчас в этом зале.

Информация об авторе

Анатолий А. Чернобаев, доктор исторических наук, профессор, Институт российской истории РАН, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19;

Архив Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Новочеремушкинская ул., д. 34; aa-istorik@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0001-1238-5775

Information about the author

Anatolii A. Chernobaev, Dr. of Sci. (History), professor, The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 19, Dmitrii Ul'yanov St., Moscow, Russia, 117292;

Archives of the Russian Academy of Sciences, Mosco, Russia; 34, Novocheremushkinskaya St., Moscow, Russia, 117218; aa-istorik@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0001-1238-5775

С. 62–77; *Она же*. Старостин Евгений Васильевич: 1935–2011 // Историки России: Иконография. Кн. 4. М., 2019. С. 186–199.

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Том 8

2 • 2026

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6.

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.
Периодическое печатное издание

Подписано в печать 10.06.2026

Выход в свет 18.06.2026

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 14,1. Усл. печ. л. 15,5

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2357

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru